

ИДЕОЛОГИЯ: ДУХ, СМЫСЛ, РАЗУМ

МОНОГРАФИЯ

Красноярск 2011

ББК 87
И 293

КРАСНОЯРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР СОВРЕМЕННЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ СИБГТУ

Ответственный редактор выпуска В.Ю. Колмаков

И 293 Идеология: дух, смысл, разум: коллективная монография
/ отв.ред. В.Ю. Колмаков. – Красноярск: «Литера-принт»,
2011. – 302 с.

Идеология как сложный комплекс проблем и способов их осмысления порождает и порождает неоднозначные решения, проблематические методы реализации поставленных целей.

В исследовании рассматриваются разные уровни и подходы к пониманию сущности идеологии: идеология как дух народа; идеология как проявление определённого смысла; идеология как форма рационального и прагматичного мышления, адекватного современности. В монографическом исследовании подвергается анализу феномен идеологии, определяются подходы к его осмыслению и современные способы понимания.

Исследование адресовано научным работникам, аспирантам, студентам, всем интересующимся проблемами современного идеологического состояния общества.

ББК 87

- © Красноярское отделение
Российского философского
общества, 2011
- © Исследовательский центр
Современных гуманитарных
технологий при СибГТУ, 2011

Введение

Духовность 21 века породила множество проблем, решив которые, человечество вряд ли сможет успешно двигаться дальше.

Необходимо мыслить и представлять общий процесс, происходящий в современном мире, представлять те события, которые влияют на каждого отдельного человека, на всё общество, на индивидуальное Я. Сегодня возникает иная система мышления и представления человеком самого себя в современном мире, в непосредственном будущем. Невозможно строить свою индивидуальную деятельность, не понимая, что же происходит с современным обществом и тем, в какую новую форму оно стремится превратиться. Поэтому необходимо понять систему мышления о будущем. Необходимо понять новые схемы мышления, а именно те схемы, которые позволяют увидеть целостным образом массу отдельных событий и фактов.

Мышление о будущем является неотъемлемой частью мышления о настоящем. Когда общество, строящее коммунизм, в итоге построило дичайший уродливый капитализм, то можно спросить: что было ошибкой в системе мышления, предопределяющего такую социальную деятельность? Необходимо понять особый феномен, который можно определить как феномен новой глобальной идеологической наррации, как формирование нового глобального текста, в котором можно определённым образом находиться и двигаться в его смысловом пространстве. Действительно, важен новый нарабатываемый опыт идеологической деконструкции

как опыт анализа смысловой преобразующей деконструкции. Старый мир как идеологема, как пространство смысла должен быть деконструирован. Необходима новая духовная идеологическая наррация, новые смарт-технологии, необходимы новые духовные ландшафты, необходима новая положительная духовность.

Колмаков В.Ю.

Часть первая

**Идеология
духовности**

ДУХОВНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА 21 ВЕКА

Колмаков В.Ю.

Духовно-смысловая реальность 21 века как проблема осмысления вбирает в себя проблемы разума, сознания, ментальности, религиозности, проблемы веры, идеологии, социальной психологии в целом. Это сложный комплекс вопросов, связанных с нематериальными агентами, акторами современного общества. Вся совокупность этих нематериальных факторов в условиях информационного общества стала более активной. Возникли новые типы коммуникации, которые оказывают воздействие на современного человека и на формирование человека нового типа. Возникает асоциальность как следствие новых коммуникаций. В этом типе коммуникации личность дистанцирована от непосредственного живого взаимодействия. Можно ли определить, в каком состоянии находится современная духовность? В каких характеристиках она должна быть отражена? При решении этих вопросов необходима переоценка всех ценностей. Но если Фридрих Ницше, решая подобную задачу, пытаясь понять, в чём именно состоит кризис культуры его времени, акцентировал внимание на прошлых и существующих ценностях, сегодня необходимо понять, оценить те ценности, которые слишком быстро становятся ценностями новой духовной эпохи.

За многообразием духовных явлений кроется общая логическая структура – духовная матрица, понимание которой может быть достаточно различным, могут быть разные трактовки. В начале же этого рассмотрения хотелось бы поставить проблему в целом. Проблема духовной матрицы 21 века, очевидно, неоднозначна, но эта проблема может быть решена, если будет найден правильный подход. Проблема в

первую очередь видится в том, какой будет эта духовность нового исторического типа общества. И всё дело в том, что именно может быть основой целостного феномена культуры нового века. Пока же необходимо констатировать наличие духовного кризиса, кризиса сознания, кризиса культуры. Этот кризис в целом выражается в каком-то неприятном ощущении отсутствия целостной духовности. Он выражается в неспособности тех форм духовности, которые существуют, помогать решать реальные социальные проблемы. Это есть странное, почти подсознательное чувство неудовлетворённости духовным устройством, духовным образом жизни современного общества.

Известный сборник статей 1909 года «Вехи» как манифест русской интеллигенции начала 20 века показал, что интеллектуалы не имеют права молчать. Когда интеллектуалы молчат, власти полагают это признанием, фактом одобрения их деятельности. Очевидно, что новый смысл, закреплённый в значимых символах, образует новые вехи. Новые вехи новой эпохи обозначают новый смысл, новую смысловую реальность. Интеллигенция есть социальная группа, продуцирующая духовность, основанную на высоких идеалах служения обществу. Интеллектуалы могут не быть интеллигентами, не выполняя данную функцию. И в этой связи действительно очень важно понять, каким образом изменяется сама интеллигенция как нравственно особая группа, важно понять, как изменяется духовность, которую она создаёт, которую она пытается вложить в сознание людей. Именно поэтому должна быть современная философская диагностика существенных происходящих событий в России, в мире, во всей современной жизни. Необходимо высказаться, сформировать новые представления о той духовности, которая способна в современном плюралистическом хаосе культур и смыслов найти всё-таки верный смысл, позволяющий современному человеку выжить.

Нужны новые призывы, нужны новые вехи – ориентиры деятельности. Эпоха крушения высоких идеалов заставляет задуматься над смыслом этой странной и во многом страшной эпохи. Эта эпоха в России убивает классический тип русского интеллектуала – интеллигента. Учителя, врачи, инженеры, писатели, поэты, художники стали духовными маргиналами современного российского общества, и это обстоятельство резко их отличает от той ситуации, когда русские интеллигенты создавали «Вехи», «Из глубины», когда Д. Мережковский писал свой «Грядущий хам». Таким хамом стали современные чиновники и государство, уничтожающие образование и духовную культуру высокого порядка. Придёт, очевидно, более простая культура, но также очевидно, что высокая духовность ещё найдет в себе силы и возможности для сопротивления этим негативным процессам. Умонастроение и есть настроенность сознания и мышления на определённую духовность как основополагающую сущность. Духовная аура всё равно будет создаваться и поддерживаться в новых техногенных условиях и более мощных политехнологий промывания мозгов. Духовная аура есть пространство духовности, обладающей определённой ментальной характерностью.

Нравится нам это или нет, но человечество обязательно вступит в так называемую «Эпоху информационного общества». И, если это обязательно произойдёт, то, по видимому, а может быть, даже и очевидно, мы должны понять, каким именно образом будет происходить данный процесс. Правильно ли, что миром правят олигархии, которым культура интересна лишь с финансовой точки зрения? Поэтому поп-культурная кастрация общественного сознания – идеальная модель для получения прибыли от продажи шоу-культурных эрзацдуховных товаров.

Конструкции духа и души являются вечными абсолютными сущностями. Общество существует как духовная кон-

струкция. Всегда существует духовная устроенность, организованность, матричность общества и человека. В каждую конкретную историческую эпоху общество определённым образом устроено, есть некая психологическая конструкция, в зависимости от которой реализуются многие деятельностные аспекты. Такой психологической конструкцией может быть духовная цель, способ духовного самопонимания. И это общество, и человек должны обладать пониманием, основанном на адекватном самоощущении. Без этого почти иррационального понимания невозможно осмысленное движение вперёд, невозможна рациональная деятельность.

Материальная матрица, материальная формация, как это понимал Маркс, как некая структура производственных отношений выражается в материальных благах, получаемых обществом, в доходе на душу населения и тому подобных материальных показателях. Это, конечно же, влияет на характер жизни общества, на то, какие именно материальные блага получаются данным обществом. Но очевидно, что нет прямой зависимости между духовной удовлетворённостью и тем, какое духовное количество материальных благ человек получает. Как только возникает возможность не на прямую зависеть от куска хлеба, от хлеба насущного, так возникает и резко усиливается тенденция духовных исканий. Наличие духовной неудовлетворённости есть общая реакция на то, что происходит с обществом, на то, что это общество из себя представляет, каким образом это общество пытается двигаться к определённым целям или никуда не двигаться. Тем не менее этот духовный застой предопределяет необходимость задуматься не только над тем, что человек духовно несовершенен, но и над тем, как его изменить, как перестроить этот мир. И, главным образом, как перестроить этот дух.

Поэтому весьма важна постановка проблемы духовной информационной тектологии как структурно-матричного

образования и реального действенного механизма духовно-информационного предопределения культуры. Исходно можно отметить, что российская философия конца 19 – начала 20 веков сформировала важный методологический инструментарий мышления, применение которого позволяет выявить новые интересные аспекты понимания информационно-духовных механизмов культуры. Тем самым, интегрируя область культурологического, культур-философского знания и системы информационных и научных представлений, данный философский подход позволяет выявить важные актуальные отношения.

Российская философия сформировала свой, во многом уникальный, вариант понимания закономерностей построения организационно-тектологических форм существования и взаимосвязи человека и космоса. Такое понимание может быть определено как концепция информационного совершенства мироздания.

С позиций современной информационной философской методологии, представляется интересным более внимательно рассмотреть этот философский опыт, выявляя его глубинные логические основания, теоретически адаптируя их к современному уровню знания, делая их более взаимоучитывающими, взаимодополняющими, тем самым более научно эффективными. Можно отметить, что в этом философском подходе активно происходил сложный духовно-интеллектуальный поиск нового категориального инструментария мышления, при помощи которого становится более полно, более глубоко и адекватно сущностно отразить закономерности развития космоинформационной структуры общества и мироздания. Необходимо признать, что этот духовно-инновационный опыт во многом является отражением лишь некой проявленности более глубокого знания. И в настоящее время осуществлена его лишь первичная констатация, далее необходимо понять более полно духовно-

творческий механизм его действия. Но это проявление формирования космоинформационной философии продолжает находить свои новые формы теоретического развития. Интересно отметить позицию русского физика-космиста Н.А. Умова, который применил термин «стройность», в своей содержательной основе позволяющий выявить более наглядно негэнтропийные свойства реальности. Данный термин «стройность» с философской точки зрения позволяет обозначить такие процессы, как формирование совершенства и красоты реального мира. Помимо того, что в этом категориально обозначенном аспекте отмечен особый теоретико-эстетический ракурс космической философии реальности, эстетико-философский способ отношения человека к миру, интересен сам прецедент создания и теоретического использования красивого русскоязычного философского термина, позволяющего выявить особое направление исследования реально значимых сущностей мироздания.

Активное формирование российской философской ментальности во многом, действительно, связано с выработкой русскоязычного философского категориального способа мышления. Удачным в этом же направлении, например, является введение в научный оборот таких философских терминов, как «соборность» и «всеединство». Примерно в этом же направлении происходят поиски и осознание духовно-культурологических закономерностей организационности и совершенства конкретных человеческих модусов существования в реальном мире. Нужно отметить, что организованность и совершенство как предмет исследования и философского осмысления находит отражение практически во всех чисто религиозных и религиозно-философских системах мышления, большинство из которых начинает формироваться как мировоззренческие построения, пытаясь осознать глубинно-существенный порядок, природу Высшей Гармонии Мироздания.

И в этом отношении, совершенство и несовершенство человека есть проявление его правильного или неправильного философско-практического отношения к действительности.

Близкими к пониманию закономерности духовно-информационной организации культуры были российские мыслители о.П.Флоренский, отметивший принципиальную ограниченность физического знания в исследовании явлений духовной культуры, и Богданов А.А., нашедший принципиально новое направление исследования законов организующихся систем. Если синтезировать намеченные данные подходы к анализу социокультурных систем и применить данный методологический инструментарий к анализу современного информатизирующегося общества, всё более полно осознающего свою духовно-информационную реальность, то можно отметить действительно значимые факторы и характеристики информационной природы социума.

Рассматривая в качестве постановки проблему духовно-информационной тектологии, можно теоретически реконструировать логические взаимосвязи между концептуальной схемой мышления, определённой в рамках тектологии Богданова А.А., и теорией духовной гармонии, христианской культурологии Флоренского П.А.

Идея Флоренского о взаимосвязи веры – культа – способа миропонимания и гармонии как проявления Логоса есть способ понимания духовно-информационной гармонизации космологической структуры социума и человека. Философия Флоренского П.А. и Богданова А.А. могут быть рассмотрены как существенно важные послышки, заключением по отношению к которым является более глубокое понимание информационно-тектологического понимания механизма формирования и устройства духовной, интердуховной, метадуховной структуры культуры.

В этом случае можно отметить взаимодополняемость данных обозначенных подходов, на основании чего далее представляется возможным сделать следующий логический шаг к обоснованию нового, более широкого логико-структурного единства. На этом основании сформулируем исходный принцип духовно-информационной тектологии как принцип и способ понимания информационных процессов в социокультурной реальности.

Возникла новая духовная логика, отличающая 21 век от предыдущих именно характерностью этой духовностью. Нужна ли эта логика? Или духовное развитие могло пойти иначе? Что может быть конкретной формой такой логики? С определённостью долей условности можно сказать, что духовность не имеет логики в некоем традиционном естественно-научном смысле. Есть ли духовность то, что противоположно материальным интересам и мотивациям прагматического порядка? Если да, то что тогда понимать под прагматически ориентированной духовностью стремления к обогащению. Но очевидно, что духовность имеет другую логику по сравнению с логикой прагматического порядка. В чистом виде духовность может быть противопоставлена прагматичности, но реально они взаимосвязаны.

Учитывая организационно-информационный характер любой тектологической системы, на этом основании можно более точно раскрыть информационную сущность культуры в целом. Попытка Флоренского обосновать духовно-религиозную философию культуры имеет важное значение и в современной социокультурной ситуации. Но раскрытие духовных механизмов культуры невозможно без учёта информационно-тектологической составляющей.

Опережая критику в данном отношении, можно сказать, что такой силлогизм может быть воспринят как некая условность, но на самом деле данный подход является правомерным, так как осмысление данного духовно-

философского наследия не только возможно, но и необходимо, учитывая современный уровень информационного мышления. Осмысление, интеграция, интерпретация опыта российской высокоментальной философской культуры необходимо для соответствующего формирования культуры современного мышления не только ради сохранения российской высокой национальной парадигмы мышления, это необходимо потому, что данное направление во многом не исчерпала своего логико-смыслового потенциала, исходно намеченного плана философского исследования.

Вместе с тем сегодня, когда говорят о необходимости формирования новой российской национальной идеи, часто забывают, что важен и особый ментально-логический уровень возможности её реализации. И если национальная общероссийская идея, программа развития будут сформированы лишь с учётом агрессивно примитивной ментальной культуры, то перспективы дальнейшего духовного развития страны вновь окажутся фатально негативными.

Что можно считать критериями духовного развития? Духовное развитие – сложный и неоднозначный процесс, отражающий, может быть, самую главную сторону системы характеристик человека в целом. Духовное развитие есть последовательный процесс чередования различных стадий, этапов, каждый из которых включает в качестве своего основания всё предшествующее. Тем самым происходит возрастание уровня сложности духовной организации человеческого бытия. Но совсем не обязательно увеличение разнообразия того мира. Совсем не обязательно при этом происходит увеличение разнообразия того мира социальной реальности, который напрямую соотносится с духовной структурой и определяет уровень духовного развития в целом. Каждый новый уровень технического развития общества приносит новые элементы разнообразия, но они совсем не обязательно являются показателем сложности раз-

вития духовности. Критерием развития духовности можно считать общую качественную системную характеристику духовности – её способность осмысливать, перерабатывать конкретно-исторический уровень развития, включающий в себя всю специфику данного состояния. Духовность есть показатель способности общества возвыситься над конкретными материально-практическими проблемами.

Развитие духовно-тектологического подхода позволяет применить развивающийся логический инструментарий мышления для анализа и более глубокого понимания сложного информационного механизма духовных процессов, происходящих в социокультурной сфере реальности. Обращение к анализу духовных процессов с позиций информационной методологии позволяет, далее, выявить соответствующие закономерности. Проблема духовно-тектологической организации культуры является одной из наиболее сложных и неоднозначных проблем и в отношении способов её адекватного исследования, а также дальнейшей теоретической интерпретации. Но, безусловно, она является и одной из наиболее важных, актуальных проблем и аспектов понимания сложных, сверхсложных процессов, которые происходят в современном мире, где резко увеличивается количество потребляемой информации.

Можно отметить явную закономерность. В современном мире происходит увеличение традиционных и нетрадиционных, новых форм информации. Это приводит к тому, что последствия этого, казалось бы, в целом положительного процесса могут иметь и действительно проявляют явные черты деструктивного и даже катастрофического сценариев развития дальнейших социоинформационных событий. То есть в этих условиях необходимо понять духовно-информационные современные сложные процессы и адекватно построить их теоретические модели, обладающие не деструктивной, а духовно-тектологической ингрессией. В

этом смысле духовно-тектологическая ингрессия социокультурных событий есть положительное результирующее следствие изначально заложенных в данном процессе духовно-информационных составляющих. Отсутствие духовно-информационной ингрессии прослеживается на протяжении всего 20-го столетия одновременно с увеличением омассовлённо тотального процесса социального зомбирования, в результате чего происходит нарастание числа и качества социально-деструктивных событий.

Отсутствие информационно-духовной ингрессии для большей части общества, моделей совершенства как традиционных духовных учений, а также духовно-религиозных процессов является важным индикатором, свидетельствующим о нарастании духовной деструкции, которая может выражать, несмотря на видимое увеличение числа и модусов информационных потоков, и развитие информационных коммуникаций нового типа.

Духовно-информационный космос общества может оказаться подчинённым экстенсивным процессам образования хаосмоса. Осознание недопустимости данного варианта деструктивного нарастания информационных факторов и соответствующих им событий является очевидным и необходимым условием для адекватного формирования программы практических действий и их реализации соответствующим образом.

Различные проблемы духовно-информационной тектологии становятся, по сути дела, центральными проблемами сложной и во многом противоречивой культуры современного, так называемого «информационного общества», которое по современной модели развития становится информационно-деструктивным обществом. **Очевидно, что общество, в котором происходит нарастание духовной энтропии, оказывается самоуничтожающимся.**

На этом основании можно отметить следующий факт. Проблема информационной тектологии, по сути дела, центральная проблема, от позитивного разрешения которой зависит предопределение временных границ существования человеческой цивилизации в целом. Условность термина «информационное общество» проявляется в том, что, исходя из факта наличия бытия информационного общества, порождается опасная иллюзия, предопределяющая неадекватность социальной политики, возникающей от осознания успехов внедрения информационных технологий, которые, надо заметить, сами по себе никак не решают сложных современных социальных и технологических проблем. А самое главное, **информационные технологии сами по себе ещё не решают проблем духовно-информационной организации общества, в котором, действительно, информация становится новым идолом, новой примышленной сущностью.**

Возможно ли управлять социокультурными процессами? И, если это возможно, то каким образом? На одной из научных конференций пришлось столкнуться с неким представителем культуры, который был обижен тем утверждением, что культурой можно управлять; он с откровенным негодованием высказывал эмоционально выраженный упрёк в том, что находятся же такие люди, которые пытаются управлять культурой. В таком подходе проявляется своеобразный страх, технофобия творческой богемы в том, что управление культурой есть одновременно управление и творческим, индивидуальным процессом создания новых форм культуры.

Хотелось бы отметить следующее. Управление и определённая организация духовных социокультурных процессов является вполне реальной проблемой, обладающей высокой степенью сложности, в зависимости от того, какие информационные процессы в ней происходят. И, тем са-

мым, предопределяется возможность появления характерных особенностей, возникающих впоследствии.

Все современные социоинформационные процессы формируются при доминировании информационных потоков современными мощными корпорациями СМИ, производителями информации, которая должна потребляться обществом. Но многие духовные процессы возникают именно благодаря противодействию омассовлённых информационных потоков, порождаемых технологическими монстрами СМИ. Во многом то, что они порождают, можно назвать информационными аномалиями. Резкое увеличение деструктивной информации без соответствующего сопротивления социального организма имеет нежелательные последствия, поэтому, анализируя информационный характер определённых духовных явлений необходимо учитывать возможность противодействия этому процессу.

Информационная доминанта, порождаемая СМИ-хаосом, оказывает эффект информационного зомбирования по отношению к значительной части общества. Этот эффект может быть назван «информационной наркокультурой» современного общества. Потребители духовно низкокачественной информации нуждаются в соответствующей энергии. Информационно-духовная доминанта в этом случае приобретает аномальный вид, паранормальные формы своего проявления. Можно отметить, что паранормальные информационные феномены могут порождать резкие всплески социальной энергии.

Основные идеи Флоренского интересны с позиций тектологии и современного уровня развития информационной методологии. Возникающие в результате этого подходы и новые теоретические положения, по-видимому, не будут абсолютно аутентичными тексту и букве работ Флоренского, но, думается, что при этом сохраняется теоретико-философский дух данного исследовательского подхода,

способа обоснования и сущностного понимания нового уровня развития общества. Сегодня происходит совпадение общего направления поиска законов духовно-информационной организации общества в интеграции положительных духовных информационных доминант современного российского философского мышления.

В метафорическом смысле «столп истины» как принцип философии Флоренского есть духовно существенная составляющая, определяющая устойчивую форму необходимого духовного основания совершенства как состояния социального баланса взаимосвязей. В результате этого, приобретает устойчивая форма не только всей духовной культуры, но и всей социальной системы, возникающей на этой духовной тектологичности общества. «Столп истины», основание истины может быть рассмотрено как тектологически фундаментальная структура, на основании которой образуются сопричастные ей институциональные явления социума. Духовное основание – основополагающие духовные сущности. Говоря современным языком, это есть информационно-тектологическая форма, устойчиво определяющая уровни организации духовной детерминанты, определяющей все социальные структуры, доступные для её влияния. Такая матричная информационная идентификация действует в любой культуре, посредством чего народ, государство, социум определяют свою принадлежность в соответствии со своими глубинно духовными мироощущениями, что может быть интерпретировано, например, как дух культуры, как «русский дух» или любой другой в соответствии с конкретными обстоятельствами. Данный подход является значимым и принципиально важным в процессе формирования, в частности, информационной культурологии, под которой в данном случае понимается исследование информационных структур в процессах образования конкретной формы культуры.

Выявляя главное, обозначим основные принципы духовно-информационной тектологии культуры.

Во-первых, системно информационная оболочка культуры является духовно-информационной матрицей, предопределяющей диапазон возможных типов культурогенной деятельности и, соответственно, определяет возможный спектр результативной деятельности общества в целом.

Во-вторых, общество духовно и материально является продуктивным в силу того, что его деятельность предопределяется конкретной спецификой информационно-тектологической матрицы. Данная духовная матрица есть тектологическая протомодель, протообраз, эйдос, который алгоритмично в соответствующем диапазоне установленных факторов определяет структурный план жизнедеятельности общества.

В-третьих, данная матрица не является очевидной и поэтому непонятна без соответствующего информационно-методологического анализа, без которого она не может быть выявлена в полной степени. Понимание механизма действия информационно-тектологической духовности является важным и необходимым уровнем понимания социальной структуры, предопределяющей специфику практического изменения и оптимизации структуры социальных отношений. Это особенно актуально и необходимо для становления не только так называемого «устойчивого развития общества» или глобального, или альтерглобального развития общества, но это необходимо для становления естественного, космоответствующего совершенства социума как гармонизированного пространства существования человека.

Культурософия социума – содержательная качественность социального способа построения созидательной деятельности. Культура, понимаемая как некая форма накопленного полезного духовного богатства, является высшей аксиологической ценностью. При этом необходимо отме-

тить, что её информационно-семантическая структура культуры изменяется в отдельные периоды достаточно радикально. Здесь стоит вспомнить, что Ю. Лотман одним из первых стал разрабатывать семантическую теорию культуры, и в таком подходе культура есть информационно-семантическая система, но культура в силу своей сложности пользуется не одним, а множеством языков. «Человеческая культура разговаривает с нами, то есть передает нам информацию различными языками».¹ Язык есть системная, упорядоченная коммуникативная смысловая целостность, посредством которой передаётся необходимая информация. Язык есть знаковая система, вырабатываемая обществом для передачи необходимой информации. Язык в своей сущности коммуникативная информационная система, поэтому каждой отдельной культуре с необходимостью соответствует определённый тип языковой информативной насыщенности. В этом отношении язык выполняет определённую социальную функцию, он обеспечивает обмен, хранение и накопление информации.

Знаковый характер языка предопределяет его как семиотическую систему, язык есть семиотическая система знаков. Знак позволяет создавать информативные замены реальным объектам и отношениям и даже самим знакам.

«Следовательно, основной признак знака – способность реализовывать функцию замещения. Слово замещает вещь, предмет, понятие; деньги замещают стоимость, общественно необходимый труд; карта замещает местность; военные знаки различий замещают соответствующие им звания».

«Поскольку знаки – всегда замены чего-либо, каждый из них подразумевает константное отношение к заменяемому им объекту. Это отношение называется семантикой зна-

¹ Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: «Ээсти Раамат», 1973.

ка. Семантическое отношение определяет содержание знака. Но поскольку каждый знак имеет обязательное материальное выражение, двуединое отношение выражения к содержанию становится одним из основных показателей для суждения как об отдельных знаках, так и о знаковых системах в целом.

Однако язык не представляет собой механического набора отдельных знаков: и содержание, и выражение каждого языка – организованная система структурных отношений. То, что знаки не существуют как отдельные, разрозненные явления, а представляют собой организованные системы, является одной из основных упорядоченностей языка.

Однако кроме семантических упорядоченностей, язык подразумевает еще и другие – синтаксические. К ним относятся правила соединения отдельных знаков в последовательности, предложения, соответствующие нормам данного языка. При таком достаточно широком понятии языка оно охватит весь круг функционирующих в человеческом обществе коммуникативных систем.

Очевидно, что идея матрицы культуры постепенно наполнится новым смыслом. Возникновение «идеи матрицы» обусловлено развитием информационно-программистического способа понимания реальных процессов. Идея матрицы нашла своё применение в психологии. По сути дела, матрицей являются смысловые паттерны сознания, посредством которых мыслит любой человек.

Возникают попытки описания культуры в категориях информационной методологии. Своеобразным по своим результатам является осмысление информационно-алгоритмической структуры современной культуры. Матрица есть способ предопределения смысловой картины реальности. Культурологическое сознание и мышление предопределены определённой матрицей, имеющей свою смысловую структуру. Протоидею матрицы можно найти в концепции Кар-

лоса Кастанеды. Но в гораздо большей степени и принципиально сформулированном виде эту идею можно найти в концепции А.Ф. Лосева.

Место и значение идеи матрицы как концептуального подхода в культурологическом мышлении необходимо признать и определить её достаточно высокое значение. Такая концепция матричного строения не только самих результатов культуры, но и того смыслового, смыслоопределённого пространства, которое их порождает, действительно необходима. Под матрицей смысла понимается в данном случае определённая устойчивая и характерная теоретическая модель понимания сущности исследуемых явлений.

Имидж как носитель смысла есть внешняя сторона матрицы. Имиджная структура культуры во многом определяет её важные содержательные характеристики. Каждое общество нуждается в производстве необходимого числа образов как носителей социокультурной информации. Производство таких образов является неотъемлемой частью производства культуры в целом.

Культура идентифицирует себя через совокупность образов, выражающих её содержание. В таком подходе очевидно то, что образное социокультурное мышление требует наличия достаточной совокупности образов, через которые культура передаёт своё содержание.

Человек чаще пытается изменять окружающий мир, и эта тенденция, которая, по сути дела, идёт красной нитью по всей истории человечества, определила восходящую линию материально-технического развития общества. В результате усиления техники общество становится всё сильнее и сильнее, мощнее воздействуя на природу. Общество, человечество оказываются определённой материально-физической силой, влияющей на те процессы, которые протекают в природе. В конечном счёте, тенденция бесконечного усиления, негативного усиления не нужна и бессмыс-

ленна. И с этих позиций, очевидно, должна быть точка, когда дальнейшее материально-техническое воздействие на общество не просто не нужно, оно безумно, оно не даёт ничего положительного, оно не позволяет обществу остаться компонентой той природной системы, которая позволяет обществу существовать.

Общество как целостная и неосознаваемая сущность становится гигантским безумцем, уничтожающим основы своего существования. И духовность необходима как рациональная, как это ни странно, как сдерживающая компонента и как фактор, позволяющий обществу одуматься. По сути дела, в данном отношении можно вести речь о рациональной функции духовности.

Техника – порождение социальности – может стать причиной исчезновения социума. Техника без духовности становится страшным фактором, который, давая человеку новые возможности, заманивает его в техногенную, техно-катастрофическую ситуацию. В этом аспекте духовность 21 века выглядит иначе, чем раньше.

И в такой ситуации вновь возникает вопрос о сущности техники, о её позитивном и одновременно негативном влиянии на становление духовных процессов. Возникает осознание необходимости понимания не просто того, что техника, техносистема влияет на духовные процессы, происходящие в обществе, но главным становится понимание того, что есть некие пределы развития мира техники, выходящего из-под контроля. И поэтому необходимо более ясно представлять, где именно эти пределы развития техники.

Возможно ли внетехническое развитие? Если, предположим, что в силу жесткого однозначного запрета не позволять любое техническое изменение сложившего социального порядка вещей, то возможность реализации человеческой способности будет, естественно, изменяться и развиваться. В этом случае развитие ситуации будет направлено на поиск

новых возможностей. Но всё же не техника сама по себе, а именно вся система отношений к этой технике как социальному и духовному фактору имеет максимальное значение. Но здесь же необходимо отметить, что могут возникать не только положительные, но и отрицательные формы духовности. И эта негативная духовность может порождать разрушительные тенденции во всех областях социальной деятельности. Если внетехническое развитие возможно, то нельзя сказать, что человечество готово к этому пути развития.

Необходимы эстетика животворящей духовности, новое осмысление духовности как, по сути дела, функции даже не столько человечества, сколько природы. Духовность протекает из гармонии природы. И, естественно, человек получает эту духовность, созерцая красивые пейзажи и все те состояния природы, которые наполнены жизнью как энергией духовности. Биологическая гармония жизни наполняет духовность всегда новыми потенциями. Духовность, выраженная в поэзии, как правило, наполнена этой жизнью как составляющей компонентой.

Так возникает необходимость осмысления духовности как той силы, которая способна изменить техногенный мир, усиливающий свои темпа развития и свои мощности воздействия. Духовность есть, в этом отношении, внутренняя сила человечества, способная остановить безумие и хаос, возникающие в результате развития общества как техносистемы.

В этом отношении можно говорить о новой сущности духовности, и этот вопрос получает импульсы нового осмысления именно тогда, когда общество, цивилизация ощущают, что они вступают в некое новое интеллектуальное время. Духовность и интеллектуальность взаимосвязаны. Новые состояния, новые ментальные состояния, возникающие в результате того, что развиваются образование, наука, система информосферы, порождают новую духовность.

Поколения духовности

Поколения духовности сменяются вместе с изменением культуры, общества, цивилизации. И здесь можно легко заметить: как только усиливаются темпы развития науки и техники, так усиливается разница между поколениями социума, усваивающими эти достижения. И вследствие этого – отличающиеся достаточно многими характеристиками. Данный процесс легко заметен в результате того, что резкое развитие информационных технологий привело к возникновению поколения, для которого компьютеры, девайсы, гаджеты не являются чудом, они являются естественной составляющей повседневной жизни.

Разница двух поколений, возникших в результате информационно-технологического скачка, заключается в том, что для одних компьютер – это то, что возникло, то, чего не было, то, без чего люди жили соответствующим образом. И возникает поколение, которое считает, что компьютеры, девайсы были всегда, их не может не быть. Этот факт вошёл в базовую структуру сознания данного поколения, он становится базовой определяющей характеристикой всей техногенной проинформационной ментальности, которая формируется у данного поколения. Здесь действительно легко заметить, что темпы развития информации также являются очень значимыми для формирования ментальности как таковой.

Итак, проблема духовности формируется в контексте обстоятельств того века, который принципиально отличается от всех предыдущих информационно-ментальных состояний, существовавших, возникавших в истории человечества. По сути дела, одним из важных моментов решения данной задачи является определение того поколения, которое, возникнув в условиях простой констатации компьютерно-информационных технологий, через ближайшие пять, десять, пятнадцать лет станут фактором новой социальной системы. Это может придать обществу новые,

иные тенденции духовной мотивации, психорациональной мотивации своих действий. И общество через небольшое количество времени может изменить характер и систему своей деятельности, оно может изменить свои существенные характеристики.

Общество есть рациоментальная система духовности, общество и современный человек становится заложником внутренней системы духовности. В разных эпохах, в разных культурах возникали идеи, некие представления о том, что такое человек и, каким образом существующая модель человека может быть усовершенствована.

Идея совершенства изменяется исторически. Идея более совершенного человека, по сути дела, лежит в основании философии, в её изначальной идее формировании особого философского типа ментальности. Философия возникает как попытка изменения, усовершенствования человека, попытка изменить его мышление, пытаясь приблизить мышление человека к мышлению и сознанию богов. Мудрость как эталон знания, сознания и духовности является системой соизмерения, системой духовно-нравственных эталонов совершенства земного человека.

Данная изначальная тенденция может быть прослежена и в различных феноменах религии, где дистанция между человеком и совершенными существами более радикальна. Дистанция между человеком и совершенным, более сильным миром не рассматривается как преодолимая, но есть, безусловно, сложившиеся психометодики, которые позволяют ее изменять. Человек способен приближаться к некой трансреальности, которая более могущественна, более значима в системе координат мира по сравнению с духовностью самого человека. Тем не менее во всех этих случаях можно отметить феномен духоцентризма.

Человек познаёт мир как духовность, как то, что сопричастно и созвучно человеческой духовной организации. Че-

Человек пытается осмыслить мир как систему духовных координат, которым необходимо соответствовать. Человек есть система, может быть, оторвавшаяся от этого мира, и, когда она отрывается, возникает определённое противоречие. Мир, лишенный духовности, становится злобной холодной или горячей массой материи, существующей по законам абсолютного объективизма вне человека, независимо от человека и чаще всего вместо человека. И здесь не важно, что именно мы понимаем под материей. Важно, что это нечто – материя или безразлично что – не сопричастны духовной организации человека. И человек в этом случае есть случайная комбинация биологической пыли, временное сочетание молекул.

Вместе с тем человек через противопоставление этой тенденции, этому разрыву, этому несоответствию находит возможность решать определённые проблемы. Ситуация оказывается весьма неоднозначной.

История показывает процессы возникновения и смены различных способов духовной организации, различных способов духовной проявленности человеческой природы. Разные культуры есть разные типы духовности, основанные на разных типах языка, литературы, способах философского осмысления сущности человека. Вместе с тем легко заметить, что идея духовного совершенства есть внутренняя линия развития общества. Модель античной духовности и далее духовности европейского типа возникает на основании того, что возникает прецедент ментального языка нового типа. Гомер создаёт свой язык описания исторических событий и действующих героев, но надо заметить, что он создаёт модель, смысловую ментальную конструкцию определённого типа личности. Этот язык позволил возникнуть предопределённой культуре, объединить некоторое количество отдельно взятых племён в нечто культурно целостное, самобытное. Возникла культурно-духовная общность, не

однотипность, а именно общность. Вместе с тем был создан определённый обобщающий образ личности эллинского типа. Это личность, чьи действия и образ мысли, воля и мотивация поведения построены на некоем практическом, по сути дела, рационализме. До полного завершения данный процесс формирования данного типа буден доведён в древнеримскую эпоху. Суверенная личность, способная самостоятельно действовать и отвечать за свои действия, за свою судьбу, типична для данного периода истории духа. Интеллектуальная структура данного типа личности лежит в основании других уровней проявления сущности человека этой духовной формации. Свободолюбивая, свободомыслящая личность способна реализовывать свою внутреннюю уверенность, внутреннее ощущение способности при помощи самостоятельного мышления достигнуть необходимого практического результата.

И фактически признавая техногенную логику развития человечества, можно сказать, что духовность является важнейшим фактором техногенности. В этом смысле, говоря о характере техники, о философии техники, вынуждены говорить о философии духа. Именно философия духа порождает философию техники, феномен духа порождает феномен техники. С точки зрения понимания феномена духа, полнее раскрывается понимание феномена техники. Скорее всего, появление техники в этом историко-генетическом аспекте можно рассматривать как продолжение развития новых психотехник, способов изменения своего сознания, своего мышления.

И здес, действительно важно отметить точку, где ментальность, духовность, рациональность являются, по сути дела, одним и тем же феноменом и сущностью. Рассудочный, калькулятивный способ мышления разрывает это единство, которое начинает рассматриваться как составленность разных элементов, не связанных друг с другом. Об-

щество, безусловно, не совершенная система, и, соответственно, правомерна идея изменения как вектор поиска возможности приспособления человека к природе, способности человека находить более удачные способы выживания в этой природе. В таком подходе мы приходим к тому, что развитие техники как процесс должно оказать влияние на формирование духовности. И здесь необходимо не согласиться с теми концепциями, которые противопоставляют духовность и цивилизацию, духовную и материальную культуру, духовность и душевность человека как определённого духа и человека как тела. Духовность должна быть осмыслена не как противопоставленность рационально-техническим тенденциям развития человечества.

Мистика духовности присутствует как форма мышления о той духовности, которая не может стать объектом рационального анализа. Мистика духа есть результат абсолютизации факторов духа как такового. В этом случае дух вырывается из системы материально-технических взаимодействий и понимается как нечто абсолютно самостоятельное. Любовь к душе и телу должна быть равнозначной. Дух не противопоставлен телу, и дух не противопоставлен разуму, и в этом смысле он и есть тело и разум в их конкретной форме. Но душу надо любить больше, чем тело. Тело есть результат духа в том смысле, что дух соглашается с существованием и соответствием этому телу. Дух есть внутренняя функция и компонента, с которым тело вынуждено считаться, пока этот дух есть.

Любовь к духовной красоте превращает человека в новое существо более высокого уровня развития. Но такая любовь должна быть не только созерцательной, но и практически дееспособной. И в этой ситуации необходимо находить возможность для своего духовного и эстетического развития. Для этого следует начать процесс своего духовного совершенствования, определяя для себя в качестве оче-

редного реального уровня вполне конкретный набор новых, более совершенных характеристик.

Сильный дух усиливает и практическую способность человека совершать преобразование материального мира. Духовная организации человека не может развиваться вне зависимости от применения и развития его духовных возможностей.

Увеличение пороков общества возникает именно тогда, когда возникает непреодолимый разрыв между духом и всеми материальными физиологическими аспектами существования человека. Дух, вычеркнутый из системы координат общества, особо полно показывает, что может происходить с обществом, когда нет контролирующего влияния духа. Эпохи как определённые эксперименты, осуществлённые над духовными устоями жизни, безусловно, показывают всю опасность возникающих последствий.

Ситуация, когда, например, религия атеистически устраняется из жизни общества, приводит к многочисленным трагедиям для самого общества. Идея влияния разума на совершенство человека была высказана наиболее ясно Платоном. Общество в этом случае будет совершенным, если им будут управлять мудрецы.

Мудрость есть эталон совершенства, и это, естественно, никем не оспаривается. Но проблема заключается в том, каким образом эта мудрость может быть достигнута, если она достигаема в принципе. И концепция Платона о государстве мудрецов оказывается двойной проблемой. Проблема в том, как создать социальный класс как систему управления, как орган управления? Как создать людей, обладающих достаточной мудростью? И весь исторический процесс развития систем образования как развития технологий, в результате которых могут быть усвоены те или иные стандарты реальной практической мудрости, показали, что практически невозможно создать такой класс мудрецов и совершенных

правителей. Сегодня, когда много говорится о создании транснационального государства, эта проблема приобретает конкретное значение.

Мудрость и духовность органично взаимосвязаны. Существуют некая странная взаимосвязь между духовной энергетикой наиболее сильных личностей, действующих в пространстве социальной реальности и всей реальности в целом. Духовная организация сильных людей воздействует на общество. Сильная энергетика таких людей подчиняет поведение и образ мышления других людей. Когда отсутствует духовно сильный человек, то общество становится духовно хаотичным.

Духовность есть энергетика души. Но что именно можно считать такой энергетической духовностью? В религиозном смысле чаще всего понимается некое свойство, аналогичное человеческой душе, но превосходящее на некоем более высоком уровне возможности его развития. Именно духовность способна наполнять человеческую душу некой дополнительной энергией, позволяющей ей преодолевать более успешно тяжёлые кризисные ситуации испытаний. Дух и душа есть разные уровни надматериальной организации.

Чаще всего общество духовно достаточно свободно и трудно определимо однозначно, оно не должно быть устроено одномерно и однозначно, но должна быть общая духовная платформа, определяющая матричная структура. Общество как система, как целостное многообразие никогда не будет совершенным. В этом отношении максимально важна проблема духовных лидеров, людей, способных быть конкретным живым примером мудрости, воплощённой в жизнь. Мудрость оказывается возможной, но реально не достижимой. Мудрость как фактор совершенства может быть, но необходима некая реальная формация людей, способных быть мудрецами. Если же идею класса управленцев как мудрецов считать реальной, то всё же можно отметить,

что общество как неразумная и несовершенная часть может быть противопоставлено в этом варианте некой части совершенных.

Все религии – это, по сути дела – модели виртуальных систем управления обществом. Эта виртуальность – в данном случае класса совершенных существ – должна управлять несовершенным миром. И данный аспект важен, он является подходом к поиску систем искусственного интеллекта как систем управления, возможно более совершенного общества. Общество фактически может создать искусственного рационального Кибер-Бога, который может быть способен положительно управлять обществом и духовно и рационально.

Проблема технорациональности, действительно, важна и актуальна для осмысления. Фактически противопоставление касты мудрецов всему обществу заложено во многих схемах управления. Христианская модель управления в качестве совершенного общества рассматривает лишь рай. С точки зрения теории организации, это весьма проблематичная конструкция. Непонятно, кто, как, каким образом должен поддерживать существование и функционирование данной системы? При помощи каких средств можно поддерживать это совершенное общество вечного благоденствия чистых, духовных и негрешных людей? А земное общество, в силу греха его или некоего не очень хорошего влияния, в этом случае по определению не является совершенным, оказывается неспособным быть совершенным. Противоречие оказывается достаточно сложным, если можно трактовать, что общество как таковое создано для того, чтобы отделить людей, способных быть совершенным, от людей, неспособных быть совершенными. Не понятно, почему те, кто оказался совершенным и безгрешным, учитывая их возрастающее количество, не оказывают усиленного воздействия? Если же эти совершенные райские люди не

должны оказывать влияния на реальное общество, то оно оказывается самоизолированным в своём несовершенстве, в своей неспособности прийти к моделям совершенства.

Прагматика духовности состоит в том, что прямо или косвенно духовность предопределяет тип хозяйствования. Эта идея, высказанная о.С. Булгаковым, в современности приобретает важное значение. Общество на каждом новом этапе пытается подходить к проблеме самой чисто прагматично, нужна не некая идеальная, максимально чистая, максимально непорочная духовность. Нужна духовность, которая даёт психическую энергию, даёт возможность выжить. Вот эта реальная практическая, может быть, во многом несовершенная духовность, во многом, как ни парадоксально, совершенна в том смысле, что она позволяет человеку выжить. Выживаемость в данном аспекте является практическим критерием совершенства. Практически любая форма духовности, которая даёт человеку возможность выжить в системе максимального количества проблем, порожденных реальностью, является в достаточной степени совершенной.

Духовная методология как подход к анализу социокультурных процессов позволяет сконцентрировать основное внимание именно на закономерностях духовного порядка. Для этого необходимо выявить основные духовные сущности эпохи, понять структуру взаимосвязей.

Духовный традиционализм и креативность культуры являются разными направлениями деятельности всех социальных акторов, способных своей деятельностью создавать соответствующие духовные ценности. Ценности культуры достаточно сложно формализовать и представить в однозначной, чёткой и предельно чёткой матричной системе. Ценности варьируются, переплетаются, перемещаются по координатам ценностных показателей в разных ситуациях их оценивания, которые, в свою очередь, зависят от конкретно-объективной, но и субъективной характеристики си-

туации. Первое из этих направлений по своей сущности исходит из того, что все возникающие проблемы можно разрешить при помощи тех методов духовной регуляции, которые созданы, существуют и действуют. Второе направление предполагает поиск и создание новых духовных действий, процедур решения как новых, так и старых социальных проблем.

Каким должно быть духовно человечество 21 века? Каким должно быть духовное единство человечества? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимы духовные лидеры, способные положительно влиять на человека и общество. Ясно одно, цивилизация, теряя духовную энергию, умирает. Общество, в котором доминирует жестокость, безразличие к другим и презрение ко всем, там, где нет духовной доброты, там уменьшается духовная энергия. Должна сохраняться позитивная созидательная гуманитарная логика развития общества.

Духовность, парадоксально, принимает новые модусы проблемности в новом времени, в новой эпохе, в новой цивилизации. Познание и понимание этой сложной явленности базовых духовных проблем в новой социотехнологической ситуации должны быть произведены как необходимая ментальная философская логическая операция мышления. Эта операция есть многосоставляющее семантическое действие мыслящего сознания, определяющего свои духовные координаты существования, свою духовно-рациональную экзистенцию.

Духовная логика 21 века формируется под воздействием множества сложных факторов, и, естественно, необходимо понять этот тип логики, под воздействием которого формируются события следующего уровня. И так называемая духовная матрица выявляется как конструкция, состоящая из основных феноменов данного времени. Духовный

кризис нашего времени порождает новую логику, проявляет духовность нового уровня развития.

Умирающая духовность – признак умирающего общества. К сожалению, современное государство показывает весь свой цинизм и аморальность по отношению к обществу. Проявляя свою бездуховность, государство стало средством и ширмой для ведения бизнеса союза высших чиновников и олигархов. Им неинтересна духовность.

ПРИРОДА ЗНАНИЯ О ДУХОВНОМ КРИЗИСЕ

Рассказов Л.Д.

Необходимо отметить факт наличия противоречия между научным знанием о духовных кризисах и их непознанной природой. Исходя из этого, важно уточнить природу возникновения и способы существования духовного кризиса в переходный период общества. Ещё Аристотель в свое время полагал: «Движению вообще противоположен покой, но отдельным видам движения – отдельные виды движения: возникновению – уничтожение, увеличению – уменьшение, перемещению – пребывание на месте. Наш мир образовался из элементов, существует и будет существовать через соединения и разъединения» [1, с. 88–89; 2, с. 294–295]. Проблема «текучести» и «устойчивости» мира в различные исторические эпохи рассматривалась философами и социальными мыслителями. Ведущее место, особенно в период *качественных изменений общества и в обществе*, занимает вопрос «отношения мышления к бытию, духа к природе» согласно Энгельсу [24, с. 31–32].

М. Битбол и В.С. Барулин полагают, что «в настоящий период теория и методы социальной философии способны и должны послужить открытию и разрешению глобальных проблем современности. При нормальном «бесперебойном процессе» законы «наружу» не выходят. Но вот наступил кризис – общественная природа закона дала о себе знать» [4, с. 5; 12–30][25, с. 53]. Общество и природа развиваются через кризисы и благодаря кризисам. Ведущее место среди них принадлежит кризисам духовности.

А.А. Богданов в своем знаменитом труде «Эмпириомонизм: статьи по философии» отмечал: «Бывают в развитии

Л.Д. Рассказов

народов эпохи, когда жизнь спокойно течет, медленно расширяясь и углубляясь, не нуждаясь в новых путях, потому что старые пока еще не стесняют. И бывают эпохи, когда она бурно стремится через пороги и скалы, прокладывая новые русла взамен старых, слишком узких и тесных» [8, с. 3–4]. С помощью яркого образа автор вводит нас в существо вопроса: «Критика – это садовник, который тщательно рыхлит почву для дерева, подстригает лишние и неправильно растущие ветки; но не он причина того, что дерево растет и приносит роскошные плоды. Жизнь развивается из жизни и сама определяет свою цель; эта цель – творчество, а не критика» [Там же, с.4]. Не вызывает сомнения тот факт, что общество сегодня находится в точке именно критической (бифуркационной), когда требуются осмысление пройденного пути и обнаружение скрытых объективных тенденций с целью обретения ориентиров дальнейшего развития. «Все процессы жизни цикличны, - отмечает автор, - и для развивающейся жизни конец одного цикла переходит в начало другого, высшего. Циклично и познание как один из жизненных процессов, который приходит к познанию самого познания, пройдя через ряд объектов восходящей сложности, в конце этого ряда находит самого себя и таким путем возвращается к себе, - оно завершает тем самым один из циклов своего развития» [Там же, с.339]. Это завершение является высшей формой проверки. Если в ней оно находит себе подтверждение, то с тем большей уверенностью и ясностью начинается новый цикл своего развития. Так, с одной стороны, мы видим, что общество сегодня, по сути, все то же, устойчивое гносеологическое и онтологическое понятие в структуре философского знания и философского теоретизирования, что и в период античности, с другой, – общество обретает и проявляет новые формы своей кризисной природы.

«Мы живем в эпоху глубочайшего безверия, скепсиса, духовной разочарованности и охлажденности, - отмечает С.Л. Франк. Мы не знаем, чему мы должны служить, к чему нам стремиться и чему отдавать свои силы. Именно это сочетание духовного безверия с шаткостью и бурностью стихийного исторического движения образует характерное трагическое своеобразие нашей эпохи» [22, с. 17]. Проблема социальной философии состоит в том, чтобы ответить на вопросы: что такое общество, какое значение оно имеет в жизни человека. «Единственно правильным, согласно Франку, является философское уяснение и обоснование общественного самопознания через познание вечных и общих основ общественного бытия. Философия наводит мысль на познание конкретной реальности, обнаруживаемой в области абстракций, где конкретным считается общее целое; но конкретно есть именно общее. Социальная философия и есть попытка увидеть очертания общественной реальности в ее подлинной, всеобъемлющей полноте и конкретности» [Там же, с. 18]. Таким образом, социальная философия допускает, что в общественной жизни существуют вечные, неизменные, имеющие силу на протяжении всей человеческой истории закономерности, которые и следует познавать.

«Под духовной жизнью, - отметит С.Л. Франк, - разумеется именно та область бытия, в которой объективная, надындивидуальная реальность дана нам не в форме предметной действительности извне как объект, предстоящий нам и противостоящий как трансцендентная реальность нам самим, «субъекту» и его внутреннему миру, а в форме реальности, присутствующей в нас самих, изнутри с нами сращенной и нам раскрывающейся. Реальность дана не внешнепредметному созерцанию, а внутреннему живому знанию – знанию, в котором реальность сама раскрывается внутри нас. Общественное бытие входит в этом отношении в состав духовной жизни и есть как бы ее внешнее выражение и во-

площение. Общественная жизнь есть, таким образом, духовная жизнь как единство человечески-сверхчеловеческого бытия» [Там же, с. 72–75]. Следовательно, если говорить о смысле жизни, то она будет состоять из того вечного, что находится в нас и вокруг нас, что составляет вечное начало, в которое нам следует погрузиться. «Чтобы существенно изменить нашу жизнь, - отмечает С.Л. Франк, - мы должны усовершенствовать ее сразу как целое; а во времени она дана лишь по частям, и, живя во времени, мы живем лишь в малом, преходящем ее отрывке. Работа же над жизнью как целым есть работа именно духовная, деятельность соприкосновения с вечным как сразу целиком данным. Только эта подземная, невидимая миру работа приводит нас в соприкосновение с теми недрами, в которых покоится чистое золото, подлинно нужное для жизни» [Там же, с. 205–206]. Но каким образом это сделать? Автор дает практические рекомендации: «Насилием нельзя сотворить благо и истребить зло. Всякая внешняя, механическая и государственно-правовая деятельность не осуществляет и не может осуществить самого главного: внутреннего обретения в себе добра, внутреннего свободного воспитания человека, нарастания любви в человеческой жизни» [Там же, с. 212]. Учение автора позволяет нам сделать предварительно некоторые выводы:

1) мир сегодня находится в бифуркационной точке развития – статистически-вероятностного свойства – субъективно человек имеет общую картину своего бытия, но объективно, в реальности, до конца не уверен, что этот образ и предполагаемый путь дальнейшего развития правильный;

2) в целях познания и преобразования действительности необходимо мир видеть в целом, тогда яснее и точнее будут видны проблемы и перспективы развития;

3) мир развивается через кризисы, которые составляют субстанциальную основу любого переходного состояния в

его качественном и количественном выражении – динамическом и статическом;

4) общественная жизнь и духовная жизнь – это синонимы в смысле единства «человечески-сверхчеловеческого бытия»;

5) социальная философия как раздел философии призвана изучать закономерности общественной жизни как таковой и индивида как общественного существа.

С.Л. Франк в июле 1917 г. так оценил начало великих перемен в нашей стране: «В чём бы ни заключался конкретно выход из переживаемого нами тяжёлого кризиса, не подлежит сомнению, что единственный путь к нему – повышение духовного уровня нашей культуры, углубление плоскости обсуждения всех жизненных вопросов, преодоление всяческого невежества, варварства и одичания» [19, с. 635–636]. В настоящее время мы можем видеть в какой-то степени продолжение этой тенденции, правда, несколько в ином качестве и иных масштабах.

А.А. Богданов, изучая законы духовной жизни, в частности общественное сознание (идеологию - Р.Л.), отмечал: «Основной закон развития всего общественного сознания, всех «идеологий» зависит от способов производства и присвоения. Из этого закона вытекает общий путь исследования: для всех изменений в идеологиях искать причины в условиях трудовой и хозяйственной жизни» [9, с. 5]. Человеческая речь и мышление зародились из совместного труда людей в первобытных общинах – так идеология возникла из производства. Многие авторы полагают, что идеология – «надстройка» над экономической жизнью и она ею «определяется». Отсюда ей отводится второстепенная роль по сравнению с материальной жизнью общества. Согласно автору, «идеология есть орудие организации общества, производства, классов и вообще всяких общественных сил или элементов, - орудие, без которого эта невозможна. Помогать

выработке сознания в определённом классе, значит – развивать самые основы его организации, участвовать в образовании того мозга, который должен управлять этим могучим телом» [Там же, с. 7]. Следовательно, изучать общественное сознание, значит изучать: что́, какими способами люди выражают и понимают. Общественное сознание обозначается также, более кратко, словом «идеология», которая должна означать буквально науку об идеях, – полагает А.А. Богданов. Но обычно идеологией называют не науку об идеях, а самые идеи и понятия, или, точнее и общее, как мы уже сказали, само «общественное сознание» [Там же, с. 9–10]. Существует ли связь между событиями, которые отделяет почти сто лет или это всего лишь исторические этапы развития России? Мы полагаем, что в основе происходящих изменений в нашем обществе находится кризис духовности – центрального и связующего элемента общественного устройства.

Понятие духовного, как известно, выступает в разных формах бытия: отдельного индивида, коллектива, общества и как совокупность завершённых творений духа – произведениях искусства. Раскрываясь в субъекте, духовное сосредоточивает все функции сознания личности или общества, которые возникают как отражение действительности, но сконцентрированных в единой индивидуальности (общности), как способ сознательной ориентации в действительности для воздействия на нее и, в конце концов, для ее преобразования. Как высшая способность человека, духовность позволяет ему стать источником смыслополагания, личностного самоопределения, осмысленного преобразования действительности, открывающая возможность дополнить природную основу. Следовательно, духовные основы общества формируют его устойчивую системообразующую организацию живой активности социальных субъектов, которая, в

свою очередь, влияет на все остальные стороны общественной жизни.

Духовная жизнь общества представляет собой совокупность различного рода продуктов сознательной коллективной жизни в виде суждений, теорий, догматов, норм, ценностей, законов, языковых форм и т.п. Наряду с материальными объектами – социально-экономической средой, материальными объектами, вещами – которые представлены в действительности как «твердые» субстанции, духовные элементы, тем не менее, имеют также свою устойчивую основу. Как отмечает А.А. Богданов, «вообще природа идеологий – дегрессивная, скелетная со всеми ее необходимыми чертами» [7, с. 138]. Слова, понятия, таким образом, выполняют «скелетную» роль для духовного содержания. Сформировавшись однажды, они начинают влиять на другие сферы жизнедеятельности людей. «Идеи, нормы, политические учреждения, - полагает автор, - суть дегрессивные комплексы для устойчивой организации живых активностей общества» [Там же, с. 144]. Все эти формы (духовные, идеологические) подчинены живым активностям общества (социально-экономическим), от них зависят, ими определяются. Эти формы в процессе развития консервативнее, чем их социально-экономическая основа – пластичная часть социальной системы: они сохраняются еще тогда, когда те пришли в упадок. Отсюда неизбежен такой период, в котором они становятся стеснением и препятствием для прогресса.

Духовные основы общества, являясь доминирующими над всеми другими сторонами жизни социума как «скелетные» формы, в меньшей степени подверженные изменениям, чем их социальная среда. Сущность духовных кризисов, согласно учению автора тектологии, «заключается в образовании или нарушении полных дезингрессий: разъединение, разрыв какой-либо организационной связи» [Там же, с. 212].

Согласно теории А.А. Богданова процесс образования духовных основ общества выглядит следующим образом:

1) «сначала духовные активности общества проходят стадию «ингрессии» - сбор активностей;

2) затем стадию «эгрессии» - концентрация активностей;

3) и, наконец, вступают в стадию «дегрессии» - образование «скелетной формы», которая фиксирует, закрепляет, сохраняет организационные активности с целью охраны «нежных комбинаций от их грубой среды» [Там же, с. 130, 152].

Это соединительный или «конъюгационный» цикл, который ведет к «скелетности», «окаменению». Соответственно, «дизъюнктивный» (разделительный) цикл, ведущий к распаду, будет выглядеть следующим образом: ослабление организационных связей внутри духовной системы, распад этих связей и рассредоточение элементов духовного комплекса (дифференциация). Это наше видение, которое не противоречит учению А.А. Богданова и не встречается в работах других авторов. Для нас это принципиально важно, потому что социальные кризисы, как мы уже выяснили, характеризуются тенденцией либо к *распаду*, либо к *образованию*, либо к *перестройке* качественных характеристик общества и его подсистем. Следовательно, наша задача: познание того, *какие стадии проходит общество и его подсистемы в кризисные периоды и в каких точках оно периодически находится.*

«Сущность духовного кризиса, - как указывал С.Л. Франк, - это кризис веры в человека – как кризис гуманизма» [22, с. 413]. Духовные основы нашего общества, в результате модных западных течений конца 19 и начала 20 веков, претерпели существенные изменения. Их влияние сказывается до сих пор, хотя сегодня мы можем твердо говорить и об обратном влиянии: давление Запада на нашу

страну проиграно, экспансия не состоялась, даже если «экспорт хаоса» или «эсхатологическая растерянность» в виде подражания популярным европейским тенденциям все еще продолжается. В.С. Барулин, исследуя историю России 20 века, пишет в этой связи: «Благородный порыв к идеалу, светлому будущему превратился в жестокую схему, ставящую доктрину выше человека» [3, с. 410]. Наша страна переживает сегодня глубокий тотальный кризис. Единая идеологическая система (тоталитарная), которая регулировала и поддерживала общество, распалась, а новая (демократическая) активно создается.

Исследование основ духовности и кризисного сознания, кризисного мироощущения показывает, что они имеют глубокие исторические корни и сопровождают человечество на всех этапах его исторического развития, нередко облекаясь в апокалипсическую форму. Как отмечает А.Т. Семченко, «в своей основе эти представления восходят к эсхатологическим мифам, т.е. мифам о предстоящем конце света, которые были неотъемлемой частью многих культур» [16, с. 57–58]. Возникает, таким образом, вопрос: есть ли выход из этого «кризисного замкнутого круга» или эволюция общества развивается *только через кризисы и благодаря кризисам?*

А. Вебер отмечал по этому поводу: «Сегодня мы, зажатые в тесных границах государственных и этнических образований, должны претворять стремление нашего духа к бесконечности» [10, с. 157]. Но при всем многообразии подходов возможность *профилактики и преодоления кризиса, смягчения кризисных тенденций*, прежде всего, связывается с духовными возможностями человечества, с традициями рациональности, гуманизма, всего того, что было накоплено человечеством в эпоху Нового времени и что сегодня претерпевает изменения, находится в кризисной ситуации.

По мнению Э. Мунье, «Если говорить о конце мира, о котором вещают пророки, то вопрос о нем одинаково настоятельно встает в каждую историческую эпоху. Человечество переступило порог второго тысячелетия, и это стало еще одним поводом для апокалипсической тревоги» [15, с. 448–449]. Исторические и психологические причины страха сегодня совсем иные, нежели это было в ожидании года тысячного. В 20 веке ожидания рождались не из глубоко оптимистического предсказания, а из всеобщего кризиса духовности и краха социальных структур в их прежнем виде.

Другой французский мыслитель Ален полагает в качестве средства преодоления социальных кризисов и катастроф «воспитание людей, их гражданского сознания, умения судить власть и властителей, делая сознательный выбор между могуществом и справедливостью» [13, с. 35].

В свою очередь, размышляя о преодолении кризиса, обращается к культуре П. Тиллих. Он надеется в ней отыскать возможные решения: «Ни философия, ни искусство, ни психология, ни политика, ни образование, ни даже религия не способны сегодня защитить человека от тревожащих его вопросов» [17, с. 204]. Для Р. Гвардини, Э. Гуссерля, Х. Ортеги-и-Гассета кризис Европы – это крушение культуры традиций, культурной парадигмы.

Т. Арно и М. Хоркхаймер рассматривают «исторические истоки кризиса, порожденного, - по их мнению, - репрессивностью разума и остро переживаемого людьми в 20 столетии» [23, с. 125, 314, 566]. Видно, что авторы исследуют всю предшествующую историю, с одной стороны, как бессмысленную, несущую людям лишь беды и страдания. В этом случае всему виной является разум. С другой стороны, отмечая прогресс, сопровождаемый кризисами, авторы полагают, что они не являются неожиданностью – это закономерная тенденция, «издержки» развития общества.

Ю. Хабермас, напротив, верит в сознательную роль разума, его способность руководствоваться общечеловеческими ценностями. Отстаивая веру в разум как средство разрешения социокультурных кризисов, автор полагает: «необходимо восстановить престиж общегуманитарных ценностей» [11, с. 129]. Компетенция практического разума проявляется при принятии решения инструментального свойства, но этим отнюдь не заканчивается обращение к смысложизненной проблематике, не исчерпывает спектра возможностей практического разума: люди, выбирающие различные судьбы, обязаны задуматься об основах сосуществования друг с другом. Однако, согласно Маркузе, «тоталитарный универсум технологической рациональности есть последнее воплощение идеи разума» [Там же, с. 126]. Не вдаваясь в соотношение понятий *рационализма* и *религии* или собственно специфики развития Западного общества как такового, обратим внимание на тенденцию к его *распаду* или, как часто говорят, *дифференциации*, а это и есть не что иное, как фаза дизъюнкции, разъединения, распада общества, взятого в его известных качественных характеристиках.

Так, Н.Я. Данилевский, описывая западное общество как национальность (*устойчивую культуру, суперэтнос*), отмечал следующую тенденцию: «В сущности же, в рассматриваемом теперь смысле, и Европы вовсе никакой нет, а есть западный полуостров Азии, все более и более дробящийся и расчленяемый» [12, с. 47]. Характеризуя русскую национальность, он отмечает следующее: «Русский народ есть цельный организм, естественным образом, по глубоко вкорененному народному пониманию сосредоточенный в Государстве, который вследствие этого есть живое осуществление политического самосознания и воли народной» [Там же, с. 389]. *Российская «соборность»* и *западная «индивидуализированность»* – это и есть те показатели двух

типов кризисов, которые и характеризуют эти типы обществ. Первый тип кризиса – характеризующий *распад, дифференциацию*, второй – *объединение, интеграцию*. Отметим также, что эти фазы, этапы, эпохи могут длиться сотни, а то и тысячи лет, не ухудшая положения общества, но создавая для него особенную специфическую жизнь.

Кризис духовности понимается русскими и западными философами и социальными мыслителями по-разному. Характерной чертой русской философской традиции является понимание особого предназначения России, осознание ее роли в истории человечества. По мнению Н.А. Бердяева, кризис в России представляет собой существенно иное, нежели западноевропейский социокультурный кризис. «Да, - отмечает автор, - Россия восприняла ощущение гибели катастрофизма, нараставшее к концу 19 века, но русскому сознанию дано понять кризис культуры и трагедию исторической судьбы более остро и углубленно, чем более благополучным людям Запада» [5, с. 56–57]. Если для Европы суть трагедии – утрата духовных, интеллектуальных, творческих достижений, то для русской философии – это осознание возможности конца человеческой истории в прямом, физическом, смысле. Такое осознание усугубилось социальной ситуацией сначала в Европе, а затем и в российском обществе. Этим во многом обусловлено видение путей преодоления кризиса в западноевропейской и русской философии. Поэтому, согласно автору, «для западноевропейских мыслителей важно избежать разрушительных последствий кризиса. Для русских мыслителей дело не в выходе из кризиса, который имеет локальный исторический и географический характер, а в будущем России, ее предназначении» [6, с. 235]. Конкретная ситуация в России рассматривается как исторический факт, историческая данность, не способная принципиальным образом изменить того, что России предначертано и что должно свершиться. Автор писал в

этой связи: «Именно в России ставятся проблемы о космосе и человеке, смысл которой в том, что конец этого мира, конец истории зависят и от творческого акта человека» [Там же, с. 137]. Для Бердяева путь катастрофы, предсказываемый О. Шпенглером и другими западными мыслителями, не является единственно возможным и предопределенным. Внутри культуры может возгореться и иная воля к жизни, к ее преобразению. Цивилизация – не единственно возможная перспектива развития человечества.

Путь религиозного преобразования жизни, путь достижения подлинного бытия предлагают Н.А. Бердяев, В. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Н. Федоров, С.Л. Франк. Авторы пишут «о потребности человечества в истинной вере, о наличии неосознанной устремленности воли к вере, неосознанной устремленности воли к чему-то, что не было бы призрачно, а было бы подлинной, прочной реальной основой бытия. Катастрофа, разразившаяся в начале 20-го века в России, а вместе с тем и в Европе и мире в целом, истоками своими уходит во внутренний мир человека, который, благодаря крушению земных надежд, произведет величайший сдвиг в жизни духовной. Человеческие помыслы, желания, надежды перенесутся из одного плана существования в другой» [20, с. 87–88; 21, с. 126].

В качестве примера рассмотрим анализ А.Дж. Тойнби универсальных государств, с точки зрения их *идеалов, духовного ядра*: североамериканское, русское и западноевропейское. Исследование автора актуально, т.к. понятие «универсальное государство» характерно именно как «выражение оживления в процессе, который проходит в последовательных пульсациях спада-и-оживления, за которым следует новый спад» [18, с.7]. Однако не следует его принимать за подлинную жизнь. Фактически универсальные государства демонстрируют устойчивое стремление вести себя так, как если бы они были целями сами по себе, когда в действи-

тельности представляют собой лишь фазу в процессе социального распада. Так, «североамериканский подход, согласно автору, вдохновлялся идеалом создания «земного рая» в Новом свете, и этот «рай земной» должен был основываться на системе частного предпринимательства» [Там же, с.432].

Русский подход к проблеме классовой борьбы вдохновляется, подобно американскому подходу, идеалом создания «земного рая» и, подобно американскому, принял форму политики освобождения от классового конфликта путем устранения классовых различий. Однако на этом сходство заканчивается. «Если американцы пытались ассимилировать промышленный рабочий класс в среднем классе, - как отмечает А.Дж. Тойнби, - то русские ликвидировали средний класс и запретили всякую свободу частного предпринимательства не только для капиталистов, но также и для профсоюзов» [Там же, с. 432–433]. И, наконец, западноевропейский подход к решению проблем классового конфликта, - который заметнее всего проявился в Великобритании и скандинавских странах, - отличался от американского и русского тем, что был менее доктринерским, чем оба эти подхода. Как отмечает автор: «Она была построена постепенно и не догматически благодаря законодательному вкладу всех политических партий» [Там же, с. 434].

Таким образом, в период перехода общества с одними качественными характеристиками к обществу с другими качественными характеристиками и в целях снижения кризисных издержек, на наш взгляд, следует идти через созидание духовного богатства, чтобы понять ошибочность или односторонность какой-либо идеи и найти поправку к ней. Духовная сфера общества в 21-м веке так и не обрела стабильности, как и прежде. Духовные императивы не являются доминирующими над обществом и в обществе в его истинном и ожидаемом значении. Сегодня увеличивается разрыв между культурой и образованием. Отсюда профессор

В.И. Кудашов отмечает: «Альтернатива «поддерживающего обучения» – «инновационное обучение» – предусматривает выработку у обучаемых способности к проектной детерминации будущего» [14, с.9]. Проектирование, в свою очередь, рассматривается как процесс конструирования будущего на основе социально значимых открытий, выводящих общество за грань обыденности.

Исходя из вышеизложенного, видно, что духовное начало в жизни общества играет решающую и главенствующую роль по масштабам и охвату сфер жизнедеятельности, скорости воздействия на сознание людей, особенно в кризисные периоды. Один из признаков духовного кризиса – образование, вслед за ним, кризисы в других сферах: материально-производственной, социальной, политической. Следовательно, задача управления духовным кризисом, выражаясь словами С.Л. Франка, – это «Постижение природы общественной жизни, из которой можно извлечь твердые указания для направления общественной воли» [21, с. 45]. Социальная жизнь имеет форму совместного бытия или сообщества как необходимое и имманентное выражение глубочайшего онтологического всеединства, лежащего в основе человеческого бытия. Человек по самому существу своему немыслим иначе, чем в качестве члена общества. Российское общество, по Франку, «основывается на принципе соборности, в качестве клеточки которой находятся семейно-брачные отношения» [Там же, с. 45]. Согласно автору, существует два варианта возможности управления духовным кризисом: 1) расписаться в своей беспомощности и уповать на случай; 2) найти решение через открытие законов образования и развития духовного кризиса.

Таким образом, основное противоречие общества – противоречие между ее относительно *консервативной идеологической* составляющей и *постоянно меняющейся средой*, из которой появилась духовная сфера и на которую она, в

свою очередь, оказывает влияние, возвышается над ней. *Сущность духовного кризиса общества* проявляется в разрыве-соединении-перестройке основного ядра мировоззренческих структур. *Существование духовного кризиса* проявляется в его доминировании над другими сферами общества, способствует обнищанию-обогащению-пересмыслению идей, норм, ценностей общества. Кроме того, духовный кризис – это процесс поиска фундаментальной основы «идентификаций» и новых «гуманистических ориентиров» в периоды трансформации и адаптации общества к новым условиям.

Духовный кризис порождает, например, качественные изменения таких его форм социальности как религия, научная рациональность, обычаи, мода и т.п., поэтому он нами рассматривается как главная составляющая в ее неразрывной связи с социально-экономической составляющей. Рекомендации по управлению духовной жизнью общества в кризисный период: 1) решение главного вопроса социальной философии: что такое общество, какое значение оно имеет в жизни человека; 2) духовная жизнь общества и индивида – это путь внутреннего преображения в целом через внутреннее раскрытие души и солидарность с другими членами общества, основанного на принципах соборности и взаимовыгодных отношениях; 3) отношение к жизни должно быть основано не только на сиюминутном удовлетворении насущных потребностей или новомодных увлечениях, а на философском поиске смыслов жизни общества и человеческого существования вообще – «сверхвременному всеединству людей».

И последнее. В условиях формирования глобальной ментальности следует учесть тот факт, что духовность в целом как всеобщая ценностно-регулятивная составляющая жизни общества будет развиваться, на наш взгляд, через образующийся общий ментальный план, на фоне которого со-

храняются в той или иной степени исторически сформированные ментальные структуры локальных сообществ.

Библиографический список

1. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.
2. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.
3. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб.: Алетейя, 2000. 431 с.
4. Барулин В.С. Соотношение материального и идеального в обществе (Методологические аспекты проблемы). М.: Политиздат, 1997. 143 с.
5. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре. Смысл истории. М.: Наука, 1990. 175 с.
6. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. 541 с.
7. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн.2. М.: Экономика, 1989. 351 с.
8. Богданов А.А. Эмпириомонизм: статьи по философии. М.: Республика, 2003. 400 с.
9. Богданов А. Наука об общественном сознании (краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 236 с.
10. Вебер А. Германия и кризис в европейской культуре//Культурология XX век. М.: Прогресс, 1995. 295 с.
11. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX в. Тверь: Полиграфия; М.: Эксмо, 1997. 456 с.
12. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культуру и политические отношения славянского мира к Германно-Романскому. Изд. 6-е, перераб. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета: изд-во «Глагол», 1995. 552 с.

13. Зенкин С. Учитель здравомыслия. Ален. Суждения. М.: Феникс-Инфра-М, 2000. 426 с.

14. Кудашов В.И. Кризис образования и культура//Будущее молодежи в Сибири: молодежная политика и образование. Исследования, опыт, рекомендации. Выпуск №1. Проблемы образования. Молодежь и вопросы воспитания. Материалы круглых столов к IV съезду общественного движения «Сибирский народный собор». Красноярск: РИО КГПУ, 2003. 336 с.

15. Мунье Э. Об апокалипсическом времени. Манифест персонализма. М.: Наука, 1999. 656 с.

16. Семченко А.Т. Современный апокалипсис. М.: Мысль, 1989. 464 с.

17. Тиллих П. Что помогает ослабить чувство тревоги в нашей культуре//Человек и социокультурная среда, 1992. №2. С.204-236.

18. Тойнби А.Дж. Исследование истории. В 3-х т. Т.2. СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2006. 446 с.

19. Франк С. Предмет знания. Душа человека. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 992 с.

20. Франк С. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. 479 с.

21. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Париж, 1930. 112 с.

22. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.

23. Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М.: АСТ; СПб.: Питер, 1997. 568 с.

24. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М.: Политиздат, 1985. 127 с.

25. Bitbol M. Is consciousness primary? // NeuroQuantology. Tuhey, 2008. Vol.6. №1. P.53-72.

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МАНИФЕСТ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Колмаков В.Ю., Ляшенко Ю.А.

Идеи рождаются, преобразуются и умирают. Если идея полна положительной энергии, то она способна вызывать положительные социальные изменения. Мёртвые идеи способны убивать общество и человека. Коммунистическая идея, а, соответственно, и некая прогрессивная форма сознания, некая духовность сыграли свою значительную роль в социальной жизни 19-20 века. Многие искренне верили в новую возможность создания более совершенного общества, совершенного гармонично развитого человека. Энгельс писал, что Манифест был ... «восторженно встречен тогда еще немногочисленным авангардом научного социализма...»²

Сразу сложилась достаточно одиозная ситуация, все, кто был против Манифеста, были «ревизионисты, ренегаты и перебежчики, которые предприняли множество попыток опровергнуть, извратить или хотя бы принизить Манифест. Вот так всё изначально просто и ясно – Манифест есть истина, всё, кто против этой истины, есть ревизионисты, ренегаты и перебежчики. Научность такой позиции, очевидно, понятна, поражает фанатичность и абсолютная несомненность в своей правоте, которая усиливалась и дошла, в конечном счёте, до маниакального фанатизма. Такая психология социального познания характеризует идеологическое мышление как патологию социального познания. Пока со-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.22, с. 61.
В.И. Колмаков, Ю.А. Ляшенко

ветская форма марксизма держалась на страхе, порождаемом насилием над обществом и общественном сознании, сомневаться в правильности данного учения было равносильным тому, чтобы стать очередной жертвой данного режима. Что же это за идеология, правильность которой определяется безграничным насилием? И по существу, почему в российском обществе любая государственная или скрытым образом прогосударственная идеология обязательно опирается на насилие или угрозу применения насилия? Разве может в такой ситуации возникать возможность творческого поиска для решения социальных проблем? И, может быть, здесь виноват не столько марксизм, сколько тип ментальности правителей, которым, по сути дела, нет особой разницы, какую идеологию применять, важно, чтобы была некая титульная идеологическая доктрина, поддерживающая несомненный статус государственной власти? Марксизм в данном случае есть индикатор творческой креативности государственной ментальности.

Итак, важно определить сразу, что мы не собираемся рисовать марксизм заведомо черной краской, думается, важно понять полный спектр влияния марксизма на общество и различные доктрины социального познания. В целом, парадоксально то, что, казалось бы, положительная идея создания более совершенной гармоничной духовности сыграла свою весьма трагическую роль в истории этих столетий. Сегодня, когда глобальная идеология, идеология в глобальном мире представляет существенно иное явление по сравнению с 19-20 веками, интересно рассмотреть основания и следствия проведённого эксперимента построения глобального коммунизма как модель, как некую точку отсчёта для рассмотрения других процессов, происходящих в современном мире. Не разобравшись достаточно полно и ясно, вполне осознанно с итогами коммунистического эксперимента, страна была вовлечена в следующий экспери-

мент и новый социальный хаос. При этом, к сожалению, не было ясной модели будущего. Не являлось ли это социальное движение, эти реформы не только научным преступлением перед истиной, но и вполне конкретным уголовно наказуемым преступлением, нанесением вреда стране в особо крупном размере? При строительстве социализма как некоего псевдокоммунизма такая условная модель всё же была, хотя и она, как известно, была не полной. Но в данном случае просто нет серьёзных теоретических исследований тех социальных процессов, которые происходят в современном мире.

Первоначально марксизм воспринимался не столько объективно, сколько почти мистически, мало кто понимал в целом всю систему идей Маркса как социального реформатора и революционера, а, в особенности, важно понимание его как мыслителя, исследователя и конструктора новой социальной системы. Эта романтичность и революционная мистичность создали ситуацию, когда необходимо было в конкретных новых исторических социальных обстоятельствах определить смысл и значение данных положений Манифеста. Соответственно, когда начался детальный анализ концепции прокоммунистического марксизма, сразу возникли разные точки зрения и понимание того, что это учение из себя представляет, каким образом предписываемые положения следует или не следует реализовывать. Парадоксально то, что Ленин оказался наиболее ортодоксальным мыслителем, пытавшимся хотя бы внешне сохранить марксизм как целое, не давая возможности, по крайней мере, другим что-либо изменять в данной системе теоретических положений. И в то же время Ленин, по сути дела, есть ревизионист, который не согласился с фактической оценкой Марксом уровня развития пролетариата в России, доказывая, что пролетариат в России есть и есть партия, вооружённый отряд пролетариата, значит, есть возможность со-

вершения революции. Возможно, Ленину была важна именно идея социального переворота и не-важно было то, насколько противоречивы все остальные положения марксизма. А для устранения этих противоречий марксизм должен быть признан верным, потому что он всемогущ, равно как и наоборот: он всемогущ, значит он верен. И именно тогда, когда будет вооружённым образом доказана сила власти, тогда и восторжествует истина марксизма.

Замечательная теория истины: истинно то, что может быть доказано силой оружия. Но, заметьте, насколько эта ленинская позиция похожа на современную военную глобальную доктрину США. Демократические ценности США истинны, потому что эта страна обладает самой мощной военной машиной. И кто сомневается в истинности ценностей этой самой демократической демократии и самой либеральной либеральности, тот может стать объектом приложения мощности такой агрессивной демократии. США – последователь теории социальной истинности В.И.Ленина, можно сказать, что в области праведности государственной доктрины здесь восторжествовал ленинизм.

Поставленная Марксом задача, действительно, принципиально важно и максимально значима. Капитал, который перестаёт работать на общество и работает только на собственное приращение, оказывается антисоциальным фактором, разрушающим общество и, в конечном счёте, самого себя.

Важно понять, что идеи, высказанные в Манифесте коммунистической партии, должны непротиворечивым образом соотноситься со всем тем, что Маркс и Энгельс высказывали в дальнейших произведениях. И в особенности важно понять, как эта, по сути дела, рабочая идея, гипотеза коммунизма взаимосвязана с идеями Капитала К.Маркса. Данная работа, оставшись по существу незавершённой, также не обладает достаточной полнотой для понимания

точных и правильных действий, необходимых для преобразования общества в ситуации конца девятнадцатого начала двадцатого столетия. Тогда становилось понятным, что экономические факторы, экономическая система приобретают возрастающее значение в жизни общества. И этот подход, соответственно, этот стиль экономического мышления как мышления, позволяющего понять все остальные социальные проблемы, был во многом правомерен, нельзя его отбрасывать, умалять его возможности и сегодня, но опыт показывает, что экономизированное мышление не способно отразить и решить все социальные проблемы. Решение социальных проблем методом распределения бюджетных средств – самый простой подход. Его логика достаточно проста: есть проблема и есть возможность выделить на её решение определённое количество средств, значит так и надо сделать. Но этот подход не гарантирует действительного решения проблемы и подчас наоборот провоцирует на создание неких социальных проблем, решение которых должно осуществляться за счёт возможностей реального бюджета страны, её экономических и финансовых возможностей.

Не случайно же издание Капитала в России, как известно, состоялось официальным и разрешённым образом в силу того, что цензура посчитала данную книгу исследованием проблем капитала. Никто не был против того, чтобы и в России знали, какова логика развития капитала, это важно понимать для развития экономики и финансовой системы страны.

Сегодня в условиях становления глобального супер-транснационального капитализма вновь важно понять, каким образом должны соотноситься факторы чисто экономического, финансового порядка, с одной стороны, и, с другой стороны, – факторы, определяемые социальными, политическими, культурными характеристиками. Нужна новая идеология как система национального и наднационального

мышления. Такое мышление должно быть соразмерным имеющимся возможностям и тем проблемам, которые должны быть разрешены. Необходима современная и адекватная теория идеологии. И с этой точки зрения понятно, что идеология как некая ментальная система обладает определёнными параметрами. Но опыт показывает, что идеологии партий часто подменяют идеологии социальных групп, интересы которых вроде бы должны эти партии выражать. Известный труд Маркса и Энгельса в своё время создал достаточно понятную многим общую политическую картину. Но чем сегодня является Манифест коммунистической партии, написанный Марксом и Энгельсом? Ведь эта программа, по сути дела, проектная разработка некоего в принципе возможного тогда способа организации некой новой партии (которая могла бы изменить расстановку политических сил не только на европейском континенте, но и во всём мире) была и есть просто некая теоретическая разработка. Задумывались ли вы над тем, чем является по существу если не теория, то уж какая-то модель коммунизма, разработанная Марксом и Энгельсом в их знаменитой программной работе в «Манифесте коммунистической партии»?

Теория коммунистического будущего, увиденная данными мыслителями, выстраивалась на определённом ощущении, даже предощущении, не некоем простом исходном тезисе о том, что по Европе бродит призрак. Что это теория ловли призраков? Или это всё же теория построения адекватной программы действия, разумной и реалистической, способной уловить действительные тенденции развития политической структуры реального времени, реального общества, реальной политико-правовой культуры?

Социальный идеал, который был порождён Манифестом коммунистической партии, оказался действительно призраком и просто идеалом, некой условной конструкцией идей, созданной в определённое время определёнными

людьми в конкретных социально-политических и культурных обстоятельствах. К сожалению, а может быть даже к счастью, данный идеал оказался не очень жизнеспособным, в силу чего не смог быть реализованным в полном или достаточно убедительном виде. Можно ли и, самое главное, нужно ли стараться реализовывать данный идеал далее, если он оказался неадекватным социальной и духовной природе человека? Идеология как религия. Абсолютизация идеологических тезисов, положений делает идеологию религией. Такой подход к идеологии свойственен всем одиозным политическим режимам. И это, как правило, насильно навязанная в качестве канонов идеологическая вера сводится к однозначным положениям, в истинности которых нельзя сомневаться. Такой идеологией была коммунистическая религия, которая оставила свой мощный след в структуре российской ментальности. Идеология как религия есть попытка осуществить идеологические постулаты с тем, что может считаться религиозными канонами. Идеология как наука о высоких идеалах выродилась в теорию манипулирования электората.

Эпоха «посткоммунизма» породила необходимость формирования неких новых идеалов, соответствующих данной эпохе. И в этом отношении возникает вопрос: должны ли эти идеалы быть идеалами нового порядка? Или это могут быть идеалы, которые уже известны, но им придаются необходимые новые характеристики. Парадоксально то, что утопические идеалы оказываются более привлекательными, нежели идеалы рационально-прагматического порядка. И что, также важно, партия, которая должна решить эту историческую задачу? Реальная коммунистическая партия Советского Союза оказалась совсем иной, чем та партия, которая планировалась хрестоматийными классиками. Для каждой новой партии существует проблема исторического реализма, так как партия выполняет важную социальную

функцию. И можно все существующие партии оценить именно с этой точки зрения. Можно спросить: какую социальную пользу принесла партия №1, партия №2 и далее по списку?

Сегодня, по прошествии первого десятилетия 21 века, есть простой исторический и прозаичный факт: призрак коммунизма больше не бродит по Европе, в современной России этот призрак имеет достаточно непрезентабельный вид. Призрак коммунизма уже не ходит и не бродит, он тихо чахнет, прозябает, тает, он умирает, всё не может умереть, наверное, ещё долго не умрёт. Такова историческая судьба этого коммунистического призрака. Такова жестокая историческая реальность, эксперимент по оживлению призрака оказался неудачным. Можно констатировать, что эксперимент по реанимации призрака также потерпел фиаско. Что же убито, что погибло? Погибла сама идея коммунизма как справедливого общества? Или погибла, оказалась ошибочной форма реализации некой достаточно широкой и во многом неопределённой идеи? Можно сказать, что Маркс и Энгельс явились проектировщиками, разработчиками и во многом, так сказать, специалистами по пиар-технологиям идеи, социального проекта построения некоего красивого, совершенного, прекрасного по своей сути общества. Идея возможности построения нового и более совершенного общества, по существу, осталась востребованной. И достаточно важно сегодня в новой исторической ситуации определить вопрос о том, каким будет новое общество.

Творчески продолжая известный ментальный стереотип и фактически коммунистический брэнд, можно сказать, заслуга Маркса и Энгельса заключается в достаточно точной формулировке основных задач, целей коммунистической партии на тот момент времени и в тех условиях, когда данная манифестная работа создавалась. Но эта работа, эта модель оказалась гносеологически и онтологически неверной.

Коммунизм виделся как некий призрак, который пугал многие европейские страны и правительства. Что же теперь делать с этим коммунизмом?

Сущность коммунизма стала видится иначе. Изначально коммунизм явился по своей сущности экстремально-террористической и антигуманистической идеологией. Ульянов-Ленин сумел достаточно чётко определить основные цели и методы коммунизма. Далее в своих статьях и указаниях он довёл всё основные идеи и проявил их смысл до соответствующего, по его мнению, завершения. Убивать, расстреливать, подавлять, заставлять, удерживать власть любой ценой – основной смысл его практической теории коммунизма.

Диктаторный коммунизм Сталина выстроил строгую и жесткую структуру и систему государственного насилия над обществом. Эта система в своей скрытой сущности и латентной данности продолжает работать вопреки всем поверхностным преобразованиям.

К 70-м годам во всех своих определённых характеристиках сформировался псевдокоммунизм под названием «развитой социализм».

Ментальность такого псевдокоммунизма предопределила основные характеристики новой государственной управленческой психологии, что можно в целом определить как антипсевдокоммунизм. Кстати, этот факт странной трансформации действительно имеет принципиальное значение для понимания дальнейшей тенденции преобразования этой идеологической формы в новые модусы. Не будем сейчас возвращаться к детальному анализу идеи коммунизма и её роли для российской истории. Об этом написано достаточно много. Интересны, безусловно, в этом отношении как работы Бердяева, так и другие работы по данному вопросу. Но в данном отношении более важным является осознание того, каким образом произошло развитие или

просто трансформация идеи коммунизма. Важно понять, каким образом произошло срабатывание механизма влияния этой идеи на социальные процессы, на социально-политическую практику в целом. Остаточные явления коммунистической идеологии всё больше превращаются в некую карикатуру в лице тех представителей, которые пытаются продолжить время её существования.

Личность и идея коммунизма очевидно взаимосвязаны, но эта взаимосвязь может срабатывать различным образом, если, конечно, представить, что вместо Зюганова придёт личность, которая по своим качествам, например, аналогична Путину. Очевидно, могут произойти достаточно существенные изменения влияния этой партии на общество. Если бы компартию России возглавил актёр Бред Пит или Мел Гибсон, то популярность данной партии, естественно, повысилась на порядок. Но ясно, что такая ситуация является по существу фантастической. Если представить, что самое популярное и симпатичное публичное лицо возглавит эту партию, то социальные реакции будут более значительными, чем сейчас.

Сегодня возник другой и, может быть, не менее странный и страшный призрак, который бродит по России, - призрак аполитизма. Аполитизм есть в данном случае системный общественный антипартийный эффект, выражающийся в том, что общество в той или иной степени не доверяет фактически всем партиям. Россия, видимо, в обязательном порядке должна пережить стадию осознанного аполитизма, отрицая все партии и все доктрины, веруя только в хлеб насущный и день сегодняшний. Никто больше не желает строить призрачные, эфирные замки некоего завтрашнего счастливого и недостижимого чуда, в котором не пришлось и уже не придётся жить никому. Завершился ли длительный эксперимент, фактически вивисекция, живорезание, проведённый на народе, который был обманут и подвергнут су-

ровым испытаниям? Или этот эксперимент продолжается в новой форме с новыми главными героями? Власть, обманывающая свой народ, как бы ей ни удавалось удачно скрывать свои обманы, будет уличена в этом и будет презираема. И пока одно поколение власти вслед за другим уходит в прошлое, сопровождаемое взглядами осуждения и презрения, всё еще остаётся некая иллюзорная вера в то, что может быть честная власть. Остаётся некая минимальная вера в то, что это положение изменится, что власть станет всё же не только достаточно умной, но и достаточно честной по отношению к своему народу. Глупая власть неизбежно делает ошибки, нравственно грязная власть исходно глупа, потому что она вызывает презрение народа.

Судьба политических партий в истории России является сложной и во многом драматичной, но это стало почти нормой, традицией, обычаем. Хотя, как известно по Гегелю, второе повторение исторических событий чаще всего является фарсом и комедией. Так и коммунистическая партия Советского Союза, КПСС, претерпела существенную трансформацию, в результате которой произошло историческое изменение партийности, возникли новые спорадические политические формации. Итак, проведённый коммунистический эксперимент оказался неудачным. В итоге в начале 90-х годов иной призрак бродил по СССР- призрак антикоммунизма. К счастью, он не закончился насилием над коммунистами. Народ требовал от коммунистов раскаяния, называя их «коммуняками» и испытывая к ним максимум ненависти и презрения. Компартия не нашла политической воли и разума, а также чести и совести, чтобы объяснить провал исторического эксперимента. Выступления новых русских коммунистов всё больше стали походить на параноический бред. Всё больше нарастала тенденция усиления неадекватного понимания процессов, происходящих в современной России, в современном российском обществе.

Партия людей, находящихся у власти, предопределяет то, что люди, входящие в её состав, получают возможность быть приближенными к власти и её возможностям. Идеалы аппаратного коммунизма оказались, как показывает практика, очень живучими.

Идеология государства должна быть современной. Идеологию невозможно уничтожить. Идеология возрождается снова и снова. Тем более, необходима идеология государства как его генеральная философия. Государство должно иметь свою общую теорию, позволяющую объяснить для всех граждан, чем их государство является по своей сущности.

Вернёмся в начало девяностых годов прошлого века. Эпоха перестройки тогда породила надежду на социализм с человеческим лицом. Сейчас это выглядит, может быть, смешно и наивно. То поколение руководителей компартии поставило общество в достаточно сложное положение. Надо ли сейчас винить то холопско-диктаторское поколение, которое позволило возникнуть ситуации системного кризиса общества? Тогда много спорили о КПСС завтрашнего дня. Возникали достаточно интересные вопросы о том, кто будет отдавать народу долги КПСС. Ситуация была достаточно сложная, может быть, во многом напомнившая споры первой половины двадцатых годов о том, каким образом должна развиваться компартия. Важность создания, развития новой гуманитарно-правовой платформы как проблема обозначилась ещё в те далёкие девяностые годы, когда в КПСС шёл спор о том, необходимо ли поддерживать демократическую платформу. Тогда шёл спор, возможен ли новый тип коммуниста. Сторонники демократической платформы рассматривались как реальная сила, и, может быть, единственная тогда сила, способная заставить измениться данную партию в том направлении, в котором ждало изменений всё общество.

Достаточно интересным было самоощущение преподавателей-обществоведов, которые всегда намного лучше других представляли реальное положение в сфере идеологии, которой тогда придавали чрезвычайно важное значение. Это внутреннее понимание существа вопроса не давало покоя многим, кто пытался понять, почему всё так происходит и как эту ситуацию можно исправить. Оставалась некая неустранимая часть веры в то, что страна строит всё же некое общество, способное быть лучше других. Ошибки руководства рассматривались как досадные, но почти неизбежные при строительстве общества нового типа, опыта построения которого не было.

Но в определённый момент времени суждения учёных, обществоведов стали более радикальным. Наступило разочарование даже не столько в самой идее коммунизма, сколько в тех людях, которые от имени народа вещали о необходимости, о некоем долге, об обязательстве всего советского народа строить это странное общество, которое никак не хотело строиться. Преподаватели так называемого «марксизма-ленинизма», как никто другой знали о теоретических неточностях, ошибках и прочих несуразностях этой теории. Многие из них, кто верил в официозный марксизм, считали такие сомнения почти государственным преступлением. Но отказ от открытого и объективного анализа был гораздо большим преступлением.

Можно признать сегодня, в 2011 году, этот призрак уверенно превратился в призрак аполитизма. После многих разочарований приход этого явления произошёл почти осознанно. Но некоторые его элементы сформировались как неосознанный, почти подсознательный аполитизм. Возник кризис политического доверия. Возникло мощное недоверие ко всем партиям в целом и к коммунистической партии, в частности. Многие партии превратились в трагическую пародию. Однако продолжают действия синдрома поли-

тического патернализма, действует инерция политической веры. Идеологическая культура – способность социальной группы выражать и защищать свои интересы. Может быть, курьёзно, а может, и забавно, что в российской, а прежде в советской идеологической культуре свобода политико-идеологического мышления народа в целом или отдельных личностей всегда воспринималась с достаточно высокой степенью осторожности и опаски. Со стороны власти в разные эпохи это принималось либо за вольтерьянство, либо за ревизионизм, оппортунизм, антикоммунизм или антисоветизм диссидентов. Критика власти расценивалась как преступление против государства, стремление ослабить его. Многие люди и сегодня искренне являются заложниками данного стереотипа политической аксиологии, т.е. способа политического негативного оценивания позиций, расходящихся с позициями власти и всех тех, кто не одобряет деятельности этой власти. Да и сама власть ещё не готова для открытой критики. Идеология как ложная форма соответствия реальным интересам парадоксально стала соответствовать марксистскому определению. Маркс видел идеологию таким образом, но Ленин фактически изменил такой подход, придав идеологии функцию диктаторного воздействия на все слои общества. И идеология в ленинском понимании сводилась именно к государственно-идеологической форме существования идеи государства и обоснования необходимости определённой формы власти.

Роль идеологии за период двадцатого века изменилась. Из формы идеологического диктата идеология стала видеться как необходимость точного и ясного определения всех смысловых параметров деятельности государства и его аппарата, с одной стороны, и интересов общества – с другой. Возникший своеобразный политический театр, на сцене которого разыгрываются те или иные идеологические коллизии, подчас превращается в театр абсурда наивысшего

уровня. Произошла потеря социальной логики механизма формирования адекватной идеологии.

Очевидно, настало время для нового понимания функций идеологии. Во-первых, необходимо отказаться от размытых и неточных идеологических доктрин. И, во-вторых, необходимо правовое рассмотрение обязательного выполнения тех обещаний, которые при инаугурации заявляются при вступлении во власть. Позитивная идеология – единственный выход из создавшейся кризисной ситуации. Необходима позитивная идеология. И в этом отношении необходимо заметить, что идеологическая рефлексия важна как форма осознанного позитивного, созидательного отражения социальной реальности. И с этой точки зрения возникает ряд принципиально важных вопросов. Какую роль играет идеология в 21 веке? Всегда ли она играет позитивную роль? Что изменилось по сравнению с классической моделью идеологии?

Идеологическая рефлексия связана с деятельностью партий, которые в своих программах и доктринах выражают интересы определённых социальных групп. Создание идеологии часто подменяется псевдоидеологией. Но народ не может быть лишён права выражать свои интересы. Необходима прозрачность деятельности государства для понимания его истинного состояния и отношения к обществу. Пока же существует достаточно сильный смысловой разрыв в духовно-смысловом соотношении государства и общества. Хотя очевидно, что понимание и адекватная социальная моральная обстановка взаимосвязаны не прямолинейно. Но именно мораль и психология доверия являются важными индикаторами социальной стабильности. Отсутствие такой стабильности порождает кризис доверия. Психология доверия как социальный феномен всегда имеет реальную конкретную форму выражения. И если народ устал от махина-

ций и незаконных манипуляций, от мошенничества властей, значит кризисная ситуация будет развиваться.

Сегодня сформировался новый тип политико-правового сознания, который существенно отличается от всех предшествующих известных форм. Общественное сознание оказалось способным выдержать все те странные и подчас, можно сказать, страшные преобразования социальной структуры, образа жизни, образа мышления и восприятия социально-политической реальности, происходящие в рамках жизни одного поколения. Так, например, Ю.С. Пивоваров высказывает мысль о том, что способы организации элиты определяют характер политических процессов, политической истории. Каждая политическая эпоха базируется на соответствующем типе организации элиты.³ Он же интересным образом показывает, что идея создания партии власти высказывалась ещё Сперанским, а попытки её организации высказывались ещё до Октябрьской революции. Что изменилось? Многое изменилось, осталось сходство, которое заключается в том, что гражданское общество не является достаточно развитым. В данном подходе формулировалась эта идея и известным политическим дореволюционным деятелем Треповым. Продолжила этот подход идея Ленина о создании партии нового типа. Действительно, есть создание партии власти, претендующей на тотальную власть во всех сферах общества.

Профсоюзы и их роль в современной России 2010 года оказываются весьма малозначимыми, пока наблюдается почти полное отсутствие эффективной деятельности профсоюзов в системе политической деятельности. И казалось бы, действительно, именно профсоюзы сегодня способны

³ Пивоваров Юрий Традиции русской государственности и современность. 2-я лекция // <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=96369>

выйти за пределы схемы политического лицемерия в решении насущных вопросов, но профсоюзы не смогли выполнить эту роль.

Лицемерие власти как её свойство своеобразно и в то же время во многом сходным образом оно проявляется в каждой конкретной форме власти. Парадоксальное лицемерие, в которое выродился первоначально оптимистичный коммунизм, социализм, утопизм, о котором мечтали самые лучшие и светлые гуманисты, естественно, поражает. Реальная сущность механизмов власти изменила саму идею коммунизма, сделала её почти невозможной. За какую высокую идею в этих условиях выступает современная компартия России? Трудно ответить на этот вопрос, потому что те безумные цели, которые эта партия провозглашает, указывают на её историческую и социальную неадекватность.

Ни у одной из партий современной России 2011 года нет достаточно проработанной научной концепции целей развития современного общества. А что есть? Есть эклектические компиляции из различных теорий. И через эти идеи проявляется достаточно серьёзное непонимание и часто нежелание понять сущность реальных социальных процессов. Именно поэтому посткоммунизм превратился в абсурдное и хаотичное, почти бессмысленное явление. У одних граждан в этих условиях осталась примитивная цель – выжить. Другие более благосостоятельные члены общества, по видимому, решают вопросы увеличения своего благосостояния. Народу мало интересно, чем отличается одна политическая стратегия от другой, если при этом уровень жизни народа ни в том, ни в другом случае не повышается. Наступил почти полный кризис доверия к дееспособности власти позитивно решать коренные проблемы российской экономики и всего образа жизни в целом.

Госмашина в системе политического менеджмента управления должна изменяться и совершенствоваться. Го-

сударство есть машина для управления, но эта машина слишком неудобна для управления, необходимо её усовершенствование. Недопустимо, чтобы машина управляла водителем, а тем более теми, кто нанял эту машину для выполнения соответствующих функций. Но эта огромная и дорогостоящая машина подчас начинает действовать только в своих интересах, преследуя свои машинно-функциональные цели. Следовательно, законопослушные граждане, налогоплательщики, имеющее право общей собственности на эту машину, имеют право требовать, чтобы она работала эффективно и обеспечивала, как минимум, положительные результаты своей работы, отвечала тем требованиям к её работе, которые обозначены в её техническом паспорте, в Конституции. Возможно, необходимо многие функции государства более точно прописать в данном документе.

Ментальность власти – важный фактор. Ментальные параметры власти имеют важное значение для всех процессов, происходящих в обществе. В этом отношении власть и общество находятся в ментальном взаимодействии. И когда власть позиционирует себя таким образом, что её действия не воспринимаются как достаточно умные, а, скорее всего, воспринимаются как очевидная глупость, то кто в этом действительно виноват? Виновато общество, люди или само государство, его лидеры? В итоге возникла не очень положительная диспозиция государства, государственной власти чиновников и общества. Это противоречие разрушает национальное единство, убивает дух национально-государственной общности. Общество в итоге становится конфронтационным по самому своему настрою. Выражение этой конфликтной конфронтационности будет происходить и находить самые различные формы там, где это будет иметь национальную составляющую, где к тому же будут порождаться конфликты не по типу «столица-провинция», а

по националистическому способу выражения. Глупая, одиозная, жадная олигархическая власть и её латентная идеология не выгодны современному российскому обществу.

В этом аспекте видится и то, что можно определить как государственное мышление. Оно есть часть управленческого мышления, его важная составляющая, есть способность мыслить в категориях реальности объективного управления социальными процессами. Естественно, возникает вопрос: каким мышлением должно обладать мышление современного государственного политического лидера? В этом аспекте также важно отметить, что уничтожение качественной системы современного высшего образования может породить весьма негативные последствия в ближайшем будущем. Формализация и убийство творчества – опасная тенденция. Господство формальных стандартов мышления и деятельности, необходимо признать, является неизбежной тенденцией развития современных систем управления. Государство есть не только абстрактная формальная система, но, что особенно важно, оно есть то, каким образом представлены характеристики государственного лидера как личности, обладающей определенной ментальностью. На современного государственного и политического лидера возлагается, по существу, функция формирования высшей нормы современной ментальности.

Новая партократия и плутократия принимает более благообразные формы, старается понравиться потенциальному электорату. Сформировалась новая, более гибкая, более хитрая партократия, и она стала играть свою особую роль в новой системе политических отношений. Но и здесь господствующий тип политической рациональности определяет системные характеристики политической сферы в целом.

Оценивая Манифест коммунистической партии, В.И. Ленин писал: «В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последова-

тельный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» (Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 48). Сегодня ещё раз можно задать вопрос о том, насколько «с гениальной ясностью и яркостью» было дано в этом произведении предвидение и предсказание нового мирозерцания? Что, собственно, было высказано точного и социально правильного в этом программном документе? Думается, действительно, важно не только и не столько раскритиковать Маркса и Энгельса, важно в итоговом остатке получить положительный опыт предвидения и прогнозирования, а также проектирования нового социального состояния.

Партийная идеология в современной российской политической системе перестала выражать интересы народа. Современная партийная модель выражения социальных интересов должна быть оптимизирована до того уровня, когда её эффективность будет соразмерна потребностям общества и его социальным группам. Очевидно, что не нужны, являются лишними те партии, которые не выражают интересов общества, а самое главное не борются за эти интересы. Возник своеобразный парадокс: партии не выражают интересов тех, кто за них голосовал. Возникает синдром невыполнения взятых на себя обязательств. Такие партии становятся замкнутыми и самодостаточными организациями. Но такая самодостаточность означает потерю связи с обществом, потерю актуальности и значимости, то есть, фактически означает ненужность.

Чиновники – латентная партия. Чиновники по своему статусу представляют особую партию, которая объединяет своих членов по определённому статусу и значению в функциональных взаимосвязях. Поэтому такая идеология

чиновников играет особую роль в системе государственного управления и жизни общества. В целом партийная система находится в состоянии полустагнации, возникает ощущение того, что она находится в процессе нарастания кризиса. Такая система не выполняет никаких полезных функций, и подобная ситуация опасна. Партия, которая взяла на себя роль «единой партии всех партий», выполняет, по существу, деструктивную роль.

Возможность кризисной ситуации нарастает. Как известно, Ленин определил две основные стороны предпосылок социального кризиса как основания возможности социальной революции. Это то, что власти не могут управлять по-старому, и то, что низы уже не могут жить по-старому. Но фактически, когда мы говорим о том, что власть не может управлять по-старому, не определяется точно и однозначно, почему она, эта власть, не может управлять по-старому. Здесь необходимы точность и определённость. Необходимо пояснить: власть не может управлять по-старому не потому, что она не имеет на это никакого желания, не потому, что она не предпринимает никаких действий.

Власть не может управлять по-старому потому, что она не понимает, что именно необходимо делать, что правильно и что неправильно. Хотя, безусловно, не исчезает возможность варианта, когда власть просто не понимает, в какой ситуации она оказалась. Неужели власть от государства и власть от капитала не понимают, что может возникнуть повторение если и не революционной ситуации, то весьма кризисной негативной ситуации? Задаёшься вопросом: как власть видит возможность развития социально кризисной ситуации? Подавление выступлений шахтёров Кузбасса после аварии на шахте Расспадская показало, что эта, да и никакая другая социальная группа, не обладает способностью осознанного и целенаправленного действия, направленного на радикальное изменение сложившейся негативной соци-

альной ситуации. Очевидно, что не хватает организованности, партии, выражающей интересы этой социальной группы. Нет разработанной теории и программы ясных и последовательных действий, позволяющих требовать от власти существенной корреляции своей деятельности.

Так называемый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», всё же имеет свою психологическую логику. Это логика бесконечной обиды на власть и на тот абсурд, который эта власть породила, сделав жизнь даже не столько невыносимой в плане материального выживания, сколько сделав её таковой в смысловом аспекте, действительно, абсурдно невыносимой и безысходной. Нарастание абсурда власти приводит к нарастанию возможностей всенародного недовольства и возмущения.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии.
2. Ленин В.И. Государство и революция.
3. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего.
4. Мангейм К. Идеология и утопия.
5. Логинов А. В. Идеология как проблема социальной онтологии: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11: Екатеринбург, 2004. 136 с.

КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ КРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кудашов В.И.

В последнее время понятие кризиса стало центральным во многих философских, политических, социологических, психологических исследованиях. Причины, как всегда, имеют вполне объективное происхождение. Как показывает опыт развития культуры и особенно последний мировой кризис, цивилизация имеет характер глобальной системы, а возникший всеобщий цивилизационный кризис влияет на возникновение кризисных явлений на всех уровнях. Из всех компонентов, которые влияют на причины возникновения, процесс прохождения и завершения кризиса, выделим когнитивный уровень управления для подробного раскрытия. Выбор данного предмета анализа обусловлен тем, что он более всего влияет на все характеристики каждого этапа протекания кризиса в социальных системах. Оно значимо во всех видах кризисов, начиная от личностного и заканчивая глобальным. С другой стороны, все вышеперечисленные кризисы проходят как в процессуальном, так и структурно-функциональном аспектах по единым законам, которым подчиняется развитие всех живых сложных систем, и роль когнитивного управления в них велика.

Тема когнитивного управления в кризисном обществе часто обходится вниманием научного сообщества. «Когнитивный» указывает на отношение к знаниям («cognoscere» в переводе с латыни – «знать, узнавать»), точнее, к способам получения знаний человеком и способам их сохранения в его сознании. Таким образом, когнитивные методы – это методы воздействия на то, как люди получают и хранят знания. Если мы имеем возможность влиять на эти процес-

сы, мы практически получаем самый прямой и простой путь влиять на поведение людей, ведь люди делают те или иные вещи в зависимости от того, что они знают вообще и что они узнают о текущей ситуации, в частности. Хотя, в принципе, можно влиять на знания, которые уже усвоены человеком, гораздо проще влиять на то, что он узнает нового. Поэтому легче вмешиваться не в те знания, которые уже в голове людей, а в те, которые только ими усваиваются. Процесс возникновения новых знаний имеет прямое отношение к восприятию вещей – мы узнаем о мире то, что воспринимаем. Управление восприятием человека дает прямой путь влиять на знания, которые он приобретает. Анализ и управление факторами, которые влияют на восприятие людей, составляют суть когнитивных методов управления. Эти факторы будем называть когнитивными.

Хорошо известно, что, сталкиваясь с одними и теми же событиями и фактами, люди могут очень по-разному их воспринимать и оценивать. Соответственно, совершенно различна и их реакция. Это происходит из-за того, что разные люди извлекают из событий и фактов разные знания, а этот процесс определяется когнитивными факторами, влияющими на восприятие. Это верно и в более широком смысле – любая информация из любого источника, которая приходит к человеку, получает для него определенный смысл только благодаря тем или иным когнитивным факторам. Если мы даже не можем изменить поступающую к человеку информацию, изменить сами события и факты, мы можем в широких пределах изменять его реакцию, правильно сформировав когнитивные факторы. Обратим внимание на особенность этого подхода: традиционные методы влияния на сознание людей, такие как пропаганда или реклама, основаны на попытках контролировать поступающую человеку информацию (выпячивание или утаивание фактов, дезинформация и т.д.), когнитивные методы не изменяют

саму информацию, но создают условия, в которых она получает иной смысл и превращается в иное знание.

Когнитивный уровень является только удобной абстракцией, моделью, но эта модель помогает найти альтернативные решения задач управления, даёт единый и системный взгляд на разнородные факторы, влияющие на судьбу человеческих организаций, и поэтому заслуживает изучения и усвоения. Можно условно выделить три уровня реальности: физический, информационный и когнитивный. Сегодня обычный образованный человек хорошо умеет различать первые два (хотя так было не всегда), но пока немногие умеют различить третий, когнитивный. Часто он путается с информационным, а иногда вовсе не замечается. Первый уровень реальности – это материальный или физический уровень. Это уровень вещей, которые мы можем непосредственно воспринимать своими органами чувств: можем их осязать, нюхать, видеть своими глазами или слышать и т.д. Второй, более сложный уровень, который ясно попал в поле зрения людей только в начале 20-го века, это уровень информации. И вот тут уже появляется некоторая трудность. Мы, люди 21-го века, интуитивно понимаем, что такое информация, но объяснить, что это такое, очень непросто, ведь информацию как таковую нельзя потрогать, нельзя увидеть или услышать (хотя можно потрогать, увидеть или услышать материальный носитель информации). Сегодня точно знаем – информация существует, и в сотне томов большой энциклопедии может заключаться столько же информации, сколько и в миниатюрной карте памяти величиной с ноготь.

До начала 20-го века уровень информации был неразрывно привязан к материальному уровню, информация не отделялась от конкретного материального носителя. И люди попросту не замечали, что информация существует на собственном, не-физическом уровне реальности. Всё измени-

лось, когда появился электронный экран, а точнее, компьютерный терминал. Экран не «роднился навек» с отображаемой информацией, как это делала бумага, глина или холст, он легко менял отображаемую информацию, а информация легко меняла свой носитель: вот только что она была на экране, а теперь переместилась на магнитную плёнку или с помощью принтера переместилась на бумажную ленту. Благодаря электронным экранам люди получили наглядную возможность осознать: кроме материального уровня, в мире имеется и другой, информационный.

Первые исследования свойств информационного уровня были обозначены как кибернетика. Кибернетика с момента возникновения сфокусировалась на изучении управления как ключевого информационного механизма в любом техническом устройстве, организме или организации. Подчеркнём: кибернетика рассматривала управление как механизм информационного, а не физического уровня. Проясним это различие. В широком смысле, управление – это воздействие на объект или систему с определенной целью. Представим, что перед нами слон, которого нужно поместить в клетку для транспортировки. Для достижения этой цели можно воспользоваться как физическим управлением, так и информационным. Физическое управление – это непосредственное приложение физических усилий к предмету управления, в данном случае мы начинаем изо всех сил запихивать слона в клетку.

Информационное управление в этой ситуации – воздействовать на информационные механизмы самого слона таким образом, чтобы он сам зашел в клетку. Например, мы можем заманить его любимым кочаном капусты. Какой из этих способов управления предпочтительнее? Разумеется, информационный – дело в том самом различии материального и информационного уровня реальности: для того, чтобы достичь цели материальными средствами, нам прихо-

дится затратить столько же энергии, сколько нужно, чтобы переместить многотонную тушу из точки А в точку Б. Энергия для такого перемещения не может взяться из ниоткуда, поэтому необходимо затратить свою собственную энергию. На информационном уровне с помощью приманки мы совершаем перемещение слона с почти нулевыми затратами своей энергии – этим и привлекательно информационное управление: оно оказывается более экономичным и эффективным, чем физическое.

Суть информационного управления проста: в системе необходимо найти каналы информации, которые ей служат в качестве магистралей для движения управляющих сигналов, и взять их под полный или частичный контроль. Как правило, это сделать легче, чем физически взять всю систему под контроль – как в примере со слоном. Другие примеры: чтобы лошадь не брыкалась, её не нужно заматывать ремнями и верёвками, достаточно надеть на глаза шоры – и она становится покорной и тихой. Чтобы не брыкался народ, необязательно приставлять к каждому жандарма, а достаточно «повесить шоры» на источники новостей, взять под контроль СМИ – и народ тоже становится покорным и управляемым. 20-й век был веком информации, потому что впервые не физическое, а информационное управление стало главенствующим средством социального контроля. Пропаганда и маркетинг, СМИ, особенно телевидение и интернет – всё это аспекты информационной революции, случившейся в 20-м веке.

Но уже на закате века информации мы столкнулись с новым явлением: информационной инфляцией. Попросту говоря, информации и каналов её распространения стало так много, что информационные механизмы социального управления начали терять свою прежнюю эффективность. Вернёмся к примеру с клеткой и слоном. Представим, что вокруг слона толпа людей, которые со всех сторон манят

его кочанами капусты, морковками, бананами, но при этом исчезают, как только он пытается приблизиться к кому-то из них, появляются с другой стороны, кричат, зазывая приманкой. Информационные каналы слона продолжают действовать, но он перестаёт реагировать на раздражители, и возможность информационного управления над ним утрачивается. Точно также современные маркетологи и государственные власти неуклонно теряют возможности управления над рынками и гражданами своих стран. Реклама не работает, речи и призывы политиков вызывают слабое волнение только среди придворных, законы и даже прямые приказы не исполняются – всё это звенья одной цепи. В этой ситуации государственные власти могут вернуться к старому варианту – к физическому управлению (то есть к «ручному управлению» и грубому принуждению), но что делать не обладающим полнотой власти социальным менеджерам?

Подчеркнём важный момент: ни слоны, ни люди не действуют на основе поступающей извне информации, а только на основе смысла, который получает эта информация. Если информация не может быть связана ни с одной смысловой системой (например, смысловые системы разрушены в результате информационной инфляции), она никак не может повлиять на осознающий организм или организацию. Вспомним, как непросто было людям отделить информационный уровень от физического и разглядеть его ясно. С подобной же трудностью мы сталкиваемся, стараясь различить когнитивный уровень реальности, научиться отличать его от информационного. Когнитивный уровень содержит смыслы, и нужно научиться различать, абстрагировать информацию и смысл. Информация принадлежит информационному уровню, смысл – когнитивному. До тех пор, пока человек 18-го века не понял, что текст выражается чернильным узором на бумаге, но не является его производной, он бы не понял, что такое информационный уро-

вень. До тех пор пока мы не поймём, что смысл может быть связан с той или иной информацией, но он не является её производной, мы не сможем увидеть когнитивный уровень реальности.

Специалисты, изучающие человеческое бессознательное – индивидуальное и коллективное, – осведомлены о том глубоком и довольно загадочном влиянии, которое мифы и архетипы оказывают на мышление и поведение людей. В начале 20-го века Зигмунд Фрейд, создатель психоанализа, выявил действие ряда прототипических сюжетов в мышлении и поведении людей с психическими расстройствами. Эти сюжеты явно перекликаются с некоторыми греческими мифами – об Эдипе, о Нарциссе и т.д. Обозначив их как «комплексы», Фрейд предположил, что эти мифы направляют бессознательные энергии каждого человека, вне зависимости от культурной принадлежности, хотя обычно подавляются разумным сознанием. Карл Юнг, развивший альтернативную ветвь психоанализа, обнаружил в своих пациентах действие ряда прототипических образов, которые он назвал архетипами: «Великая Мать», «Старец-мудрец», «Герой» и др. Часто эти образы возникали в сновидениях пациентов, кроме того, Юнг считал, что эти образы скрыто влияют на наши отношения с другими людьми, выступая глубинными матрицами восприятия. Архетипы и развёрнутые из них сюжеты-мифы – очень важный класс когнитивных объектов, который можно обозначить как «этические смыслы», поскольку они часто являются для людей основанием для этических оценок: что хорошо, а что плохо; как можно поступать, а как нельзя; что правильно, а что – нет. Этические смыслы, так же, как и другие когнитивные объекты, самодостаточны, и этим объясняется их постоянное и широкое присутствие в различных культурах. Итак, причины стойкости и универсальности архетипов и мифов – их самодостаточность. Они снова и снова вмешиваются в наше

мышление, как только для этого создаются подходящие условия.

Особое значение архетипы имеют как источники оправдания коллективных поступков, решений, предпочтений. При этом чем больше и разнообразнее общество, тем заметнее на первый план выходят не функциональные, а самодостаточные коллективные смыслы, базирующиеся на архетипах и мифах. Это связано с тем, что чем больше и разнообразнее коллектив, тем меньше общих функциональных смыслов у его членов. Например, современная Россия как социальный организм отличается высокой степенью разнообразия граждан – культурной, национальной, географической, имущественной, хозяйственной. В этих условиях неизбежно ослабление общегосударственных функциональных смыслов, поскольку почти по любому конкретному утилитарному вопросу мнение граждан не находит единства. В результате на первый план выходят этические смыслы, связанные с архетипами и мифами – только они значимы для всех граждан, поскольку самодостаточны и универсальны. По этим причинам в любом коллективе или социуме значение функциональных смыслов ослабевает по сравнению с мышлением отдельного человека – и чем больше и гетерогеннее коллектив, тем в большей степени.

Таким образом, по сравнению с индивидуальным сознанием, коллективное гораздо больше опирается на мифы и архетипы при оправдании и осмыслении реальности. Из этого следует два взаимосвязанных практических вывода:

- коллективное поведение и мышление являются привлекательной и удобной областью наблюдений когнитивного уровня, особенно этических смыслов;

- мифы и архетипы обладают фундаментальным влиянием на коллективы, и это может использоваться в практике социального управления в форме когнитивных интервенций, прямо обращающихся к мифам и архетипам.

Этические смыслы воплощаются в сюжетах произведений искусства как в явном виде, когда тот или иной миф или образ прямо отражается в произведении искусства, так и косвенно, в форме ряда характерных сюжетов, которые дрейфуют из одного произведения искусства в другое. Каждый из этих сюжетов представляет собой миф, архетипический сценарий, образующий верхний смысловой уровень произведения искусства. Очевидно, базовых сценариев не бесконечное количество. Ещё Аристотель считал, что существует 36 универсальных сюжетов. Хорхе Луис Борхес радикально сократил это количество до четырех мифических сюжетов и связанных с ними архетипических образов. Одна из историй Борхеса, по его мнению, самая древняя – это сюжет об осаждённом городе, который защищают герои. При этом защитники знают, что город обречен и сопротивление бесполезно, но продолжают защищаться. Вариантом этого же сюжета является и история о герое-мятежнике, сам факт существования которого – вызов окружающей реальности. К этому варианту, очевидно, можно отнести миф о Прометее.

В этой связи интересно оценить когнитивный ландшафт Советского Союза, который на протяжении всей своей истории черпал в этом мифе воодушевление и оправдание. С самого начала, со времен гражданской войны, образ страны советов как осаждённой врагами крепости активно транслировался массам. Сначала первое государство рабочих и крестьян хотели погубить белогвардейцы и Антанта, затем – капиталисты и фашисты, наконец, вплоть до последних лет Советского Союза, – американские империалисты и их прихвостни. Любопытно, что в конечном итоге миф полностью реализовался, и крепость, героически державшаяся 70 лет, пала. Следует отметить, что миф об осаждённой крепости вообще всегда играл важную роль в когнитивном уровне России. Этому способствовало религиозное самосознание

русских: почти любая война превращалась в битву за сохранение истинной веры против осаждающих духовный оплот врагов. Большевики получили этот миф по наследству и в полной мере его использовали, хотя и подменили содержание, заместив православие коммунизмом. Важный вопрос, от которого зависит будущее России, – ослабло ли влияние этого мифа вместе с распадом СССР или для русской культуры он является основополагающим, без которого не может обходиться наша самоидентичность? И если мы не можем без него обходиться – а это вполне вероятно, – какие ценности теперь находятся в осаждаемой крепости? Что теперь нам нужно сохранить любой ценой, противостоя врагам?

Важно понять, что причина устойчивости и универсальности сюжетов произведений искусства – в их смысловой самодостаточности, это когнитивные объекты. Естественно, что эти сюжеты, проявляясь в произведениях искусства в явной и очевидной форме, неявно определяют и реальную жизнь, характерные сценарии, в рамках которых мы осмысливаем жизнь и выстраиваем своё поведение. В этом смысле базовые сюжеты аналогичны мифам Фрейда и архетипам Юнга и, подобно им, особенно ярко проявляются в коллективном, а не индивидуальном сознании. Наполняясь конкретным содержанием, которое составляет реальная социальная жизнь, они превращаются в социальные мифы, в относительно устойчивые системы представлений, актуальные сюжеты, определяющие смысловой ландшафт общества.

Как показали недавние события (в декабре 2010-го в ряде городов России поднялась волна беспорядков, начавшаяся в Москве на Манежной площади, под стенами Кремля, с массовой стычки между футбольными фанатами и молодежью кавказского происхождения), в нашей стране продолжает усиливаться влияние социального мифа, в соответ-

ствии с которым русский народ как титульная нация угнетается выходцами с Кавказа. Этот миф содержит сюжет о том, как внезапно исчерпывается глубокая чаша народного терпения и при бездействии или бессилии властей, не защищающих народ от притеснений, начинается безудержное национально-освободительное народное восстание против иноверных угнетателей – хитрых, коварных, лучше организованных, власть и богатство имущих. Хорошей иллюстрацией является сказка об Илье Муромце, лежавшим на печи много лет, а потом вдруг восставшем и уничтожившим угнетателя Соловья-разбойника. Важной исторической актуализацией этого сюжета является история народного ополчения Минина и Пожарского, освободившего Москву и Россию от польской оккупации. Отзвуки этого мифа можно найти и в фундаментальной для русского самосознания истории свержения монголо-татарского ига, под которым Россия находилась несколько столетий. В его основе – архетип Героя, который идёт на подвиг, зная даже, что ему грозит наказание.

В нынешних условиях этот социальный миф очень опасен, поскольку напряжённость нарастает между гражданами одного и того же государства. Однако требуется ясно понимать: для людей, считающих себя русскими, он несёт самодостаточный этический и эстетический смысл, к тому же нагруженный историческими ассоциациями. В условиях когнитивного вакуума, отсутствия внятной многонациональной идентичности (вспомним ту самую осаждённую крепость, которая сплавивала жителей России, а потом и СССР), для развития этого мифа создались инкубаторные условия, особенно в среде молодёжи, которая не имеет сложившихся ещё во времена Советского Союза смысловых систем.

Возьмём актуальную для нынешней России проблему Кавказа. Сложная социальная ситуация, проблемы безопас-

ности, экономическая слабость Кавказа – всё это заставляет одних полагать, что лучшее решение – одним махом избавиться от Кавказа вместе со всеми его проблемами. А другие считают, что следует набраться терпения, подготовиться к долгой и трудной работе, принять это как задачу, которую необходимо решать. Характерные образцы резонов для двух альтернативных решений кавказской проблемы:

«Сколько можно нам с Кавказом маяться? И главное, зачем он нам нужен?! Только деньги на ветер, и террористы шастают – границы-то нет. Пусть живут как хотят, границу на замок, никого не пускать. Выселить, кто понаехал, туда всех. Пусть живут, как хотят. Ну, вот тебе лично – нужен этот Кавказ? Ты что, туда жить поедешь? Нет! И я – нет. И никому он не нужен! Отделить – они же сами этого хотят... Пусть попробуют, хватит уже с ними маяться».

«Отделить? Ни в коем случае! Это никаких проблем не решит, а только новые создаст. И вообще, вся страна сыпаться начнёт. Уже было дело, когда Чечня была независимой - и что?! Терроризм, похищения людей, кровь. Ты хочешь, чтобы весь Кавказ таким стал? Да никаких пограничников, никаких сил не хватит этот котёл удерживать, если он закипит, если там анархия начнётся. У нас просто нет выбора – надо держать ситуацию любой ценой, работать, рано или поздно ситуация стабилизируется. Уже стабилизировалась по сравнению с тем, что было в 90-х».

Приглядимся к ним внимательнее:

«Отделить Кавказ и избавиться от проблем». Обоснование опирается на мещанско-либеральную парадигму, в соответствии с которой каждый человек заслуживает маленького удобного рая на земле, если он честно работает, умный, порядочный и не нарушает законы. Плохих людей надо изолировать в тюрьмах и гетто, а «плохие народы» – изгонять на периферию или отделяться от них стеной, не испытывая никаких угрызений совести и не неся перед ними

никаких обязательств. В России эта парадигма богатых городов и среднего класса, который искренне не понимает, почему страна должна тратить деньги на Кавказ, а не только на устранение пробок в Москве.

«Сохранять Кавказ во что бы то ни стало». В конечном итоге, обоснование опирается на мысль, что отделение подвергнет риску целостность оставшейся территории страны. Тут целостность страны выступает высшим приоритетом, самодостаточной ценностью, которая питается древним российским императивом «собираания земель», который, в свою очередь, опирается на мессианско-православную парадигму. Россия мыслится только как территориально большая держава, империя, которая может существовать только расширяя или, на худой конец, удерживая сферу своего влияния. Можно рационально обосновать, почему Россия всё-таки может существовать в рамках нескольких областей, прилегающих к Москве и Санкт-Петербургу, но с точки зрения глубинной русской парадигмы, это немыслимо, и потеря южных и сибирских земель будет означать конец страны, провал главного архетипического сюжета. Таким образом, стремление удерживать Кавказ, какими бы резонами оно не обосновывалось, черпает смысл в самодостаточной мессианско-православной парадигме, родственной архетипу Героя и сюжету осажденной крепости.

Историческим центром мещанско-либеральной парадигмы на Руси был Новгород, город космополитичных торговцев и русской демократии, а центром мессианско-православной парадигмы – Москва. Несколько веков соперничества и борьбы двух городов, а точнее, двух парадигм, закончились победой Москвы, но обе парадигмы как две фундаментальные настройки коллективного внимания существуют в русском культурном теле до сих пор – об этом, в частности, свидетельствует и нынешняя полемика относительно Кавказа. Изменив смысловую систему, идею,

под действием которой находится человек или коллектив, мы можем радикально изменить его поведение и решения в одних и тех же информационных и материальных обстоятельствах. Это общий принцип когнитивного управления. Наиболее прямой способ когнитивного управления человеком или обществом – простая манипуляция материальными и информационными обстоятельствами таким образом, чтобы сделать подключение нужного нам смысла более естественным и удобным для индивидуального или коллективного восприятия. Прямое использование дополнительных информационных и материальных факторов для изменения подключаемого смысла – это простой и довольно грубый метод когнитивного управления. Тщательный выбор мест для осуществления когнитивных интервенций позволяет сделать их гораздо более экономичными и элегантными.

Взаимодействие социального пространства и его когнитивного уровня нелокально – одни и те же идеи и смыслы могут действовать как на уровне целого государства, так и на уровне поведения одного конкретного гражданина – у них нет определённой общественной или географической локализации. Поэтому социальные мифы и парадигмы, являясь настройками коллективного внимания целого социума, являются одновременно настройками внимания каждого из его представителей, каждой из его социальных групп, хотя проявляются в индивидуумах и группах в разной степени. Например, беспорядки в Москве или в Кондопоге, опирающиеся на идею национально-освободительного восстания, свидетельствуют не о том, что эта идея становится влиятельной в среде молодежи. Они являются свидетельством, что эта идея усиливает своё влияние в российском обществе вообще – в каждом городе, в каждой семье, в каждом гражданине. Последовавшие за московскими событиями подобные беспорядки в Санкт-Петербурге и некоторых других городах случились не потому, что Москва подала

пример, а потому, что одновременно во многих местах России создаются подходящие условия для активной реализации идеи и сценария национально-освободительного восстания. При этом в новостях мы видим только верхушку айсберга, гораздо важнее, то, как эта идея охватывает общество на микроуровне – на уровне отдельных семей, трудовых коллективов, даже отдельных граждан. На макроуровне, когда беспорядки выходят на улицы, власть может активно противостоять сценарию восстания полицейскими силами, но у неё нет почти никаких инструментов противостоять ему на микро-уровне. Противостоять одной парадигме можно только другой парадигмой, и невозможно – только физической силой или информационным контролем – просто потому, что физическая сила и информационный контроль неизбежно локальны, а действие идей и смыслов – нет.

Проблема нынешней ситуации в нашей стране заключается в том, что русскому архетипу Героя сегодня лучше всего соответствует сценарий национально-освободительного восстания. Власть, озабоченная экономическими балансами и «прагматизмом», пока не может предложить альтернатив. России необходима внятная и очень трудная общенародная задача, достойная Героев (или внятный и серьёзный враг, что гораздо хуже, хотя и привычнее), и если власть и народ не будут иметь согласия по поводу того, что это за задача или кто этот враг, им придётся противостоять друг другу. Спортивные паллиативы вроде зимней олимпиады в Сочи в 2014 или чемпионата мира по футболу в 2018, очевидно, не годятся на роль общенациональной героической задачи. России не нужна «национальная идея», об отсутствии которой многие стеноют. России нужна национальная задача, которая была бы понятна всем, а не только кучке придворных чиновников – и лучше не дожидаться, пока жизнь её сама поставит.

Для того чтобы когнитивный уровень вступил во взаимодействие с физическим или информационным, требуется посредник – осознающее или воспринимающее существо. Это может быть отдельный человек, но нас больше интересует вариант, когда таким посредником является социальный организм, обладающий коллективным вниманием. До сих пор, говоря о том, как смысл или идея накладывается на те или иные информационные факторы, мы считали этот процесс мгновенным. Действительно, в индивидуальном восприятии наложение, развёртывание смысла, распознавание происходит очень быстро, особенно если используются простые, привычные идеи или смыслы. Однако даже в этом случае процесс актуализации не мгновенный, а постепенный и в нём есть важные закономерности, характерный рисунок. Его лучше всего наблюдать на поле социальной жизни, поскольку коллективное сознание гораздо медленнее, нежели индивидуальное, к тому же значимые для социального анализа смыслы – мифы и парадигмы – разворачиваются медленно. Низкая скорость актуализации социальных идей приводит к тому, что в каждый момент времени социальное пространство представляет собой поле столкновения нескольких смыслов, находящихся в той или иной стадии актуализации, развёртывания.

Рассмотрим характерный след, который оставляет в социальном пространстве разворачивающийся в нём смысл или идея. Вспомним о том, что когнитивный уровень находится вне пространства и времени: он «трансцендентен», как говорят философы, и взаимодействует с видимой физической и социальной реальностью, которая находится в пространстве и времени. Из-за этого актуализации когнитивного уровня нелокальны. Однако неверно понимать нелокальность как равномерную размазанность – например, считать, что определенная социальная идея обладает одинаковым влиянием по всему социальному пространству. Да,

она присутствует во всём пространстве, потому что невозможно провести границы её влияния. И тем не менее, наблюдаемые результаты действия идеи (видимые изменения поведения участников социума под действием идеи) не происходят одновременно по всему социальному пространству, а проявляются в первую очередь в некоторых его точках. Далее эти точки становятся центрами роста, постепенного развёртывания идеи в социальном пространстве, что приводит к формированию того самого характерного рисунка актуализации.

Идеи как источники самодостаточных смыслов не действуют на социальную реальность всегда одинаково. Их влияние усиливается и ослабевает. Одни идеи становятся влиятельными, роль других снижается. Так мы подходим к теме жизненного цикла когнитивных объектов, оказывающих влияние на социальную реальность. Можно лишь с долей условности говорить о том, что идеи или смыслы, составляющие содержание когнитивного уровня, обладают каким-то жизненным циклом. Они – внепространственные и вневременные сущности, так что в некотором роде являются вечными и неизменными, не подверженными изменениям во времени. Но наблюдаемое действие той или иной идеи на материальный или информационный уровень отнюдь не вечно и обладает характерным жизненным циклом. Иными словами, жизненным циклом и ограниченным сроком существования обладают не сами идеи, а наблюдаемые следы, которые они оставляют в социальной реальности. Этап наблюдаемого усиления влияния идеи на социальную реальность мы называли актуализацией, развёртыванием. И этот этап рано или поздно сменяется сворачиванием, когда происходит ослабление и прекращение влияния идеи на социальную жизнь.

Жизненный цикл когнитивного следа сопровождается возрастанием, стабилизацией, а затем снижением его когни-

тивной мощности. Это можно изобразить характерной кривой жизненного цикла, которая наблюдается во многих социальных явлениях. Наиболее известные примеры – жизненный цикл организации, товарной категории на рынке и жизненный цикл этносов. В основе этих и многих других примеров социальных жизненных циклов лежит жизненный цикл соответствующих когнитивных следов. Например, жизненный цикл этноса – это цикл развития самоподобной культурно-географической социальной структуры, переживающей фазы роста, сборки, насыщения и разрушения. При этом когнитивным источником этой динамики является «идея этноса», самодостаточный смысловой агрегат, уникальный для каждого этноса. Общая длительность жизненного цикла когнитивных следов варьирует в очень широких пределах. Вспомним, что актуализация идеи или смысла – это поэтапная фокусировка индивидуального или коллективного внимания. Поэтому жизненный цикл когнитивного следа может продолжаться от нескольких секунд (например, в случае индивидуального восприятия элементарного смысла) до периода длительностью по меньшей мере 1000 лет (например, в случае актуализации идеи этноса). Возможно, существуют и ещё более длительные жизненные циклы, связанные, например, с суперэтносами и другими культурными метаорганизмами, например, с религиозными и философскими доктринами.

Для прикладного социального анализа наибольший интерес представляют социальные мифы, когнитивный след которых живёт от нескольких сотен до нескольких десятков лет. Поводом для размышления членов социума скорее становятся события быстротекущих фаз, с этим связан интересный и повсеместный эффект запаздывания, когда представители власти или другие члены общества начинают реагировать на развитие или, наоборот, деградацию социальных идей только тогда, когда процесс уже идёт полным хо-

дом и на него почти невозможно повлиять. На этот счёт есть хорошая русская поговорка: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Например, уже упоминавшиеся события на Манежной площади – это события, говорящие о том, что идея национально-освободительного восстания, замешанного на национальных мотивах, проходит фазу сборки: мы наблюдаем тревожную смычку между национализмом и общим недовольством властью. То есть процесс актуализации социальной идеи вошёл в активную фазу, когда она усиливает своё влияние на общество крупными скачками, а не тихо и постепенно, как это было раньше. И увы, только теперь, когда ситуация стала опасной, на неё обратили серьёзное внимание обслуживающие власть социальные аналитики. Между тем, анализ когнитивного уровня и понимание динамики развития следов позволяет замечать начало актуализации или, наоборот, деградации социальных идей ещё тогда, когда процессы не приобретают широкого, необратимого и стремительного характера.

Социальные мифы, идеи и парадигмы, составляющие когнитивный уровень общества, ни много ни мало определяют его судьбу. Решения и действия участников общества, которые могут быть с первого взгляда сугубо функциональными, в конечном итоге всегда оказываются подчинёнными самодостаточным смыслам, то есть, когнитивному уровню. Поэтому одни и те же обстоятельства, в которых оказываются представители общества, часто приводят их к диаметрально противоположным решениям и поступкам, даже к прямому и непримиримому столкновению. И хотя каждая сторона социального конфликта подводит под свою позицию функциональные резоны, дело в конечном итоге оказывается не в рациональных причинах, а в столкновении нескольких социальных идей, самодостаточных смыслов. Видимая борьба людей, вставших по разные стороны бар-

рикад, – только результат невидимой борьбы двух смысловых агрегатов за влияние.

История России даёт немало примеров социальных конфликтов, за которыми явственно прослеживается борьба идей, точнее, их соперничество за влияние на материальный и информационный уровень общественной жизни. Но, конечно, ярчайший пример – ряд революций начала 20-го века и последовавшая за ними гражданская война. В советское время за этими событиями было принято видеть проявление классовой борьбы, восстание угнетённых рабочих и крестьян. Однако «класс» – это марксистская абстракция, которая позволяет описать социальный конфликт, приведший к кровопролитной войне и смене режима, как схватку социальных групп, руководствующихся только функциональными смыслами. Например, так: «класс аристократии, капиталистов и помещиков, ради своей наживы удерживающий капитал, землю и средства производства, противостоит классу рабочих и крестьян, прозябающих в нищете». Желание получать и сохранять наживу, так же, как и желание отобрать землю и средства производства, чтобы зажить благополучно, – это функциональные смыслы.

Однако знакомство с историей революционного движения в России показывает, что с самого начала носителями идеи свержения самодержавия были отнюдь не представители «рабочего класса». Напротив, первые энтузиасты революционных идей возникли в среде студенчества и интеллектуальной аристократии, то есть в социальных группах, не являющихся угнетёнными. В первые годы 20-го века, перед началом социальных волнений, сложилась ещё более впечатляющая картина – в среде интеллигенции и аристократии революционные идеи стали почти модными, террористы-бомбисты вызывали скорее сочувствие, а не осуждение. Революционных активистов поддерживали даже крупные купцы и промышленники. Иными словами, революция

выросла отнюдь не из глубин угнетённого рабочего класса и крестьянства, а первыми революционерами и сочувствующими руководили отнюдь не функциональные смыслы.

Борьба идей, а не борьба классов стояла за русскими революциями. И мы будем использовать этот исторический пример для того, чтобы разобраться с очень важным для социального анализа явлением – с тем, как происходит борьба социальных идей, когда одна переживает нисходящую фазу, а вторая, наоборот, восходящую. Представим условные изображения жизненных циклов когнитивного следа двух различных социальных идей, парадигм. Одна теряет своё влияние на общество, другая, напротив, его приобретает. Переходное состояние состоит из двух актов:

Акт 1, инкубация. В этом акте когнитивный след идеи А находится в состоянии максимального раскрытия, насыщения. Однако параллельно, сначала тихо и медленно, начинается нарастать влияние альтернативной идеи В, начинается фрактальный рост её следа. Инкубация не быстрый процесс, так что этот акт может продолжаться длительное время. В случае русской революции он длился около 70 лет – начиная с восстания декабристов и вплоть до волны террористических актов конца 19-го века.

Акт 2, переворот. В этом акте когнитивный след идеи А начинает быстро разрушаться. Одновременно когнитивный след идеи В переживает фазу фрактальной сборки. Происходит быстрый переворот ролей. Этот акт более скоротечен, чем первый, в примере с революцией он занял 10-15 лет: примерно с событий 1905 года до перелома в гражданской войне в 1918-м.

Теперь, используя данный исторический пример, разберёмся с социальной механикой двух актов детальнее. Для этого обозначим парадигму А как «Православие и самодержавие», а парадигму В как «Прогресс и равенство». Конечно, такое определение социальных идей, противостоявших

друг другу в нашей истории, условно в действительности между собой тогда боролись не два духовно-философских мировоззрения – православие и атеизм – и не две политические доктрины – монархическое самодержавие и либерализм, а скорее сложные архетипы, крупные смысловые агрегаты, в которых принципы православия и самодержавия, так же как идеи прогресса, свободы и равенства – только частные аспекты.

Акт 1, инкубация. Середина 19-го века. Важнейшая и очень интересная особенность этого акта заключается в том, что начало развития когнитивного следа альтернативной идеи В остается практически незамеченным обществом. Фрактальный рост происходит тихо, не затрагивая основных социальных структур и институтов. След новой идеи начинает развиваться в маргинальной, периферийной части общества. И важно подчеркнуть: маргинальность, принадлежность социальной периферии зависит не от достатка, социального статуса или географического места жительства человека или социальной группы, а от степени влияния на человека или группу основополагающей социальной идеи, которая управляет обществом (у нас это идея А). Таким образом, мы говорим о когнитивной маргинальности, идейной периферии общества. В середине 19-го века в России к такой периферии принадлежало несколько социальных категорий.

Во-первых, это студенчество, которое вообще стало появляться как отдельное сословие как раз в эти времена. Во-вторых, это представители творческой интеллигенции, особенно пишущей. В-третьих, ортодоксальные еврейские семейства. Маргинальность этих групп заключалась в том, что они по разным причинам вышли из-под влияния главенствующей социальной идеи «Православие и самодержавие». Хороший пример такого маргинала даёт образ «нигилиста» Базарова в книге «Отцы и дети» Тургенева. Увлечение

идеями прогресса, рациональности и либерализма, западничества – всё это создало питательную среду, когнитивную периферию, в которой начал медленно развиваться фрактальный след новой социальной идеи. Кроме маргинальных социальных групп, в каждом обществе складываются и маргинальные сферы жизни, которые находятся под слабым влиянием главенствующей парадигмы. При этом каждый отдельный представитель социума, даже находящийся под сильным влиянием главенствующей социальной идеи, может выходить из-под её влияния, когда он оказывается вовлечённым в маргинальную сферу. Обычно маргинальными оказываются недавно возникшие сферы жизни, которые остаются не охваченными основной идеей. В России середины 19-го века такой сферой стала городская субкультура – районы поселений приехавших на заработки в город крестьян, трактиры, уличный криминальный мир. Молодой крестьянский парень, воспитанный в крепкой русской патриархальной традиции, оказываясь в этой среде, быстро выходил из-под влияния воспитания и становился уязвим для альтернативных парадигм.

На первой фазе своего развития происходит рост когнитивного следа. Это значит, что след последовательно растёт, охватывая одного индивидуума за другим. Но такой рост требует возможности контактов индивидуумов – личных или посредством прессы. Поэтому на первой фазе развития новой социальной парадигмы необходима возможность собраний и достаточной свободы прессы. Возможность непосредственных коммуникаций – критическое условие для того, чтобы маргинальные группы могли стать питательной средой для роста фрактала. Известно, что прототипы «кружков свободомыслия» стали появляться в среде аристократии ещё в начале 19-го века, во времена Пушкина. Даже в середине 19-го века маргинальные группы имели достаточные свободы для собраний и публикаций. Лишь

позже власть стала «закручивать гайки», но это было сделано с опозданием, когда ситуация клонилась ко второму акту.

Почему зарождение когнитивного следа новой парадигмы часто остаётся незамеченным или, как это случилось в российской истории, не вызывает необходимой реакции властей? Потому что, с точки зрения носителей старой парадигмы, маргинальные группы и сферы жизни – всего лишь тень, пустота, в которой не может возникнуть ничего конструктивного и серьёзного. Студенты-мечтатели, рассуждающие в подворотнях о свободе и равенстве, писатели, выпускающие пар в журналах, которые читают только такие же писатели, пьяные грузчики в грязном трактире, которые перестают следить за языком, – всё это, кажется, не может представлять никакой серьёзной опасности для вековых устоев государства. А потому лучшее решение – относиться к маргиналам спокойно, как к сумасшедшим. Никогда сумасшедшие не представляли опасности для целого общества. Нужно лишь иногда цыкать для острастки. Какая ошибка! Наученная этим опытом, советская власть крайне серьёзно относилась к своим маргиналам, но когда народ расселился по отдельным «хрущевкам» и соседи перестали следить друг за другом, борьба с маргинальными идеями свелась к засаживанию диссидентов в психбольницы, в то время как самое главное происходило на обычных кухнях, где за бутылкой водки или чашкой чая вполне лояльные советские граждане, травя невинные анекдоты про Брежнева и незлобно поругивая партию, делали разрушение советского строя неизбежным. Советская власть ловила людей-маргиналов, но совершенно упустила всепроникающую маргинальную сферу жизни – кухонный быт. Но именно в этой сфере, максимально удалённой от партийных собраний, красных уголков и бюстов Ленина, начал разрушаться

фрактальный след советской идеи – вспомним, что разрушение фрактала начинается с низших уровней.

В нынешней России явной маргинальной сферой жизни является Интернет. Именно тут – на веб-страницах, форумах и блогах – медленно растёт фрактал новой социальной идеи, которая так нужна нашей стране. И чрезвычайно характерна реакция оловластных оракулов на идеи, медленно кристаллизующиеся в российском Интернет-сообществе – «пусть болтают, пар выпускают, тешатся». Не смехотворные герои «демократической оппозиции» и даже не небритые толпы скинхедов – когнитивные маргиналы нынешней России, а рассеянные по всей стране напряжённо работающие или учащиеся равнодушные люди, у которых хватает чувства вкуса, чтобы не бегать с битами за таджиками или играть с ОМОНОм в поддавки на театрализованных демонстрациях. И Интернет – их главное место коммуникации. Неприкасаемость Интернета, которую гарантирует наша власть, – возможно, одно из самых мудрых и дальновидных её решений. Стране просто необходима такая площадка-инкубатор, в которой должна вырости новая социальная идея, потому что нынешняя главенствующая идея – прагматизм и личное обогащение – это тупик, из которого нам следует выбраться как можно скорее.

Итак, в первом акте процесса смены социальной парадигмы самое важное и интересное происходит на идейной периферии общества, в его когнитивной маргинальной области. Именно там начинает расти фрактальный след будущей главенствующей социальной идеи. Однако этот достаточно нетривиальный и практически ценный вывод всё же не даёт ориентиров, как именно находить в маргинальной тени общества ростки будущего. А это не так просто. Дело в том, что маргинальные области представляют собой подобие бурлящего котла, в котором, как пузыри, постоянно появляются и исчезают следы самых разных идей и смысло-

вых систем. Дело выглядит так, будто идеи и смыслы когнитивного уровня непрестанно борются между собой за возможность обрести влияние над свободными от давления главенствующей парадигмы областями социальной жизни. Маргинальная сфера 19-го века – студенческая среда и маргинальная сфера нынешней России – Интернет-сообщество похожи на такой котёл, поле борьбы самых разных социальных идей, между которыми было и есть только одно общее – все они отрицают текущую главенствующую парадигму своего времени. Рано или поздно, в результате закономерного ослабления текущей парадигмы, в этой среде появляется след идеи, который не растворяется как другие в сумеречном кипении, а начинает расти, привлекая деятельных последователей, обрастая материальным и информационным фрактальным телом.

Высшая планка для социального аналитика – уметь различать в кипении маргинальных идей и парадигм ту из них, которая начнёт расти и станет масштабной и неукротимой. И уметь это делать ещё во время первого акта, когда рост следа новой идеи происходит тихо, незаметно, как первые движения снега на горном склоне, предвещающие лавину. Вряд ли кто-то конкретно обладает этим умением и может дать исчерпывающий рецепт «предвосхищения лавин». Возможно, что такого рецепта не существует и вовсе. Однако существуют принципы, позволяющие хотя бы обращать взгляд туда, где развитие следующей влиятельной социальной идеи более вероятно. Поэтому вполне возможно выявить некоторые интуиции и соображения, полезные для дальнейшего анализа и обсуждения.

Во-первых, это принцип мерцающих зон. Мерцающая зона – это маргинальная область, которая является одновременно идейной периферией не одной, а двух или нескольких социальных идей или парадигм. То есть это область двойной или тройной маргинальности. Идеи и смыс-

лы как обитатели когнитивного уровня ведут себя так, будто «хотят» максимально актуализироваться, захватить как можно большие пространства социальной реальности. В благоприятных условиях след идеи увеличивается до возможных пределов. А в неблагоприятных условиях, в маргинальных областях, «борьбу за существование» ведут множество альтернативных идей и смыслов. Стремление максимально актуализироваться – такое же фундаментальное свойство когнитивных объектов, как и стремление материальных тел сохранять состояние покоя или прямолинейного движения или «желание» информации свободно распространяться. Как нужны специальные усилия, чтобы вывести гирю из состояния неподвижности, также нужны и специальные усилия, чтобы ограничить распространение информации.

Сложно однозначно ответить, почему материальное тело «хочет» сохранять покой. Не приходит в голову думать, что материальное тело имеет свои желания, что оно лениво и поэтому любит покой. Точно также не следует думать, что за стремлением когнитивных объектов к максимальной актуализации, за их борьбой за возможность воплощения стоит их эгоизм, властолюбие или что-то подобное. Они ведут себя так просто потому, что так устроен мир, и вовсе не обязательно думать, что идеи или смысловые агрегаты когнитивного уровня – наделённые сознанием квазисущества, стремящиеся захватить власть над социальной реальностью. Это важно подчеркнуть, потому что довольно легко впасть в анимизм и оккультизм и начать рассуждать о когнитивном уровне как о месте обитания «духов» и «эгрегоров». Необходимо предостеречь от этой ошибки, которую совершили многие тонкие мыслители и наблюдатели. Дело ведь не в том, что когнитивный уровень не содержит наделённых сознанием организмов, а в том, что если мы начинаем относиться к когнитивному уровню как к миру духов, тотемов

или каких-то полуразумных эгрегоров, нам естественно вступать в общение с ними – действительно, ведь это лучший способ узнать об их «намерениях». И так социальный и когнитивный анализ превращается в магию – интеллектуальный тупик для исследователя.

Как бы то ни было, «эгоизм» и «властолюбие» социальных идей приводит к тому, что социальная реальность выглядит как лоскутное одеяло, лоскуты в котором – это развёрнутые следы тех или иных активных социальных идей и парадигм. При этом стремление захватить как можно большие пространства социальной реальности заставляет эти следы тесниться, смыкаться между собой вплотную. Таким образом, маргинальные области сужаются, словно промежутки открытого неба между кронами деревьев в густом лесу. Деревья в лесу стремятся захватить максимум солнечного света, а идеи и смыслы – получить максимальную долю коллективного осознания или, говоря иначе, захватить максимум коллективного внимания.

Обратимся к нашему историческому примеру. Ранее, несколько упрощая дело, было отмечено, что русские революции были вызваны борьбой смысловых агрегатов, связанных с православием и самодержавием, с одной стороны, и с равенством, рациональностью и либерализмом – с другой (мы обозначили эти агрегаты как А и В). Но в действительности русский перелом начала 20-го века не был либеральным, хотя первая волна потрясений 1905-го года и привела к либеральной реформе и учреждению российского парламента. Тогда это был ещё не переворот, а прелюдия к нему – уступающая свои позиции господствующая парадигма самодержавия была на короткое время и только в узком социальном сегменте публичной политики вытеснена парадигмой либерализма, которая соперничала с ней долгое время (вспомним обширную и длительную общественную дискуссию 19-го века между «западниками» и «славянофи-

лами»). Затем наступила реакция, когда самодержавная власть вновь стала наступать на либерализм, потом началась реакция на реакцию и т.д. Так Россия вплоть до 1917 года болталась в мерцающей зоне между двумя взаимно друг друга ослабляющими и разрушающими социальными идеями, создав исключительно удобные условия для стремительной фрактальной сборки следа новой парадигмы – коммунизма.

При этом очень поучительно, как эта идея нашла для себя в России благоприятнейшие условия в мерцающей зоне именно между парадигмой христианской монархии и рационального либерализма. В некотором смысле, коммунизм сочетает в себе черты и той и другой парадигмы, но является в то же время чем-то уникальным. У западного либерализма и рациональности коммунизм позаимствовал атеизм и веру в возможность рациональной организации социальной жизни, а у христианских и монархических смысловых систем – отказ от стремления к личному обогащению, оправдание активной борьбы за лучший общественный строй, в котором бы царствовал не один монарх, а целый «рабочий класс». Таким образом, длительная мерцающая зона между агрегатами А и В, существовавшая в России весь 19-й век, стала отличным инкубатором для коммунистической идеи. Первые очевидные её следы стали распространяться в среде студенчества и разночинцев в конце 19-го века. А вскоре, когда для этого созрели условия, она полностью захватила власть над обществом.

Может ли этот исторический пример помочь понять наше время? Маргинальной сферой нынешнего российского общества является Интернет, который не стоит отождествлять с «блогосферой» – узкой и специфической частью российского Интернет-сообщества. Но является ли он мерцающей зоной? Или зададим вопрос иначе: какие области российского Интернет-пространства являются мерцающими

зонами, то есть лежат на стыке областей влияния нескольких крупных социальных идей? Вспомним историю: мерцающая зона, вскормившая русскую революцию, находилась между двумя идейными агрегатами, столкновение между которыми сопровождалось публичным мягким противостоянием славянофилов и западников. Теперь взглянем на нынешнее Интернет-сообщество – можем ли мы выделить мягкое и длительное противостояние подобного рода?

Характерной и повторяющейся по любому поводу темой в российских Интернет-блогах и форумах является спор между теми, кто оценивает будущее нашей страны крайне пессимистично, и теми, кто настроен со сдержанным оптимизмом. И с той и с другой стороны приводятся различные доводы, по-разному оценивается роль нынешней власти, различается отношение к советскому прошлому. Однако все эти частности второстепенны, и два противостоящих лагеря в первую очередь характеризуются своими разными социальными ожиданиями. Попробуем точнее описать эти группы и показать, что за каждой из них стоит определенный идейный агрегат.

Прежде всего, зададимся вопросом: что объединяет тех, кто смотрит на будущее России пессимистично? Их объединяет рациональность. Эти люди рациональны и высчитывают будущее аналитически, исходя из текущих тенденций. И с этими людьми трудно спорить: почти по всем разумным и аналитическим основаниям будущее нашей страны печально. Приводится характерный и повторяющийся ряд «убийственных» доводов (которые одновременно являются упреками нынешней и прошлой власти, самому народу): развал науки и образования, никудышняя медицина, демографическая проблема, отупляющая и развращающая массовая культура, хищный Китай, уезжающие таланты, спивающаяся деревня, ветшающие производства и ЖКХ, ржавеющие танки и боеголовки, наступающая наркомания, за-

хлестывающая коррупция и чиновники, думающие только о своем кармане и т.д. и т.п. Обозначим эту группу как рационалы-пессимисты. К слову, так называемая «блогосфера» по большей части наполнена именно этой категорией людей. А что объединяет людей, которые глядят на будущее России с оптимизмом? Они иррациональны. Их характерный довод пессимистам: «Ничего, бывали времена и похуже, а только сильнее становились. «Умом Россию не понять, в Россию можно только верить». Назовём эту группу иррационалами-оптимистами. В мерцающей зоне между двух альтернативных смысловых агрегатов, один из которых управляет рационалами-пессимистами, а второй – иррационалами-оптимистами, и зарождается новая социальная парадигма нашей страны.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ДУХОВНОСТИ ОБЩЕСТВА

Лазуткин А.П.

Анализ политической составляющей марксизма заслуживает особого внимания, поскольку политические устремления основоположников марксизма, опирающихся на доступный им институциональный инструментарий, противоречили некоторым ключевым социально-философским положениям, обоснованным в их же произведениях. Интерес К. Маркса к развитию акционерных предприятий не мог отвести его от убеждённости в том, что государства, находящиеся в 19 веке на позиции доминирующих социальных институтов, являются единственной регулятивной надстройкой, захват которой пролетариатом позволит совершить необходимые революционные преобразования по всему миру. Для осуществления всемирных коммунистических преобразований капиталистического строя с помощью государственного аппарата, по логике К. Маркса, требовалось лишь предварительное изменение буржуазной сущности национального государства. Такая логика была вполне оправдана тем, что в середине 19 века сообщества предпринимателей, объединяемых акционерным капиталом, ещё не вышли за рамки пространства, контролируемого старыми институциональными формами, вершиной развития которых выступало государство. Ни акционерный капитал, ни образуемые им формы трудовой кооперации не достигли ещё того «всемирно-исторического масштаба», который позволял бы аргументированно говорить об «объединении пролетариев всех стран» на какой-либо иной институциональной платформе, кроме государственной.

Основоположники марксизма считали, что государство самоупразднится, «заснёт» в ходе самопроизвольного «одноактного» «разрешения конфликта между пролетариатом и буржуазией»⁴: «первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества – является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно отмирает»⁵.

Для того чтобы изменение буржуазной сущности национального государства стало возможным, пролетарская революция должна была произойти во всех промышленно развитых странах одновременно. По замыслу К. Маркса, реализацию такой возможности мог обеспечить специально созданный интернациональный штаб, координирующий и синхронизирующий работу национальных пролетарских вождей, подготавливающих мировую революцию. В сентябре 1864 года К. Маркс приступил к воплощению своего масштабного замысла, став руководителем Первого Интернационала (Международного товарищества рабочих).

Многие члены Интернационала весьма скептически отнеслись к тому, чтобы «использовать государственный механизм для установления социализма»⁶ – не каждый мог уверовать в то, что после захвата государственной власти

⁴ Внешняя политика русского царизма. Т. 22. С. 50.

⁵ Энгельс. Анти-Дюринг. Т. 20. С.292.

⁶ Неттлау М. Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам. Детройт: Профсоюз г. Детройта, 1951. С. 83.

придётся недолго ждать, когда государство «само собой за-снёт» и «отменится». Настораживал и тот факт, что никто из Международного товарищества рабочих, включая К. Маркса, не имел даже отдалённого представления о том, как именно «водители пролетарской революции» разом очистят все национальные государства от пороков капитализма. Сторонникам К. Маркса казалось достаточным исходить из того, «что всякое политическое действие пролетариата блокируется администрацией, рекрутированной из среды буржуазии. Администрация, согласно взглядам марксистов, носит классовый характер, и решением проблем должна быть демократизация её состава»⁷.

О формах и процедурах очистки национального государства от «буржуазной скверны», К. Маркс не задумывался, рассчитывая на то, что после революционно-пролетарского захвата государственной власти «признанными представителями рабочего класса» на все организационные вопросы ответит «живое творчество масс». По этому поводу В.И. Ленин в своей работе «Государство и революция» отмечает, что после 1851г., когда К. Маркс пришёл к выводу о необходимости слома старой государственной машины, он, вплоть до 1871г., оставлял открытым вопрос о том, чем заменить разбитую буржуазную государственную машину. Ответа на этот вопрос Маркс ждал от опыта массового движения пролетариата.

После того как в 1871 г. в обстановке социальных потрясений, вызванных проигранной войной с Пруссией, рабочие французской столицы установили в ней свою власть, они действительно приобрели кое-какой опыт. Этот опыт, накопленный за десять недель существования Парижской

⁷ Эллиуль Ж. Политическая иллюзия: пер. с фр. В.В. Лазарева. М.: NOTA BENE Media Trade Co. 2003. С. 314–315.

Коммуны, сводился к необоснованным попыткам организовать полную выборность и сменяемость всех должностных лиц, всех без исключения чиновников, ограничивая при этом их плату за общественную службу заработной платой среднего рабочего.

Впоследствии Маркс и его последователи часто апеллировали к десятинедельному опыту Парижской Коммуны, фактически придавая ему сакральный смысл и связывая возможность свершения мировой коммунистической революции с захватом государственной власти, однако для лидеров Международного Товарищества Рабочих такие апелляции не были убедительными настолько, чтобы и далее продолжать революционную деятельность совместно. «Вследствие нетерпеливого желания Маркса увенчать организованный социализм своей собственной программой, – пишет анархистский историк М. Неттлау, – и в силу того, что война 1870-1871 годов вызвала раздоры среди народов Европы и привела к обострению социальной борьбы во время Парижской Коммуны 1871 года, с её славным подъёмом и жестоким уничтожением, – при всех этих условиях раскол социалистического фронта в 1864-1869 годах был ускорен, и полное разделение на два фланга последовало в 1872 году»⁸.

Вопреки практической несостоятельности проекта Первого Интернационала, масштабность замысла К. Маркса вдохновила его многочисленных последователей, считавших, что этот опыт «заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал»⁹.

⁸ Неттлау М. Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам. Детройт: Профсоюз г. Детройта, 1951. С. 258.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5 изд. Т. 38. С. 302.

Отчасти руководствуясь логикой К. Маркса, большевики предпочитали не замечать разницы между капиталом, полученным в наследство, и акционерным капиталом. Установив в Российской империи авторитарную власть, большевики с огромным энтузиазмом «чистили государство от буржуазной скверны». Мелкая национальная буржуазия, хозяйствующая на основе унаследованного капитала, причислялась к источникам «скверны» с не меньшим энтузиазмом, чем «хозяева» монополизированного акционерного капитала. Сам факт частного владения средствами производства, вне зависимости от того, как это владение возникало и осуществлялось, представлялся большевистской власти источником кризисов и капиталистического «загнивания». Поэтому под нажимом пропагандистских и репрессивно-карательных органов советского государства частная собственность была уничтожена.

Философия большевизма шла вразрез с основными принципами исторического материализма. Согласно этим принципам, впервые обоснованным К. Марксом, революционные преобразования капиталистического строя с помощью буржуазного государства были возможны ровно настолько, насколько возможным было, например, предводителю крупного восстания рабов, захватившего императорский трон, с помощью императорской власти и патримониальной бюрократии осуществить провозглашённую им замену рабовладельческого строя капиталистическим.

Кардинально расходились большевики и с основными положениями марксистско-гегелевской диалектики. Установление государственной диктатуры пролетариата, позволившее осуществить «взятие во владение средств производства от имени общества», не имело ничего общего с таким диалектическим понятием, как снятие частной собственности. Вместо снятия (исторического упразднения) частной собственности в России произошло законодательное запре-

щение всех её форм. Запрещена была не только та частная собственность, которая развивалась на базе акционерного капитала (перевод этой формы собственности под юрисдикцию государства ещё можно было принять за попытку разрешить основное противоречие капитализма); запрещена была и та частная собственность, которая развивалась на основе наследуемого имущества. Кстати, ещё одним логическим «кульбитом» большевистской власти в сторону от марксистско-гегелевской диалектики стало сохранение в советском законодательстве права наследования, исчезновение которого, по идее К. Маркса, должно было стать «естественным результатом того социального переустройства, которое упразднит частную собственность на средства производства»¹⁰.

Несмотря на расхождение большевистских принципов с принципами исторического материализма и диалектической логики, большевистский волюнтаризм всё же вполне соответствовал политическому кредо К. Маркса и его представлениям о государстве как о нейтральном механизме управления, функционирующем примерно так же просто, как современная почта. Постулировав вслед за К.Марксом слом старой буржуазной государственной машины и её замену новой – социалистической, большевики «пытались реализовать теоретический постулат о «нейтральности» административной власти. При этом предполагалось, что именно это её качество даёт возможность быстрого переустройства на основе новой «политической формулы». Однако история со зловещей иронией доказала, что «намерения административного персонала, набранного из народной и пролетарской среды, меняются сразу же, как только ему предоставляется хоть немного власти; он становится таким же, если не более, формальным и бюрократическим, как и персонал, рек-

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. Ч. 1. С. 337.
А.П. Азуткин

рутированный из любой другой среды. ... Нельзя ожидать абсолютно никаких изменений в бюрократическом государстве в результате изменений персонала. Персонал абсорбируется машиной и преобразуется структурой, в которую он входит»¹¹. «Результатом многолетней борьбы с бюрократизмом в новой Советской России стало подлинное торжество бюрократии и построение крепкого бюрократического государства»¹².

Общее соответствие политики большевиков политическому кредо К. Маркса оправдывало в дальнейшем значительную часть смысловых искажений всего теоретического наследия основоположников марксизма – марксизм, подвергнутый соответствующим интерпретациям сначала в русле ленинизма, затем в русле сталинизма, со временем становился всё более бюрократизированным и легко приспособлялся к политике всякого национального государства. При этом уровень промышленного развития страны в расчёт можно было не принимать.

В эпоху И.В. Сталина марксизм был выхолощен до самого своего основания, идея мировой революции окончательно утратила статус главной практической задачи. В «марксистской» литературе сталинской и послесталинской эпохи мало, неохотно и невнятно говорилось о том, что «освобождение труда – не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество»¹³. Мировая пролетарская революция трактовалась советскими «коммунистами» как

¹¹ Эллюль Ж. Политическая иллюзия: пер. с фр. В.В. Лазарева. М.: NOTA BENE Media Trade Co. 2003. С. 315–316.

¹² Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. В. Н. Шевченко]. М.: ИФ РАН, 2008. С. 42.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16. С. 12.

длительный многоэтапный процесс, в ходе которого социалистическая идеология составит общую для всех духовную основу и на базе русского языка произойдёт синтез культур, сложится единая «социалистическая» культура и «новая историческая общность – советский народ». Такая трактовка позволяла оправдать империалистические принципы построения государства, ставшего самоцелью.

Россия стала первой жертвой пагубного исторического парадокса – несмотря на декларируемую приверженность принципу детерминации общественного сознания общественным бытием, изменение политической составляющей общественной системы Российской империи стало происходить раньше, чем были созданы предпосылки смены характера других сторон общественных отношений. Государство – этот главный институт, поддерживающий право наследования и прочие патриархально-местнические устои, ставшие в эпоху индустриализации препятствием для инновационного развития производительных сил – было использовано в качестве главного инструмента пролетарской мировой революции.

Большевистское обличие буржуазных распорядителей акционерного капитала. Для определения эффективности государствоцентристского разрешения основного капиталистического противоречия между общественным характером производства и частной (частнокапиталистической) формой присвоения результатов производства уместно сопоставить советское государство с крупным акционерным обществом открытого типа. В таком сопоставлении советское государство легче всего представить неким крупным акционерным обществом, в котором распорядители «акционерного» капитала – государственные чиновники – насильственно ограничивают «акционеров» в их возможностях распространять информацию, передвигаться за границу определённой территории, а также самостоятельно, на свой страх и риск,

управлять своей собственностью. Для столь специфического акционерного предприятия, каким оказался Советский Союз, законодательное запрещение всех форм частной собственности как основы свободного предпринимательства стало необходимым прикрытием изначальной абсурдности ограничений, создающих положение, в котором «хвост виляет собакой».

Практика «социалистического» хозяйствования, основанная на уничтожении советской властью частной собственности и свободы предпринимательства как исторически сложившихся источников инноваций, была подкреплена культивированием псевдорелигиозного фанатизма и усилением репрессивно-карательных функций «социалистического» госаппарата. В этих условиях чиновники Госплана и Госснаба, выступавшие в роли распорядителей общественного капитала, не были заинтересованы в поддержании инноваций. Они всячески старались оградить себя от риска и сопряжённых с ним ошибок, которые могли быть приравнены к вредительству, предпочитая ориентировать развитие страны на наиболее удачные и прошедшие апробацию технологические решения Запада.

Выбранный пролетарским чиновничеством догоняющий тип развития приводил к безнадёжному запаздыванию в воспроизводстве отраслевого баланса передовых капиталистических хозяйств. Надежды на преодоление запаздывания не было. В капиталистической экономике, развивающейся с опорой на открытые акционерные предприятия, происходило постоянное (хоть и стихийно-кризисное) обновление основных фондов. В советской же экономике, развивающейся с опорой на государственные предприятия, основные фонды в структуре индустриального способа производства создавались единовременно, как правило, на базе той или иной импортной инновационной технологии, волевым решением государственного чиновника и затем амор-

тизировались в течение 10-50 лет до полного износа. В это время технология практически не обновлялась и существенная часть перспективных научно-инженерных замыслов оставалась невостребованной. Буржуазный мир развивался с постоянно возрастающим опережением «социалистического лагеря» в области инновационных технологий, в то время как «социалистическая» экономика порождала в своём отставании всё больше бесполезного, низкоквалифицированного, непроизводительного труда, обостря хронический дефицит товаров и услуг, доступных западному потребителю.

Руководители «социалистической» экономики, не имеющие юридического права на частное владение средствами производства, по характеру своей деятельности были ничем не лучше буржуазных «промышленных королей, власть которых находится в обратном отношении к их ответственности»¹⁴. По влиянию же результатов своей деятельности на личность, общество, экосистему «социалистические» распорядители «акционерного» («народного») капитала зачастую были, пожалуй, даже хуже. «Крупная промышленность, освобожденная от оков частной собственности»¹⁵, оказалась в оковах чиновничьего произвола, массовой безынициативности и тотальной бесхозяйственности, и, находясь в этих оковах, «социалистические» директора государственных предприятий воспроизводили основное противоречие капитализма в масштабах не меньших, чем «буржуазные» менеджеры крупных акционерных предприятий.

Буржуазные отношения, которые ещё во времена К. Маркса «стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство»¹⁶, так и не перешли на более высокую

¹⁴ Т.12. С. 34.

¹⁵ Т. 4. С. 334–335.

¹⁶ Т. 4. С. 430.

стадию своего развития. «Пробуждающееся понимание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы»¹⁷, так и осталось законсервированным в стадии частичного пробуждения. Причиной тому во многом стала «Великая Октябрьская социалистическая революция» 1917 года. Знаменательное историческое событие, превратившее Российскую империю в своеобразное авторитарное акционерное общество, надолго отодвинуло осуществление возможности глобального революционного изменения буржуазной контрольно-регулятивной системы. Иными словами, мировую революцию остановила большевистская контрреволюция, воплощённая в деспотическом режиме, описываемом одним из главных героев «Великого Октября» понятием «бюрократического абсолютизма» и установившемся с конца 20-х годов на огромной территории под названием «Союз Советских Социалистических Республик».

Набрав силу и жестоко искореняя «буржуазные пережитки» в границах отдельно взятой страны, этот контрреволюционный псевдосоциалистический режим стал преподносить себя как самую прогрессивную в мире модель общественного развития. Прогрессивность государственно-социалистического режима усматривалась его апологетами в том, что источаемая режимом идеология консолидировала мировое рабочее движение, придавая максимальную эффективность парламентским формам классовой борьбы – борьбы против эксплуатации труда капиталом. Действительно, следует признать, что в условиях блокового противостояния капитализма и псевдосоциализма «капиталу, страдавшему от злоупотреблений свободой, которая сделала возможным его появление, пришлось заняться своей дисциплиной. Соз-

¹⁷ Энгельс. Анти-Дюринг. Т. 20. С. 278.

давались картели, трасты, синдикаты производителей, а государства, сознавая, что нельзя оставлять работодателей и работников наедине с анархией, разработали социальное законодательство»¹⁸. Идеологическая мобилизация капитализма, провоцируемая руководителями «социалистических» государств, удерживала эффективность буржуазных «общественных установлений» на предельно высоком для них уровне. В условиях частной собственности, политического плюрализма, свободы слова буржуазия не могла полностью закрыться от общественной критики, инициируемой большевистскими пропагандистами, и должна была, страшась передачи всего капитала нации в распоряжение государственных чиновников, постоянно совершенствовать свои навыки в деле регулирования хозяйственной жизни.

По сути, советские управляющие общественным (народным) капиталом отличались от своих буржуазных коллег, управляющих общественным (акционерным) капиталом, только тем, что в условиях запрета частной собственности выполняли свою работу на правах лиц, имеющих возможность легально применять насилие. Буржуазные распорядители акционерного капитала не имели такой соблазнительной и одновременно такой развращающей возможности. Они не могли безнаказанно терроризировать своих акционеров так, как это делалось в отношении советских граждан, а потому вынуждены были совершенствовать свои управленческие навыки интенсивнее, чем это делали их советские коллеги.

Псевдокоммунистические ориентиры рабочего движения продолжает действовать. Рабочему движению «социалистических» стран, вооружённому государствоцентрист-

¹⁸ **Арриги Джованни.** Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006. С. 315.

скими идеями, не удалось ни на шаг приблизиться к разрешению главного противоречия капитализма. Более того, ложная, основанная на концепции национализации капитала перспектива коммунистических преобразований, намеченная советскими идеологами, до конца 80-х годов 20 века сдерживала «интернациональный характер капиталистического режима»¹⁹. Всё это время контрреволюционный псевдосоциалистический режим был не только инструментом укрепления капиталистического строя, но и главным инструментом удушения революционной энергии рабочих всего мира. «Ленинизм сковал разум многих более или менее честных революционеров, которые с его помощью надеялись добиться успеха. Считая себя «авангардом» и обладателями «сознания» (в то время как они владели всего лишь ложными теориями), они судорожно боролись за слияние двух метафизических монстров – «лишённого теории» «стихийного рабочего движения» и нематериального «социалистического сознания»»²⁰.

Контрреволюционное удушение революционной энергии рабочего класса было начато в самые первые месяцы советской власти. Уже на 1-ом Всероссийском съезде профсоюзов (7-14 января 1918 года) было решено превратить все выборные органы рабочих и служащих, объединённые системой фабрично-заводских комитетов, в низовые структуры огосударствляемых профсоюзов. Вслед за этим, спустя всего несколько дней (22-28 января 1918 года), 6-я городская конференция ФЗК Петрограда выступила с инициативой

¹⁹ Маркс К. Капитал. Т. 1. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. С. 772.

²⁰ См.: Барро Ж. «Ренегат Каутский» и его ученик Ленин // Сайт Конфедерации революционных анархо-синдикалистов: [Библиотека] <http://www.aitrus.narod.ru/barro.htm>

ропуска ЦС ФЗК21. Тогда же, сначала в Петросовете, а потом и по всей стране, стал запрещаться отзыв рабочими своих делегатов. В короткое время «пролетарским» государством были раздавлены все ростки рабочего самоуправления, пробившиеся во время русской революции 1905-1907гг.

Массовое недовольство в среде рабочих и крестьян, вызванное действиями новых распорядителей общественным (в масштабе нации) капиталом, жестоко подавлялось с помощью органов внесудебной расправы и карательных войск. Волна восстаний и мятежей против контрреволюционных действий большевистских лидеров, стремящихся установить монополию на политическую власть в России, была окончательно остановлена 18 марта 1921 года, как раз в годовщину провозглашения Парижской Коммуны. В этот день по решению Десятого съезда РКП(б) был наконец захвачен залитый кровью Кронштадт, отчаянно выступивший против большевистской партийно-государственной монополии, которая за три революционных года успела уничтожить свободно избранные советы трудящихся и предать идеалы мировой социалистической революции.

На том же Десятом съезде РКП(б), для того, чтобы сбить накал недовольства большевистскими методами руководства, было объявлено о начале Новой экономической политики. Период НЭПа был использован как короткая передышка для того, чтобы партийно-государственная номенклатура «советского» государства могла со свежими силами приступить к установлению такого режима, при котором никто бы более не посмел отстаивать идею о том, что

²¹ Чураков Д.О. Конфликт между производственной и профессиональной формой самоуправления рабочих в 1917-1918гг.: фабзавкомы и профсоюзы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002.

Советы должны иметь право распоряжаться всем общественным капиталом в интернациональных интересах всего общества.

После того как основные принципы советского управления (принцип ступенчатости выборов через трудовые коллективы, сменяемости делегатов и т.д.) окончательно утратили свою действенность, задача «уничтожения непроизводительной и вредоносной работы государственных паразитов»²² стала для государственно организованного пролетариата непосильной. Зато руководству СССР в ходе такой «непроизводительной и вредоносной работы» удалось несколько десятилетий удерживать «с неудержимой силой прорывающееся наружу противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением»²³ и не давать главному капиталистическому противоречию разрешиться мировой социалистической революцией. Революционная энергия трудящихся всего мира была скована политизированным и выхолощенным марксизмом. Целью коммунистических преобразований выставлялся отныне не надлежащий контроль над распорядителями акционерного капитала со стороны работников-акционеров и прочих возможных «ссудодателей», а перевод крупных предприятий (не только акционерных (частно-групповых), но и унаследованных (частно-индивидуальных)) в монопольное ведение государственных чиновников, имеющих возможность легального применения насилия.

С точки зрения перспектив разрешения основного противоречия капитализма, «социалистическая» экономика не имела существенных отличий от экономики буржуазной. Псевдосоциалистическая экономическая система развива-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17. Изд. 2-е. С. 553.

²³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Т. 20. С. 287.

лась в том же направлении, которого придерживался в странах Запада акционерный капитал, образующий в процессе своего укрупнения и монополизации новые социальные структуры технократического и бюрократического типа. По словам Ж. Барро, «ленинизм, вырванный из своего первоначального контекста, выступил всего лишь средством подчинения масс, идеологией, узаконивающей бюрократию и сохраняющей капитализм: его осуществление было исторически необходимым для развития новых социальных структур, которые, в свою очередь, исторически необходимы для развития капитала. Когда капитализм распространился на всю планету и установил над ней своё господство, условия для революции созрели. Дни ленинистской идеологии были сочтены»²⁴.

Активная пропаганда «ленинистской» модели общественных преобразований была полезна в той своей части, которая оказывала дисциплинирующее воздействие на развитие индивидуализированного капитализма старого, классического образца, удерживая «капиталистический дух» индивидуальных предпринимателей в жёстких дисциплинарных рамках государства. Однако пользы от такой дисциплины было тем меньше, чем больше буржуазное государство отрывалось от живых семейно-общественных связей и чем больше оно ориентировалось на обслуживание гигантских индустриальных комплексов, функционирующих в режиме бюрократистической централизации и подпитываемых монополизированным акционерным капиталом.

Ленинистская идеология становилась всё более бесполезной и бессмысленной в условиях «бюрократистической централизации», производной от «огромной величины хо-

²⁴ Барро Ж. «Ренегат Каутский» и его ученик Ленин // Сайт Конфедерации революционных анархо-синдикалистов: [Библиотека]
<http://www.aitrus.narod.ru/barro.htm>

зяйственных тел, делающей невозможным непосредственно личное наблюдение»²⁵. «Советские» пропагандисты старались не замечать, что и без их активного участия «капиталистический дух» обречён на то, чтобы в скором времени иссякнуть под давлением «картелей, во главе которых стоят не предприниматели, а чиновники»²⁶, и что бороться надо как раз против этого опасного давления. В этой связи они ничего не предпринимали против «вступившей в действие силы, которая вызывает к жизни чрезмерную, прямо расточительную массу крупных предприятий в форме акционерных обществ»²⁷. Коммунистическая партия и советские профсоюзы защищали работника от и так слабого «капиталиста» и никоим образом не защищали его от растущей армии государственных чиновников и «промышленных королей», безответственно распоряжающихся капиталом общества.

До определённого времени было принято не принимать в расчёт того, что «капиталисты, эти извечные враги социалистов», также оказываются отстранёнными от власти. Большинство социалистов продолжало рассуждать по старинке, не считаясь с реальностью. Они не видели либо не хотели признать, что капиталисты точно так же отстранены от власти. Капитализм, мол, остается капитализмом. Но нарастала озабоченность по поводу того, как мало изменений приносит национализация отрасли. «Если бы вдумчивый

²⁵ Бухарин Н.И. Теория «организованной бесхозяйственности» // «Организованный капитализм» – дискуссия в Комкадемии. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1930. С. 190.

²⁶ См.: Гольдштейн Ю. «Организованный капитализм» и буржуазные экономисты // «Организованный капитализм» – дискуссия в Комкадемии. – М.: Издательство Коммунистической Академии, 1930. С. 23.

²⁷ Цит. по: Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Евреи и хозяйственная жизнь / Пер. с нем. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 544

наблюдатель с Марса или Венеры мог посетить Землю и обследовать все крупные современные промышленные концерны – государственные и частные – в качестве действующих предприятий, то, как мне кажется, он отметил бы лишь их поразительное сходство». Независимо от того, идет ли речь о государственной или о частной собственности, техноструктура обладает сходными полномочиями и использует одинаковые групповые методы для принятия решений. Неудивительно поэтому, что она во многом схожа»²⁸.

Сила, сосредоточившаяся в «экономических формах очиновниченного хозяйства» (Г. Бенте) и приобретшая вид «организованной бесхозяйственности» (он же), была хорошо известна большевистским лидерам, ведь ею были воплощены в реальность все «социалистические» предприятия. Хорошо известно было и то, что действие этой силы намного опаснее действий частного предпринимателя, пытающегося посредством эксплуатации наёмного труда компенсировать праздное расточение унаследованного им капитала. Опасность этой новой силы, возрастающей по мере того как происходило «обезличение предприятия (акционерная форма, большая свобода перемещения капитала через куплю-продажу акций, отделение предприятия от лица, допускающее возможность известной рациональной децентрализации)»²⁹, ясно характеризует приводимый далее отрывок из статьи «любимца всей партии» Н.И. Бухарина. Этот отрывок отчётливо указывает также на отсутствие принципиальной разницы между государственным социа-

²⁸ См.: Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж. К. Гэлбрейт. М.: Эксмо, 2008. С. 105–106.

²⁹ Бухарин Н.И. Теория «организованной бесхозяйственности» // «Организованный капитализм» – дискуссия в комакадемии. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1930. С. 192.

лизмом и коллективно-хозяйственным капитализмом, а значит и на бессмысленность «советской» пропаганды, направленной на критику последнего.

«Борьба против «капиталистов» как владельцев капитала становится бессмысленной в той мере, в какой капитал становится составной частью обезличенного совокупного аппарата, а доход капиталиста в огромнейшей своей части вновь инвестируется. Ибо тогда народно-хозяйственное значение заключается в том, как производительно применять капитал; благодаря этому частное владение и общественное владение становится на одинаковую ступень. Под флагом обоих титулов владения возможно как хозяйственное, так и бесхозяйственное применение: в этом отношении правовое регулирование не даёт никому привилегии. В целом вредное с народно-хозяйственной точки зрения расточение, которое может производить капиталист благодаря своему личному потреблению, – как бы он ни стремился к наслаждениям и какому бы мотовству ни предавался – во всяком случае, почти совершенно не идёт в счёт по сравнению с тем расточительством, которое ежедневно производится самыми честными, самыми добросовестными, но поставленными не на то место чиновниками и хозяйственниками, которые сами бесхозяйственно работают и заставляют так же бесхозяйственно работать других. Таким образом, классовая борьба – это «малость» по сравнению с борьбой против расточительности и бесхозяйственности»³⁰. В обществе, где «обезличенный совокупный аппарат» направляет огромные концентрированные потоки инвестиций без согласования с разрозненной совокупностью безответственных, не связанных друг с другом собственников-

³⁰ «Организованный капитализм» – дискуссия в комакадемии. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1930. С. 193–194.

акционеро́в, «именно защита субъекта, в его личности и в его культуре, против логики аппаратов и рынков, заменяет идею классовой борьбы»³¹.

Марксистско-ленинская идея применения государственного аппарата для осуществления коммунистических преобразований подверглась полной девальвации не столько из-за бесхозяйственности государственных чиновников, распоряжающихся общественным (народным) капиталом и трудом, сколько из-за естественноисторического разрушения государственного фундамента вследствие глобальной интеграции акционерного капитала.

Ещё накануне Первой мировой войны акционерный капитал, освобождающийся от тесной для него оболочки суверенного государства-нации, стал приобретать в своём развитии новую институциональную оболочку, с неизбежностью упраздняющую как традиционные буржуазные государства, так и буржуазно-феодальные государства, провозгласившие себя «странами победившего социализма». Для того чтобы новая институциональная оболочка, обеспечивающая внегосударственное, свободное развитие акционерного капитала, могла целиком и полностью охватить собой прежнюю систему межгосударственного взаимодействия, практика акционерного финансирования должна была всего лишь выработать дополнительный (по отношению к промышленно-торговому векселю и возникшим в 17 веке фондовым биржам) инструмент инвестирования. Этот инструмент должен был позволить консолидировать инвестиции отдельных акционеров (разбросанных по всему миру и большей частью неискущённых в макроэкономических вопросах) и направлять консолидированные инвестиционные

³¹ Цит. по: Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс ; пер. с англ. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 44.

потоки на прямое кредитование предприятий, наиболее перспективных с точки зрения развития мирохозяйственной системы в целом. Подходящий для таких задач инструмент инвестирования появился на рубеже 19-20 веков, когда многонациональные депозитно-инвестиционные банки стали выпускать собственные акции для покупки акций предприятий. С этого времени каждый крупный банк-акционер «отнимает у биржи часть её функций и сам становится рынком для ценных бумаг»³², «всё более превращая биржу в своё зависимое орудие и по своему собственному усмотрению направляя её движение»³³. «Благодаря скоплению больших капиталов в колоссальных акционерных банках, естественно, значительно расширился операционный базис, на который уже могло опираться создание новых предприятий»³⁴.

«Появление новой техники банковского дела – «смешанных» депозитно-инвестиционных банков, работающих на основе долевого участия в капитале и управлении предприятиями новейших и базисных отраслей промышленности, дало толчок монополистической концентрации производства»³⁵, позволившей увеличить масштабы предпринимательских проектов, не обеспеченных наследуемым капи-

³² Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма./ Пер. с нем. И. Степанова. М.: Государственное издательство, 1924. С. 165.

³³ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма./ Пер. с нем. И. Степанова. М.: Государственное издательство, 1924. С. 165.

³⁴ Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Евреи и хозяйственная жизнь / пер. с нем. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 548

³⁵ Западноевропейские страны: Особенности социально-экономических моделей: [Монография / А. В. Авилова [и др.]; гл.ред.: В. П. Гутник; РАН, Институт мировой экономики и международных отношений (М.). М.: Наука, 2002. 270, [1] с. С. 24.

талом или его залоговой стоимостью, до транснационального (глобального) уровня. Бюрократические структуры банков и банковских синдикатов научились упорядочивать биржевые потоки, задавая единое направление поведению огромной массы акционеров, принимающих «самостоятельные» инвестиционные решения. Банковская бюрократия получила возможность не только контролировать биржевой хаос, но и моделировать его в целях извлечения огромных спекулятивных прибылей.

Если бы эти новые инвестиционные инструменты находились в руках акционеров, непосредственно вовлечённых в процесс производительного труда, нетрудовые доходы банковской бюрократии, участвующей в распоряжении акционерным капиталом, были бы невозможны. Однако формирование такой системы представительства, которая бы сделала возможным неотчуждаемый контроль со стороны акционеров-работников над всеми распорядителями акционерного капитала, представлялось более трудной задачей, чем национализация всех капиталов и удушение застаревше-государственной институциональной оболочки всех частных экономических инициатив.

Новые формы управления сверхмобильным и сверхкрупным акционерным капиталом, не наполненные надлежащим контролем со стороны непосредственных участников производственного процесса, имели неоднозначное влияние на развитие мировой капиталистической системы. С одной стороны, всемирные акционерные банки, эффективно мобилизующие «праздную часть» общественного капитала для кредитования всё новых и новых акционерных предприятий, многократно увеличивали инновационный потенциал мирохозяйственной системы в целом, с другой, – безответственная деятельность крупных акционерных бан-

ков, «власть которых над биржами увеличилась до чрезвычайности»³⁶, порождала мощные стимулы к широкомаштабным финансово-биржевым спекуляциям, способствовала ещё большему наращиванию потенциала мировых кризисов перепроизводства, искажала ориентиры созидательного развития сообществ в рамках отдельных государств. Власть выборных национальных правительств стала целиком растворяться во власти банкиров и спекулянтов, которых никто не выбирал. Государства оказались перед фактом полной утраты ответственности за любые изменения, происходящие в национальных экономиках, включённых в новую институциональную оболочку, и вынуждены были отказываться от своих прежних обязательств.

Следующим важным шагом в становлении надгосударственного институционального порядка, способствующего глобальной интеграции акционерного капитала, стало формирование системы частичных банковских резервов, сопровождающееся последовательным отказом от конвертируемости банкнот в золото (своеобразный аналог наследуемого имущества в производственно-хозяйственной деятельности). По словам К. Поланьи, «последний остаток традиционной мировой экономики исчез», когда «в инстинктивном порыве к освобождению Америка в 1933 г. отказалась от золотого стандарта. И хотя едва ли кто-нибудь понимал тогда истинный смысл этого события, история почти мгновенно изменила свой ход»³⁷.

³⁶ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма / пер. с нем. И. Степанова. М.: Государственное издательство, 1924. С. 165.

³⁷ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова и А.П. Шурбелева. Спб.: Алетейя, 2002. С. 39.

Окончательный юридический отказ всех национальных правительств от конвертируемости банкнот в золото произошёл в апреле 1978 года (ямайская валютная система). Юридически закреплённый отказ национальных государств от долговых обязательств за последствия деятельности транснациональных бизнес-сообществ акционерного типа не только формально, но и фактически ликвидировал остатки прежних институциональных ограничений, сдерживающих опасно противоречивое развитие акционерного капитала. Контур развития акционерного капитала сложился в единое целое и стал охватывать полностью весь мир. Транснациональные сообщества предпринимателей, объединяющихся на основе акционерного капитала, окончательно подчинили своему институциональному влиянию все стороны общественной жизни, повсеместно сменяя буржуазное государство-нацию на посту доминирующего социального института (примерно так же, как в своё время, при переходе от мануфактурного производства к фабричному, государство-нация повсеместно пришло на смену государству-городу и государству-церкви). «Страны утратили большую часть своего прежнего суверенитета, эпохе суверенных государств пришел конец, а отдельные страны превратились просто в «fikцию»»³⁸.

После того как все государства сняли с себя остатки ответственности за деятельность более масштабных институтов и эпоха суверенных государств закончилась, пропагандистская деятельность апологетов государственно-социалистического режима утратила всякий смысл. Распространители идей марксизма-ленинизма не могли более поддерживать в сознании трудящихся всего мира (включая трудящихся «стран победившего социализма») привлека-

³⁸ Элиас Н. Общество индивидов. Перевод с нем. М., 2001. С. 25.
А.П. Азуткин

тельность государствоцентристской доктрины коммунистических преобразований.

Включение «социалистического лагеря» в глобальный контур развития акционерного капитала вызвало деидеологизацию общественных сил, отстаивающих интересы наёмного труда. После окончания полувекового государственно-идеологического противостояния труда и капитала часть мирового сообщества, отчужденная от средств и результатов труда, оказалась идеологически безоружной перед капиталом, интегрированным в глобальные бизнес-структуры корпоративного типа (крупные акционерные банки и транснациональные корпорации). Хаос противоречий и ошибок, который десятилетиями искусственно сдерживался благодаря идейно-политическому противостоянию государственного капитализма и государственного псевдосоциализма, вырвался на либеральные просторы, ломая остатки цивилизованных норм и культурных ценностей.

С исчезновением главного идеологического оппонента буржуазные государства из субъекта регулирования мирового хозяйства превратились в объект манипулирования со стороны акционерных банков и корпораций, не обременённых идеологической инерцией. Гегемония мирового корпоративного капитала стала утверждаться как через контролируемые корпорациями международные институты, так и через идеологически дезориентированных представителей государственно-бюрократических структур.

Наращение антикорпоративного недовольства в постсоветскую эпоху и политические требования антиглобалистов. Итак, в биполярном мире 30-х – 80-х годов 20 века буржуазная система государственного регулирования, сталкиваясь с критикой в свой адрес со стороны идеологов коммунизма, использовала весь свой потенциал для поддержания статуса полновластного организатора мирового хозяйства. Как только социалистический лагерь развалился, оз-

наменовав собой окончание периода идеологического противостояния, государственная бюрократия вышла из-под идеологического давления со стороны прогрессивных сил, верных коммунистическим идеалам, и, лишившись сбалансированных ценностных ориентиров, стала повсеместно утрачивать возможность регулирования мирохозяйственных процессов. Мир, освобождённый от «косных марксистско-ленинских догматов», был быстро переориентирован на ожидание самопроизвольного возникновения «порядка из хаоса». Новые ориентиры мирового развития стали задаваться транснациональными корпорациями и контролируемые ими надгосударственными организациями (такими как Мировой банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд и т.п.). Став непререкаемым оплотом неолиберализма и избавившись от всех прежних идеологических стеснений, эти учреждения стали открыто демонстрировать обескураженному человечеству свою истинную природу.

Одним из особо запоминающихся проявлений природы транснациональных корпораций в постсоветскую эпоху стало трагическое событие, названное шоком компании «Shell». Произошло оно 10 ноября 1995 года. В этот день по приказу нигерийского правительства казнили чернокожего писателя и правозащитника Кена Саро-Виву за то, что он посмел воспротивиться варварским действиям транснациональной корпорации «Shell», приступившей к промышленному освоению земель африканского народа Огони. Казни Кена Саро-Вивы и восьми его товарищей предшествовали систематические военные набеги на деревни народа Огони, организованные марионеточным режимом Нигерии в угоду «Shell». Этот геноцид против народа, оказавшегося на пути у транснациональной корпорации, унёс тысячи жизней и стал, наряду с казнью известного африканского правозащитника, неподсудным достоянием гласности.

Описанная трагедия скорее всего не вызвала бы столь широкой огласки, если бы всего несколькими месяцами ранее сотни телеканалов во всём мире не транслировали сюжет о том, как всё та же компания «Shell» струями воды из брандспойтов разгоняет активистов Гринпис, оккупировавших нефтяную платформу «Brent Spar» в Северной Атлантике, протестующих против планов «Shell» затопить её за ненадобностью и погубить всё живое на десятки километров вокруг. Некоторые злодеяния всего лишь одной известной корпорации стали объектом внимания широкой общественности ещё и потому, что «Shell» долгое время прославлялась PR-технологиями и международными СМИ как «образцовый пример ответственности предпринимателя»³⁹.

Имиджевый шок корпорации «Shell» несколько не изменил её природу (в настоящее время, например, «Shell», при содействии российского «Газпрома», ведёт активную подготовку экологической катастрофы в рамках проекта «Сахалин-2»). Вместе с тем следует отметить, что отношение к неизменно преступной природе корпораций со стороны цивилизованной общественности стало меняться. Многомиллиардные преступные инвестиции, осуществляемые «преуспевающими» корпорациями, перестали однозначно восприниматься как необходимая дань научно-техническому прогрессу и стали возможны лишь в «серых» зонах, закрытых от гласности и общественного контроля.

События, подобные описанным, становясь достоянием гласности, обнажают верхушку айсберга, именуемого преступлениями транснациональных корпораций. Геноцид, насилие, отмывание денег, кража интеллектуальной собственности, истощение естественного капитала планеты через

³⁹ Вернер К., Вайс Г. Чёрная книга корпораций: пер. с нем. Екатеринбург: Ультра-Культура, 2007. С. 14.

сведение лесов, рыбных запасов и минеральных залежей, загрязнение биосферы ядовитыми химикатами, распространение рака и прочих смертельных эпидемий, агрессивный маркетинг, ложные банкротства, мошеннические проникновения в легальный бизнес, коррупция и подкуп общественных и партийных деятелей – все эти и многие другие преступления прочно вошли в повседневную практику транснациональных корпораций. Информация об этих преступлениях зачастую успешно скрывается за приторно-сладкими декларациями миссий и ценностей, составляющих, вкупе с заведомо невыполнимыми обещаниями, арсенал корпоративных PR-технологов. Однако даже той малой части информации о корпоративных злодеяниях, которую прогрессивной общественности удалось придать огласке, оказалось достаточно для формирования к середине 90-х годов устойчивых антикорпоративных настроений.

Резонатором, усилившим реакцию общественности на многочисленные корпоративные преступления, стал мировой финансовый кризис 1997–1999 годов. Кризис, обрушивший экономики стран Азии и Южной Америки, окончательно прояснил цели антиглобалистского движения, выступающего против подчинения политической власти транснациональному капиталу. На международной встрече антиглобалистов в Париже (июнь 1999 г.) и на Первом Всемирном социальном форуме в Порту-Алегри в Бразилии (январь 2001 г.) «прозвучал призыв ко всем прогрессивным силам мира объединить свои усилия в рамках Международного движения за демократический контроль над финансовыми рынками и их учреждениями»⁴⁰.

⁴⁰ Мысляева И. Истоки и суть антиглобалистского движения // Журнал «Женщина Плюс...».

URL: <http://www.owl.ru/content/womplus/p27133.shtml>

В последующие несколько лет, благодаря активности лидеров антиглобализма, поддерживаемой стараниями журналистов, этот призыв разнёсся по планете многочисленным эхом. После выхода в свет книги Н. Кляйн «No Logo», побившей все мыслимые рекорды продаж и с лёгкой руки The New York Times наречённой «евангелием антикорпоративного движения», в журналистской среде стало хорошим тоном не только информировать аудиторию о корпоративных преступлениях, но и предлагать различные меры их профилактики. Однако информация о корпоративных злодеяниях для более яркого эффекта часто интерпретировалась не с классовых позиций, а с позиций антигосударственных заговоров. В этой связи смысл журналистских предложений сводился к тому, что государство должно усилить свои карательно-репрессивные функции и защитить свою территорию от разоблачённых «злодеев» – американцев, масонов, финансовых спекулянтов, банкиров, корпоратократии, сионистов и т.д.

Оценка вклада США в межгосударственную профилактику корпоративных преступлений (на примере Закона Сарбейнса-Оксли / Sarbanes-Oxley Act). Требования к ужесточению мер государственного вмешательства стали особенно настойчивыми после того как, осознав себя организованной силой, антиглобалисты на рубеже 20-21 веков всколыхнули целую волну корпоративных разоблачений, прокатившуюся по всему миру. Серия корпоративных банкротств в Германии, многомиллионные злоупотребления и кризис крупнейших японских банков, громкие корпоративные скандалы во Франции, в Италии, корпоративная вакханалия, охватившая развивающиеся страны и страны бывшего соцлагеря, – всё это повлекло за собой тысячи судебных разбирательств, в ходе которых руководителей крупнейших ТНК стали привлекать к уголовной ответственности.

Особому давлению общественности подверглись власти США, оказавшиеся вынужденными направить свою регулятивную мощь на предотвращение преступлений, подобных тем, что были организованы руководителями Enron, WorldCom, Adelphia, Qwest, Global-Crossing и других корпораций, воспринимавшихся до своих разоблачений символами мирового технологического прогресса и эталонами деловой культуры.

Статус мирового лидера и давление общественности обязали американское правительство начать масштабные реформы в противовес действиям неолиберальных транснациональных сил, заняв государственный аванпост на страже справедливого и рационального миропорядка. В числе прочих правительственных мер в июле 2002 года президентом США Дж. Бушем была создана «Оперативная группа по борьбе с корпоративным мошенничеством» и подписан знаменитый Закон Сарбейнса-Оксли (Sarbanes-Oxley Act, SOX), который был призван повысить степень ответственности руководства компаний за порядок и качество балансовой отчетности и который должен был стать, по словам одного из его авторов, мировым «золотым стандартом» корпоративного управления и прозрачности. Этот закон расширял права государственного контроля над осуществлением корпоративного аудита и предоставлял дополнительные полномочия регулирующим ведомствам федерального уровня.

Корпорации, связанные с американским рынком ценных бумаг, должны были привести всю свою отчетность в соответствие с требованиями SOX, потратив существенные средства на оптимизацию своего документооборота. По результатам исследований, «издержки выхода на биржу после принятия закона SOX составляли около \$2 млн. для небольших эмитентов (выборка S&P SmallCap, средняя капитализация – \$750 млн.) и около \$10 млн. для компаний из

S&P 500 (со средней капитализацией в \$24 млрд.)»⁴¹. Эти деньги, кроме оплаты аудиторских услуг, шли в основном на услуги IT-специалистов, оптимизирующих документооборот посредством самых передовых информационных технологий. Вынужденные инвестиции в автоматизацию документооборота не только увеличивали прозрачность транснациональных корпораций, повышая доверие внешних инвесторов, но и могли привести к значительным выгодам от сокращения чрезмерных административно-канцелярских издержек.

Подобные примеры правительственных действий США могли бы обнадёжить сторонников идеи усиления государственной опеки за развитием акционерного капитала, если бы действия правительства США против правонарушителей, распоряжающихся акционерным капиталом, получили поддержку правительств других стран. Однако правительства национальных государств никогда не решились бы на то, чтобы их правоохранительные органы хотя бы частично вошли в состав единой интернациональной правоохранительной системы всего лишь как элемент, нацеленный на солидарное и синхронное взаимодействие с другими такими же элементами, а не на защиту суверенности национального государства. Данная нерешительность является для современной межгосударственной системы отношений незыблемым правилом, исключением из которого не стали и упомянутые инициативы американского правительства.

После того как акты, аналогичные SOX, были разработаны международными организациями и вошли в международные стандарты, правительства многих стран «солидарно» декларировали намерения пересмотреть сложившиеся

⁴¹ Цит. по: Гуриев С., Цывинский О. Ratio Economica: Нью-Йорк против Лондона // Ведомости. №68 (2090) от 15.04.2008.

нормы контроля над деятельностью корпораций в части соблюдения ими принципов честности, прозрачности, подотчётности и ответственности. Но все намерения национальных правительств всего мира ужесточить требования к стандартам корпоративной деятельности так и остались пустыми декларациями.

Мнимую солидарность в отношении полезных инициатив американского правительства не преминуло продемонстрировать и руководство России. Здесь уже 4 апреля 2002 года было издано распоряжение № 421/р ФКЦБ РФ о принятии Кодекса корпоративного поведения, в целом схожего с положениями американского проекта Сарбейнса-Оксли. Главной же отличительной особенностью российского Кодекса стало то, что его положения так и не стали обязательными для корпораций, действующих в зоне российского законодательства. Российские власти не утвердили в качестве закона этот новый элемент американской концепции управления под тем предлогом, что Россия, по сказанным в рассматриваемом контексте словам члена совета по надзору за деятельностью банков США Г. Вонга, должна идти «по пути, который будет для неё наиболее удобным и приемлемым»⁴².

Выходило, что на этом «удобном» пути, по убеждению российских специалистов и их американских консультантов, не должно быть ни строгой корпоративной отчётности, ни информационных технологий, автоматизирующих корпоративно-государственный документооборот, ни персональной ответственности корпоративного руководства за результаты своей работы.

⁴² The St. Petersburg Times от 19 декабря 2003. URL: <http://www.nand.ru/baza-znaniy/publikatsii/2004-god/15-yanvaryay-2004.html>

Неадекватная политика, проводимая российским и прочими национальными правительствами в корпоративном секторе экономики, равно как и парадоксальная незаинтересованность американского государства (в лице своих «экспертов») в скорейшем распространении американских «золотых стандартов» корпоративного управления, может быть объяснена тем, что «США всегда противятся признанию и применению универсализма транснациональных договоров»⁴³; потому что «до тех пор, пока не существует нормативного единообразия, и государства, таким образом, в своих стандартах труда, налогообложения, правового надзора, технической безопасности, защиты окружающей среды отличаются друг от друга, их легко стравливать»⁴⁴.

⁴³ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия: пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция: Территория будущего, 2007. С. 211.

⁴⁴ Бек У. Там же. С. 213.

ИДЕОКРЕАТИВНОСТЬ

Колмаков В.Ю., Ляшенко Ю.А.

Идеокреативность – творческая способность создавать новую идеологию, адекватную современному обществу, социальной реальности, рассматриваемой не только в аспекте сиюминутного существования, но и исторического процесса развёртывания новой социальной реальности.

Феномен идеологии имеет свою логику, свою структурную организацию, свои законы функционирования. И логика развития данного феномена проявляется весьма неоднозначно в системе сложных отношений духовного порядка. Так же, как сложно говорить о точных параметрах духовного прогресса, сложно однозначно определить параметры развития идеологии. Учитывая эти обстоятельства, представляет интересным обратить внимание на идеологический дискурс как особый параметр, особую реальность. Интересно рассмотреть то, как формируется пространство идеологического мышления в конкретной социальной обстановке. Идеологическая ментальность проявляется в том, как происходит формирование общего идеологического дискурса, как осуществляется понимание между различными субъектами идеологической активности, проявленными в конкретной социальной системе. Необходимо идеологическое творчество, изменение существующей идеологии. Сегодня необходима модель глобальной идеологии, учитывающей соотношение интересов всех участников данного пространства. Глобальной идеологии нет в явном и чистом, однозначном виде, но фактически она есть.

Теория интересов должна развиваться соответственно новым условиям социальной реальности. Основной принцип учёта интересов исходит из того, что нельзя игнориро-

вать интересы той социальной группы, которая занимает своё устойчивое место в системе социальных отношений. Поэтому невозможно отказаться от идеологии как теории и практики защиты интересов, т.к. на каждом новом уровне развития общества, социогенеза необходимо обосновать адекватную модель теории интересов. Очевидно, что каждый социальный класс имеет свои социальные интересы, свои потребности, свой минимальный уровень благосостояния, который позволяет ему сохранять свои позиции в конкретном обществе.

Социальный класс, группа имеют право бороться за свои интересы. Да, есть минимальные и необходимые уровни выживания, на таком уровне класс может существовать, но это существование, весьма далекое от нормального уровня, вызывает нарастание социального недовольства. Не роскошь и не благополучие, а именно уровень полуживотного выживания заставляет социальный класс перейти к экстремальным уровням выражения своего недовольства. Тем более, резкое изменение или длящийся продолжительное время низкий уровень жизни вызывают активное социальное недовольство.

Идеология как феномен 19-20 века формировалась механизмами социального и правового порядка. Суть такой идеологии фактически сформировалась в эпоху буржуазных революций и заключалась в том, что борьба за интересы моего класса есть моя борьба. В конечном счёте идеология превратилась в разновидность рекламы, точнее, политической рекламы, за которой кроется чьё-то желание навязать, что я должен думать, как я должен делать, как и почему я должен жить. В таком подходе, возможно, доминирует субъективное восприятие и ощущение, но это восприятие необходимо признать правомерным. Хотя в то же время можно отметить, что личность как некая электоральная единица потеряла чувство классового единства. Класс как

социальная абстракция потерял свой объективный смысл. Личность не воспринимает класс как ту реальность, с которой необходимо обязательным образом считаться. Личность как субъективная социальная единичность в эпоху потребительства и меркантилизма желает исходить из своих узколичностных интересов, которые данной личности кажутся максимально значимыми.

Но основание идеологии, на наш взгляд, является идея. Идея есть основание, которое должно содержать в себе содержательный потенциал смысла, способного развиваться, расширяться, принимать новые формы и состояния. Эта идея должна пройти свой путь развития. Исходная идея есть предпонимание, но уже достаточно очевидное понимание принципиально важного положения, тезиса. Идея должна мотивировать, она должна заставлять действовать определённым образом, двигаясь к определённой цели, поэтому не случайно такая идея в своей формулировке должна выражать ту цель, к которой необходимо прийти. Так, например, спроектированная коммунистическая идея, которая играла свою значительную роль в политических процессах достаточно длительного времени.

Маркс как философ оставил ряд важных идей, с которыми нельзя не считаться. Наиболее сильной и во многом позитивной идеей является идея о том, что все философы лишь объясняли мир, а задача заключается в том, чтобы изменить его. В этой связи, по-видимому, заставляет задумываться версия двух Марксов – две модели раннего и позднего Марксов, где ранний Маркс - гуманист, а поздний Маркс - объективный экономист. В целом же имеет основание обвинение в том, что за объективно-экономическими законами исторического развития Маркс потерял человека. Осмысление философия истории на Марксе не остановилось. Философия истории Гегеля была переосмыслена Марксом с позиций экономического материализма. И там, где Гегель

видел в движении исторических событий проявление мирового разума, Маркс увидел в движении истории проявление материалистических, то есть экономических законов создания материальных основ жизнедеятельности общества.

Парадоксально то, что у Маркса нет больших отдельных работ, посвященных собственно сущности человека, есть его некоторые мысли по данному поводу, но нет работы, аналогичной тому же Капиталу, но посвященных сущности человека как субъекта истории и социальной, духовной деятельности. Нет работ, посвященных диалектике духовности, всё это помещено в его работы, по сути дела, посвященные экономической диалектике общества. Такая модель экономической формации вообще-то убивает человека как самостоятельную духовность, сводя её до неких случайных фрустраций в системе надстроечных явлений. Но, надо отметить, что теория развития истории как процесса смены общественно-экономических формаций позволила объяснить Марксу основную направленность истории общества.

Сущность капитала, которая рассматривалась Марксом, надо сказать, так и осталась во многом некой запредельной сущностью, капитал и все производные от него экономические трансформации являются реальными факторами, влияющими на современные экономические, и не только экономические, процессы. И в то же время можно отметить, что иллюзорная сущность духовного производства также обладает некой, по сути дела, иллюзорностью по сравнению с реальностями экономического порядка.

В результате нерешённости проблем духовного порядка возникают неомарксизм, пост-марксизм, афтер-пост-марксизм и любые другие варианты попыток соединить понимание закономерностей экономического и гуманитарного порядков. В том числе и попытка соединить учение Маркса об обществе и учение Фрейда о человеке не привело к соз-

данию принципиально новой философской теории. Такие способы соединения имеют название эклектических, то есть такое соединение носит условный, а не органичный характер. В целом же, не принижая и не утрируя значение работ Маркса и Энгельса, необходимо отметить, что для 21 века эта проблема, по сути дела, стала ещё более острой и ещё более значимой.

Логика возникновения манифеста коммунистической партии определялась тем фактом, что возник новый социальный класс и необходимо было определить его социальные позиции, социальные интересы. Маркс и Энгельс попытались возложить на этот класс исторические цели, радикальное преобразование общества в целом, изменение экономической структурной определённости, то есть изменение общественно-экономической формации. Если бы не эти мыслители, то, безусловно, другие попытались бы решить аналогичную задачу. Многообразие подходов к решению этой задачи, к сожалению, было расценено как оппортунизм, ревизионизм, бернштейнианство и так далее и тому подобное.

Заслуга и недостаток того, что сделал Ульянов-Ленин, заключается в попытке более точно и весьма прагматично определить действия, необходимые для свершения поставленных целей. Ленин в максимальной степени политический прагматист, он сумел использовать те возможности, которые ему предоставила история, реальные социальные обстоятельства. Но, тем самым, из идеологии рабочего класса исчезли многие важные положения. Ленинский манифест коммунистической партии – это манифест только партии. Ленин устранил все ненужные аспекты более широкого понимания. Партия в этом подходе стала историческим надсмотрщиком и над пролетариатом и над всем обществом. Задан был достаточно точный алгоритм и характер дальнейших действий. И уже Сталин, рассматривая комму-

нистическую партию как отряд меченосцев, создал коммунистическую инквизицию, превратив общество в объект истязания и насилия.

Вышеславцев Б.П. в своей работе «Философская нищета марксизма» пишет: «Демагогическую идеологию мы наблюдаем в формах нацизма, фашизма и коммунизма. Эта идеология не терпит никакой диалектики, не признает никакого диалога, она признает только монолог, диктат, диктатуру. Эта идеология может брать любую идею из свободной философии, но ее идея всегда обращается в "идеократию", т.е. в диктатуру идей, в инквизицию».

Марксистская философия как логика мышления устанавливала действительно очень странные способы мышления. Много говоря о диалектике, она сама оставалась вне диалектического развития, была зоной абсолютной метафизической ортодоксальности и неизменности всех исходных положений. В этом проявлялась фундаментальная лицемерность, которая как нельзя лучше соответствовала духу советской идеократии. Советская идеология эпохи застоя окончательно потеряла чувство исторической адекватности, были пропущены важные исторические периоды, когда, например, Европа шестидесятых буквально бурлила коммунистическими и революционными идеалами преобразования общества и человека, советская идеология тупо и неуклонно устанавливала нежизненные нерациональные идеалы, которые уже не работали, которые работали против самой системы. И фактически маразм этой идеологии был самым сильным внутренним разрушающим фактором, неуклонно нарастающим по силе своего воздействия.

Итак, важна степень исторической и социальной адекватности любой идеологии, которая пытается провозглашать интересы социального класса, способного взять на себя функции преобразования общества. Идеология как форма эрзац-духовности всегда есть псевдодуховность. Нельзя

допускать нарастания этого внутреннего смыслового конфликта между духовностью и идеологией. Идеология как форма осознания своего социального положения, своей социальной реальности является, соответственно, социальным мировоззрением и предопределённой программой практического действия.

Падение, крах, коллапс советской модели тотальной идеологии создал идеологический вакуум, идеологическую неопределённость, идеологическую и историческую дезориентацию всего общества. Эта ситуация показала, что были потеряны ментальные механизмы выработки и более широкого осознания новых идеологических программ, способных выполнять функции практических программ действия. Во многом именно этот факт определил и определяет неспособность современного российского общества к защите своих социальных интересов. Сохранившаяся форма коммунистической идеологии в её «зюгановском» варианте оказалась недееспособной объединить народ в единый социальный фронт, в единую партию, способную противостоять угнетению, эксплуатации и унижению российского общества и каждого отдельного человека.

Советские идеологи запомнились как одиозно-маразматические типы личностей, созданные словно бы по известной держимордовской формуле «держат и не пущать». Они сменились новой формацией людей, можно сказать, более профессиональной по своей работе политтехнологов. Это, как правило, достаточно образованные, но чаще всего беспринципные люди, готовые за соответствующее финансовое вознаграждение изготавливать любые эрзац-идеологические позывы, способные мотивировать электорат на голосование. Идеология стала формой выживания, она необходима для понимания новой исторической реальности, системы новых социальных обстоятельств, непохожих на те, которые были ранее. Зиновьев А.А. видит это как

ментальный процесс, возникающий в связи с формированием идеосферы общества. Действительно ли идёт возникновение и развитие идеосферы как некой специализированной области социальной реальности, социального знания, социальных технологий? По меньшей мере, можно отметить то, что идеология, идеотехнология стали более совершенными в аспекте способности влиять на сознание. Но в то же время увеличилась аполитичность, антиидеологичность современного общества и человека.

Карл Мангейм как представитель социологии знания, как эпистемолог видел в идеологии некую социокультурную обусловленность, некую искажённую форму осознания фактов. Известно, что и Бонапарт Наполеон и, что поразительно, сам Маркс достаточно отрицательно относились к идеологии. Что ж так все не любили эту так называемую «идеологию»? И почему же при этом все пользуются её механизмами при достижении своих идеологических целей?

Сегодня никакой новый манифест самой гуманной партии не способен оказать существенного организующего влияния на общество, слишком велико разочарование в возникших идеологиях коммунизма, фашизма, маоизма и тому подобных феноменов. Ложь, насилие, кровь, убийства массы людей, лицемерие и двойные стандарты, бандитизм и мошенничество самых высших чинов государства – всё это характеристики массовых идеологий. В обществе сформировалась идеология недоверия и презрения к властимущим. Но в то же время есть острая необходимость формирования адекватного понимания современных идеологических и политических процессов. Интересен подход Логинова А.В., предлагающего рассматривать идеологию в контексте онтосоциальных проблем, в этом подходе есть своё рациональное зерно, и, действительно, можно увидеть некую закономерность между онтосоциальными и идеологическими процессами не только как процессами, взаимосвязанными

ми между собой, но, что самое главное, как одним и тем же процессом. При этом данный исследователь утверждает, что «идеология (в нашем случае - определенный ее образ, модель) является продуктом социокультурных изменений, связанных с кризисом традиционных способов легитимации социального воспроизводства и формированием «новой рациональности»⁴⁵.

Известно, что Антуан Дестют де Траси в своем произведении «Элементы идеологии», созданном ещё в 1801 году, пытался понять, каким образом идеи способны влиять на общество. И при этом важно даже не просто то, что идеи возникают и определённым образом существуют, но важно понять, какие идеи являются истинными и как на основании истинных идей можно и нужно построить общество.

Так, например, Теодор Адорно - немецкий философ, социолог – отмечал на примере анализа произведений Стравинского то, что искусство отражает иллюзию примирения индивидуальности и общества, превращая искусство в ложную идеологию. В этом подходе получается, что всё искусство и культура, по своей сути, может быть, действительно, общество пан-идеологично, общество есть всеобщая идеологическая реальность, заданная во всех социальных проявлениях. Парадоксально то, что Маркс и Энгельс, начав анализ идеологии как иллюзорного сознания, придали ему столь значимые функции.

Клифорд Гирц в его работе «Интерпретация культур» отмечает, что «Набор самых общих, академически выработанных понятий и систем понятий — «интеграция», «рационализация», «символ», «идеология», «этос», «революция», «идентичность», «метафора», «структура», «ритуал»,

⁴⁵ Логинов А. В. Идеология как проблема социальной онтологии: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11: Екатеринбург, 2004. 136 с. <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/90988.html>

«картина мира», «действующее лицо», «функция», «сакральное» и, конечно, сама «культура» — вплетен в ткань «насыщенного» этнографического описания в надежде придать обычным явлениям научное выражение». И, действительно, достаточно важно увидеть всё то множество реальных отношений, которые возникают и действуют вокруг феномена идеологии, чтобы понять её полномерную сущность. И в этом отношении подход, предложенный Гирц К., т.е. к теоретическому анализу символической деятельности, возникающей при посредстве функционирования идеологии в конкретной социальной системе, позволяет увидеть объективно-значимые функции идеологии как ложной реальности, отражающей объективные сущности. А так же, наоборот, подход к пониманию объективно-истинной реальности, отражающей ложные социальные «истины», где идеология играет определяющую роль.

Известный французский интеллектуал Анри Лефевр (1905–1979), как известно, никогда не стремился к коллективной идеологической самодисциплине, но тем не менее именно его работа вызвала своеобразный «идеологический переполох». Эта работа «Итог и остаток» (1959), где он наряду с другими идеями отмечает, что фрейдовская мысль, потенциально богатая возможностями для объяснения различных аспектов идеологии, бросает вызов всем социальным доктринам и особенно марксизму. Он предлагает некую новую метафизику, при этом отмечает, что философ, безусловно, всегда по-своему понимает и отражает время, культуру, религию, государство, и любой человек не может освободиться от идеологии. Каждая эпоха идеологична по-своему.

Современное общество сильно изменилось по сравнению с предыдущими этапами, изменился человек, изменились доминирующие типы ментальности и логико-идеологические конструкции, которые функционируют сего-

дня в так называемом «медийном пространстве», посредством которого человек информационного общества в основном и получает наиболее важную для него информацию. Идеология есть социально значимая информация, ценность которой установлена неким субъектом, создающим её в соответствии со своими социальными характеристиками и реалиями своего существования. Идеология всегда субъектна и субъективна.

Идеология всегда субъектна, так как она выражает социальные характеристики того субъекта, который создаёт соответствующий комплекс идей, пытаясь при помощи его воздействовать на общество, на других субъектов социальных современных процессов. И идеология в силу этого же всегда субъективна и, тем самым, действительно иллюзорна, представлена как ментальная технология социального познания, можно сказать, социальной герменевтики. Идеология всегда есть герменевтическая конструкция, скрывающая в себе неоднозначные социальные истины.

Выход за пределы идеологии как идеологии, как системы идолов, заданных теми социальными субъектами, которые владеют медиареальностью в современном обществе, может осуществляться либо за счёт антиидеологичности, либо за счёт попытки подняться над иллюзорным уровнем идеологии, пытаясь понять законы духовной субстанциональной природы человека и человечности. Марксизм как логика мышления установил весьма неоднозначные аксиоматические предпосылки. К сожалению, существующая коммунистическая партия России так и не смогла понять, чем был и чем стал марксизм, а вследствие этого и идеология коммунистического социального мировоззрения.

Той стране и тому народу, который больше семидесяти лет подвергался марксистскому промыванию мозгов, самое трудное – найти переход от ментальной парадигмы мар-

ксизма к новой современной и адекватной парадигме мышления.

Смысл идеологии заключается не только в том, чтобы быть представленной в программах тех партий, которые идут на выборы и вольно или невольно заставляют общество учитывать их соответствующее влияние. Идеология и смысл, который латентно существует в общественном сознании, находятся в очень неоднозначной корреляции. Можно сказать, что поиск смысла является латентной линией всех социальных теорий, пытавшихся объяснить, как сделать общество лучше, совершеннее. И в этом проявляется своя логика идеологии, она проявляется в сочетании различных социальных теорий, в сопоставлении их и формировании единой общей плоскости идеологического дискурса.

Неореальность есть реальность будущего. Новое является своеобразным фактором, влияющим, как ни странно и в то же время закономерно, на настоящее. Формула этого процесса представляется следующим образом: количество событий, умноженное на скорость общего изменения, создаёт новое духовное пространство. Если изменения происходят быстрее, чем человек успевает их осознать и креативно перерабатывать, человек чувствует себя в этой смысловой системе неуютно. Дисфункционально то духовное пространство, в котором человек не успевает ориентироваться и поэтому чувствует себя некомфортно. Идеологический дискурс порой приобретает весьма странные конфигурации. Это может быть почти откровенное издевательство политических маньяков над свободой мысли и разумности. Государственно усиленная идеология политических маньяков раздавливает обычного человека, превращает жизнь простого человека в сущий идеологический маразм. Власть в форме конкретных людей, её представляющих, всегда будет впадать в идиотический маразм. Стремясь сохранить свои позиции и удержаться у руля власти, удержаться в сис-

теме доминирования, в статусе нахождения над законом, над совестью, над смыслом. Это могут быть и более тонко завуалированные подходы и влияния.

Многообразные феномены идеологии весьма противоречивы, подчас максимально противоречивы, и в этом массиве противоречий различного порядка трудно увидеть единую логику, логику организации и соответствующую системную определенность.

Идеология как объективно ориентированная форма общественного сознания отражает соответствующий её возможностям фрагмент социальной реальности, отражает ее через призму интересов определённого социального класса. В этом проявляется субъект-объектная логика идеологии. Идеология духовности в системе политической реальности выполняет связующую роль между множеством различных идеологических феноменов, активно проявляющих себя. Идеология духовности связана с ментальными параметрами, закреплёнными в этой системе политической реальности, ментальные параметры, социально-психологические особенности, естественно, в значительной степени влияют на этот характер.

Идеология часто начинается как весьма красивая идея. Финал идеологии – проявление гнусной политической торжественности очередного маниакального лидера, победившего на выборах и расправляющегося со своими оппонентами. Логика идеологии и смысл духовности чаще всего расходятся, их совпадение есть, скорее всего, исключение, чем правило. Хотя идеология и может быть проявлена как логика смысла социальной адекватности, идеология существует как ложная и насильно навязанная доктрина, что по своей сути напоминает мошенничество как уголовное преступление, то есть сознательное введение в заблуждение путём обмана и использования доверия.

Советский Союз как государство и как сложная идеологическая социальная система, с присущими ей социальными группами и отношениями, погиб потому, что его руководство оказалось неспособным к изменению типа идеологического дискурса, идеологического нарратива.

Креативность идеологии перестройки опоздала лет на двадцать. Если бы хватило смелости и творчества, то этот перестроечный подход был бы великой идеологической революцией и действительной перестройкой сознания и образа жизни в 1968 году. Европа ждала от коммунистических лидеров их креативного хода, позволяющего стать во главе духовных исканий творческой интеллигенции Европы и других континентов. Отсутствие творчества, неспособность изменяться, неадекватность выдвигаемых идеологических лозунгов новых партий – всё это явления того же советского масштаба мышления. Но идеологический дискурс присущ всем социальным группам, и абсолютное право каждой социальной группы защищать свои социальные интересы, создавать свои представления и новые теории.

Сегодня идеокреативные процессы стали на порядок сложнее по сравнению с девятнадцатым веком Карла Маркса, но надо признать, что данный мыслитель действительно обладал поразительной смелостью поставить задачу нового типа и попытаться её решить. Его ход мышления приводит к созданию экономико-детерминационной схемы понимания развития общества, но очевидно то, что общество развивается и как идеосемантическая система, то есть как система идей и порождаемых ими смыслов. Поэтому в данных условиях необходима новая семантика социального мировоззрения, новый тип идеологии, адекватной современной глобально-социальной реальности и, самое главное, отражающей новый ментальный тип человека

Часть вторая

**Рациональность
и образование
духовности**

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И КРИЗИС ДУХОВНОСТИ

Н.С. Буртасова

Человек живёт в мире определенных рациональных ценностей, очевидно, что система этих рациональных ценностей взаимосвязана с системой духовности. Не возникает ли кризис духовности в результате того, что рациональные ценности становятся неадекватными новой духовной ситуации? Дух и рациональность как предмет исследования волновал многих исследователей. При этом можно отметить то, что духовность и рациональность имеют внутреннюю сложную взаимосвязь, и кризис духовности во многом вызван кризисными процессами в структурах рациональных ценностей. Культ разума, исповедуемый с эпохи Нового времени и Просвещения, распространился почти на все сферы бытия человека и социума, человеческий мир в философских моделях стал отождествляться с разумностью как таковой. Именно рационализм стал определяющим принципом не только для науки, но и для гуманитарных сфер знания, разум признают основой познания, поведения людей и организации их жизни. Вообще рациональное (от лат. *rationalis* - разумный) – обусловленное разумом, доступное разумному пониманию, логически непротиворечивое и соответствующее принятым каким-либо сообществом правилам. Рациональное противопоставляют иррациональному, а также чувственному познанию (в формах ощущений, восприятий и представлений), эмпирическому опытному познанию (факты) и мистическому познанию (озарение). Рациональное познание направлено на объекты, недоступные непосредственному опыту (сущность, целостность, общее в вещах), путём оперирования знаками, сим-

волами и т.п. Кроме того, существуют различные типы рациональности (научный, художественный, религиозный, технический и др.) и рационального мышления (вербально-логическое, визуальное и др.) [4].

В конце XIX – начале XX вв., в связи с начинающимся кризисом традиционной модели рациональности и развитием самого общества, появляется термин «иррационализм», связанный с философскими направлениями того времени (хотя иррационалистические тенденции существовали в философии и раньше). Философы обращают особое внимание на иррациональные проявления социальной реальности (например, экологический кризис как месть природы человеку или эффект Термидора как нежелательный итог всякого революционного переустройства сложившихся социальных институтов) и обосновывают сомнение в безграничности возможностей научного знания (гносеологический аспект) и оправданности научных экспериментов (этико-мировоззренческий аспект). С этого момента понятие «иррациональное» стало распространяться на все стороны отношения субъекта и объекта.

Понятие иррационального (от лат. *irrationalis* – неразумный, бессознательный) содержит в себе несколько аспектов:

1. Принципиально непознаваемая разумом сторона объективной реальности.
2. Нечто «алогичное, выходящее за границы современного разумного понимания, но тем не менее принципиально познаваемое».
3. Непредсказуемость (незапланированность, непредугаданность) деятельности человека.
4. Бессознательное как сфера души человека.
5. Предлогические формы познания [4].

Современную эпоху философы и социологи определяют как кризисную, поскольку исчезло единое целостное мыш-

ление и мировоззрение с определённой системой ценностей и норм. В большинстве своём они исходят из того, что не существует единственной абсолютной истины, с точки зрения которой можно выносить беспристрастные и объективные оценки. В их моделях мир сочетает в себе большое разнообразие типов и стилей мышления. Кроме того, за рационально организованным мышлением обнаружилась его подоснова - «коллективное бессознательное».

Механизм действия иррационального начала в социуме исследован в русле многих философских концепций. Это касается как самого социального мифотворчества, так и его распространения в рациональных методах управления общества, прогнозирования.

Одна из самых актуальных тенденцией философской мысли современности – протест против культа сциентизма и технологического детерминизма (Г. Маркузе, Т. Адорно, Ж. Эллюль, М. Хоркхаймер, Э. Тоффлер и др.). Представители данного направления оценивают негативно последствия культа техники и делают акцент на её разрушительной и очень опасной силе, от которой человек зависит всё больше и больше. По мнению Ж. Эллюля, техника «превращает средства в цель, стандартизирует поведение, интересы, склонности людей, превращая тем самым человека в объект бездуховных «калькуляций и манипуляций». Э. Тоффлер также обосновал варианты возможного развития человечества на ближайшее время, каждый из которых ведет к гибели человечества, если не будут найдены альтернативы современной техногенной цивилизации.

Одной из моделей взаимодействия рациональных и иррациональных механизмов в современном обществе является концепция Г. Маркузе. Он развивает мысль о том, что технологическая рациональность современного общества как стремление человека к господству над природой, оборачивается против самого человека, являющегося частью при-

роды, в чём проявляется иррациональность репрессивной рациональности как новой формы социального управления.

В данном контексте объектом исследования философа служит тип западной цивилизации, характерная черта которого - стремление к господству над природой в силу его «технологической рациональности». Следствием этого является подчинение и внутренней природы – господство человека над человеком («иррациональная рациональность» развитого индустриального общества). В своей работе «Человек одномерный: исследование по идеологии развитого индустриального общества», текст которой достаточно политизирован, Г. Маркузе исследует рациональный характер иррациональности общества.

Можно обозначить некоторые характерные черты этой парадигмы. В современном мире функция технического прогресса сводится к жесткому контролированию жизни общества и подавлению всего противоречащего ему посредством следующих пунктов:

1. Подавление индивидуальности.
2. Слияние частных предприятий в более крупные и производительные.
3. Регулирование свободной конкуренции между технически по-разному вооружёнными экономическими субъектами.
4. Перераспределение ресурсов как часть глобализации экономики.

Сущность технологического порядка Г. Маркузе усматривает в его тоталитарности как главном способе организации, который ведёт к экономическому, политическому и интеллектуальному координированию. Институционализированные свобода слова, мысли, совести – составная часть такого общества, хотя первоначально эти принципы играли роль критических идей. Когда повышается уровень жизни, сопротивление системе, которая представляет собой «цар-

ство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы» [3, с. 264], кажется бессмысленным.

В данном случае Г. Маркузе имеет в виду удовлетворение (репрессивное удовлетворение) «ложных» потребностей людей, которые навязываются индивиду, подавляя его (например, потребность жить в соответствии с рекламными образцами). «Такое управление обществом стимулирует неутолимую потребность в производстве и потреблении отходов, потребность в отупляющей работе там, где в ней больше нет реальной необходимости, потребность в релаксации, смягчающей и продлевающей это отупление, потребность в поддержании таких обманчивых прав и свобод, как свободная конкуренция при регулируемых ценах, свободная пресса, подвергающая цензуре самое себя, свободный выбор между равноценными торговыми марками и ничтожной товарной мелочью при глобальном наступлении на потребителя» [3, с. 271].

Право решать, что такое потребности «истинные» и «ложные», принадлежит тем индивидам, сознание которых не является объектом внушения и манипуляции. Освобождение от навязанных желаний связано с осознанием своей несвободы, чему препятствует процесс непосредственной, автоматической идентификации индивида с обществом в рамках высокоразвитой индустриальной цивилизации. Стирание негативного мышления (как критического), обеспечивающее независимость индивиду, мыслитель рассматривает как тотальный процесс в современном обществе.

Результатом данного процесса Г. Маркузе видит появление «одномерного человека» как объекта духовного манипулирования («некритическое» мышление и отношение к социуму, потребности и образ жизни, «привитые» СМИ). Человека формируют окружающие его вещи, которые «скорее задают ритм, чем угнетают, ритм человеку как инструменту, т.е. не только его телу, но также его уму и даже ду-

ше» [3, с. 291]. Существование человека в качестве вещи или инструмента – чистая форма рабства (на новом этапе развития – «сублимированное рабство»). Однако в данном процессе стирается различие между Господином и Слугой, «сами организаторы и администраторы обнаруживают всё большую зависимость от механизмов, которые они организуют и которыми управляют» [3, с. 297].

Философ также рассматривает процесс интеграции в сфере культуры. Особенностью современной ситуации, по мнению Г. Маркузе, является «примирение» культуры и социальной действительности и, как следствие, разрушение «пространства» высокого искусства как иного измерения. Средства массовой коммуникации сводят различные области культуры к товарной форме. Г. Маркузе приводит как пример литературные художественные образы («мятежные персонажи» - Ромео, Фауст, Гамлет и др.), которые претерпели существенное превращение и стали использоваться для утверждения существующего порядка, выполняя коммерческую задачу – продавать, утешать, возбуждать. Ранее знаком истинности для них являлось «опосредованное отчуждение», или принципиальная несовместимость с социальной реальностью и повседневностью. В индустриальном обществе идеал ассимилируется действительностью и «готов» к материализации, причиной чего является научно-технический прогресс, покорение природы, облегчение нищеты и преодоление материального недостатка.

Художественные образы, используемые в коммерческих и развлекательных целях, бытующие в атмосфере кухни, офиса, магазина, претерпевают десублимацию – замещение опосредованного удовлетворения, благодаря которому только и могут возникнуть этические ценности и идеалы, и разрешения внутреннего или внешнего конфликта непосредственным, что является, по мнению Г. Маркузе, негативным фактором развития общества: «Напряжение в пси-

хическом аппарате между объектом желания и тем, что разрешено, по-видимому, значительно снижается, и Принцип Реальности больше не требует стремительной и болезненной трансформации инстинктивных потребностей» [3, с. 337]. Это приводит к уступчивости, ослаблению рациональности протеста индивида и его бессознательному подчинению.

Еще одна концепция, моделирующая соотношение рационального и иррационального в индустриальном обществе, представлена в творчестве немецкого философа и социолога К. Манхейма. Для обозначения социального иррационализма как интеллектуального кризиса К. Манхейм использует понятия «утопия» и «идеология» (эти феномены являются своеобразной «защитой» коллективного бессознательного).

В своей работе «Идеология и утопия» К. Манхейм пишет о том, что демократизация знания втянула все слои общества в философско-политический дискурс относительно таких проблем, как появление многообразия стилей мышления и «обнаружение скрытых ранее мотивов коллективного бессознательного» [2, с. 34]. Истоком такой ситуации, по мнению К. Манхейма, является крах того объективного представления о мире, которое гарантировала церковь.

Научные открытия привели к необходимости совмещать в сознании человека сразу несколько картин мира. Религиозное миропредставление заменяется естественно-научным, рационалистическим. В эпоху нового времени авторитет церкви сменяется авторитетом государства.

Однако распространение рационального мировоззрения происходило наряду с сохранением высокой роли традиций и социальных мифов в жизни людей, поскольку не было тех изменений социального положения (некоторых слоев, заинтересованных в рационализации мышления), которое привело бы к индивидуализации форм жизни и мышления.

К. Манхейм пишет по этому поводу: «Общество, ... не может достигнуть действительно индивидуалистического и рационалистического мировоззрения, способного на определенном этапе превратиться в эффективную социальную реальность» [2, с. 36].

Одним из важнейших факторов формирования общества нового типа, по мнению К. Манхейма, стало взаимодействие и взаимовлияние политики и науки, которое имело свои плюсы и минусы. Все более широкие слои начинали мыслить о политике и об обществе в категории научного анализа, поскольку ситуация вынуждала их к теоретическому обоснованию своих идей и позиций. И политика, и наука сталкиваются и начинают работать с конкретными проблемами общества: «кризисы и потребности общественной жизни создавали эмпирический предмет, политическую и социальную интерпретацию и гипотезу, посредством которых социальные явления становились доступными анализу» [2, с. 38].

Научными критериями истинности и объективности является связь с эмпирическим опытом. Как замечает К. Манхейм, если мышление работает в рамках определенной политической установки, оно не является универсальным и адекватно только в определенных исторических условиях. Политические партии принципиально не лабильны и скорее склонны к догматизму, чем к гибкости и восприимчивости. «По той простой причине, что политические партии обладают определенной организацией, они не могут пользоваться эластичными методами мышления или принимать любой вывод, полученный ими в результате исследования. По своей структуре эти политические партии являются публично-правовыми корпорациями и боевыми организациями» [2, с. 38].

Еще одну опасность союза науки и политики К. Манхейм видит в том, что «кризисы политического мышления

становятся кризисами научной мысли» [2, с. 38]. Цель политической дискуссии состоит не только в том, чтобы доказать правоту своей позиции, но и в том, чтобы социально и интеллектуально уничтожить оппонента и интересы группы, которую он представляет. Это «нападение на всю его жизненную ситуацию» [2, с. 39]. Прямое насилие и угнетение сублимируется в дискуссию, рационализируется и тем самым «политическая дискуссия значительно глубже проникает в экзистенциальную основу мышления» [2, с. 39].

К. Мангейм утверждает, что бессознательные коллективные мотивации, определяющие способ мышления, впервые обнаруживаются именно в политике. «Политическая дискуссия с самого начала есть нечто большее, чем теоретическая аргументация. Она срывает маски, открывает неосознанные мотивы, связывающие существование группы с ее культурными чаяниями и теоретической аргументацией» [2, с. 40].

Когда мышление правящей группы или групп очень тесно связано с конкретной исторической ситуацией, эти группы не в состоянии увидеть некоторые факты, которые разрушили бы их представление о действительном состоянии общества, подорвали бы их уверенность в своем господстве. Такая «защита» коллективного бессознательного определенных групп стабилизирует общество, скрывая от себя и от других реальное положение дел (идеология).

Система идеологии может в рамках процесса интериоризации своих норм рассматриваться в философии как определенная форма, посредством которой выражают себя внутренние (скрытые) отношения сложной системы общества (организации). При этом идеология скрывает их фактический характер путем собственной их интерпретации. Идеология как видимая форма действительных отношений играет роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы. Идеология

как «превращённая форма» действительности выполняет функцию вытеснения, замещения и восполнения предметов в системе.

В отличие от классического отношения формы и содержания, в превращённой форме устранены содержательные определения. Прямое отображение содержания в форме здесь исключается. Превращённая форма есть полностью самостоятельный объект, сущность которого лежит в нем самом. Превращённая форма играет роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами. Превращённая форма есть действительное извращение содержания или такая его переработка, что оно становится неузнаваемым прямо. Но вместе с тем превращённая форма характеризуется внутренней связностью и логичностью. Это вторичная рациональная система. Сущность вторичной рациональной системы заключается в ней самой, а не в устраненных из нее содержательных определениях.

Еще одно понятие, рассматриваемое К. Манхеймом, также связанное с обострением интеллектуального кризиса, - это «утопия». Однако понятие утопического мышления связано с противоположным феноменом политической борьбы: «определенные угнетенные группы духовно столь заинтересованы в уничтожении преобразований существующего общества, что невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание» [2, с. 40].

Для утопического сознания характерно то, что коллективное бессознательное управляется иллюзорными представлениями и волей к действию, не замечая тех факторов общественной жизни, которые могут парализовать его желание, изменить порядок вещей. Таким образом, утопическое мышление также не направлено на диагноз ситуации.

Разоблачение бессознательных мотивов стало новым «интеллектуальным оружием» политики, и уже в начале XX в. оно принадлежит всем социальным группам. Однако после-

дующее радикальное разоблачение фактически всех позиций уничтожает «веру в человеческое мышление вообще».

Этот процесс привел к уничтожению абсолютности духовных ценностей и норм и, с другой стороны, к открытию феномена бессознательного. Проблему формирования новых жизненных ориентиров в новых условиях К. Манхейм формулирует следующим образом: «как вообще мыслить и жить в эпоху, когда проблема идеологии и утопии радикально поставлена и полностью продумана во всем ее значении?» [2, с. 42].

Для проникновения в сущность какого-либо феномена (ситуация или нормативное содержание какой-либо среды) необходима взаимосвязь анализа и социальной ситуации и психоэтического типа поведения, поскольку «чисто механическая схема недостаточна и необходимо ввести дополнительные концепты, позволяющие адекватно понять смысловые, неизмеряемые элементы» [2, с. 44].

Для этого, как считает мыслитель, «необходимо участвовать в социальном процессе, однако эта причастность к коллективно-бессознательному стремлению никоим образом не означает, что лицо, участвующее в нем, фальсифицирует факты или неправильно их воспринимает» [2, с. 46]. В то же время степень объективности не является прямо пропорциональной степени пристрастности.

Открытие бессознательных импульсов ведут, в конечном итоге, к самокритике, самоконтролю, к рефлексии, к развитию научного критического самосознания. Объективность а также свобода, независимость от социальной детерминированности, насколько это возможно, возрастает по мере сознания своей роли, своих мотивов и определенного образа мышления и мировосприятия и обусловленности социально-историческим контекстом.

К. Манхейм видит необходимость в сочетании социологии и ситуационно обусловленного мышления для понима-

ния социальной структуры как некоей целостности, и такое познание «не является простым объективным накоплением информации о фактах и их каузальных связях, но направлено на понимание внутренней взаимосвязи жизненного процесса» [2, с. 46].

В работе «Диагноз нашего времени» К. Мангейм также затрагивает проблему социального иррационализма. Ещё в век Просвещения пытались определить, какова роль рационального мышления в обществе и где границы иррациональных сил, а также каково соотношение сознательных моральных и инстинктивных действий. К. Мангейм заново ставит эту проблему как диспропорциональность развития человеческих способностей. Первая половина XX ясно свидетельствует об угрожающей и разрушительной стороне научно-технического прогресса. Философ выдвигает три тезиса по этому поводу:

- 1) Необходимо, чтобы «моральные силы» и «рациональное самообладание» сопутствовали техническому и естественнонаучному прогрессу; в противном случае современное общественное устройство ждёт крушение;
- 2) «рост рациональности, формирование инстинктов и моральности зависят от поставленных данной общественной структурой задач» [2, с. 287]. Социальная структура определяет место человека: одни принимают решения (привилегированная часть общества), другие отказываются от инициативы и понимания – разделение духовных и волевых качеств;
- 3) в отличие от предшествующих обществ, в современном мире невозможно в течение длительного времени существование таких форм диспропорциональности как:

а) разумности и моральности в отношении к прогрессу;

б) неравномерного распределения духовных и волевых сил в социуме.

Причина того, что такая диспропорциональность не может долго сохраняться в современном обществе, заключается в том, что, во-первых, радикально активизируются те группы, которые ранее были пассивны в политической жизни («фундаментальная демократизация общества»), и, во-вторых, в обществе появляется такой феномен, как процесс всеобщей взаимозависимости («Он состоит во все более тесном переплетении различных сфер деятельности» [2, с. 288]). Одним из следствий этой несбалансированности является массовый психоз общества в решающие для него минуты.

Демократия как защита собственных интересов всё больше трансформируется в «демократию настроения» (термин М. Шелера) как «внезапные взрывы настроения масс, ставших объектом различных манипуляций» [2, с. 289].

К. Манхейм выделяет три формы монополизации, препятствующие истинной демократизации общества (оставляя в стороне концентрацию капитала):

- 1) монополизация знания – осознание конкретной ситуации в обществе и принятие решений в руках узких специалистов в определённых сферах;
- 2) концентрация деятельности в руках бюрократии (в сфере государственного управления, хозяйства и культуры) для обеспечения определённого функционального режима в обществе в соответствии с конкретными интересами и целями;
- 3) концентрация средств военной силы.

Тесная взаимосвязь всех частей современного общества позволяет ему быть более гибким, но в то же время и более уязвимым. Любой негативный момент, просчёт или ошибка в сфере экономики, политики и т.п. затрагивает всю

целостность мира, передаётся дальше с повышенной интенсивностью.

Философ ставит вопрос о том, что вызывает и усиливает в современном индустриальном обществе рациональность, а что – иррациональность и что является главным фактором в воспитании как эгоизма, так и чувства ответственности. К. Манхейм полагает, что возможно продиагностировать те ситуации, которые побуждают к рациональному или иррациональному поведению в жизни одного человека и массы. Для этого необходимо, по его мнению, обговорить два основных значения слов «рациональность» и «иррациональность» в социологии:

- 1) «Субстанциальная» рациональность и иррациональность. Субстанциальная рациональность – акты мышления в стремлении познать сущность чего-либо («объективно наличные предметность и ситуацию» [2, с. 293]). Субстанциальная иррациональность – совокупность процессов внутренней (душевной) жизни, не имеющих адекватного выражения в понятиях и категориях рационального мышления (влечения, инстинкты, желания, предчувствия и т.п.).
- 2) «Функциональная» рациональность и иррациональность. Функциональная рациональность – организация ряда действий в соответствии с поставленной целью, где каждый человек и его действие обладают определённой функциональной ценностью. Функциональная иррациональность в этом случае обладает противоположным значением.

Для современной философу эпохи характерна функциональная рационализация почти во всех сферах жизни; высшей степенью этого является бюрократия. С этим К. Манхейм связывает феномен саморационализации, под которым он понимает постоянный контроль индивида над своими желаниями, импульсами, чувствами для достижения цели

или реализации себя в объективной функциональной действительности («если он хочет осуществить объективную, функционально рациональную систему действий или включиться в неё» [2, с. 296]).

Однако действие функциональной рационализации приводит к автоматизму в мышлении и действиях людей, перекладыванию ответственности на немногих управляющих организаторов. Круг «командного состава» становится всё уже и недоступней для большинства, что является новым уровнем отношения масс и элиты. И если раньше у человека страх и непонимание вызывали природные явления, то в индустриальном обществе источником того же страха и беспомощности являются такие необъяснимые и «таинственные» феномены как кризис экономики или инфляция.

Рационализация большого количества людей в крупных городах создаёт там концентрацию масс. Именно в массе человек гораздо больше поддаётся влиянию и внушению, «действию неконтролируемого взрыва влечений и психическим репрессиям» [2, с. 299]. Однако крупное индустриальное общество стремится к созданию функциональной рационализации каждого индивида в этой системе, вследствие чего происходит вытеснение и подавление бессознательных инстинктов. В этом случае любой просчёт или «иррациональная помеха» могут нарушить должное функционирование системы общества.

Массовость как концентрация большого количества людей не всегда негативно воздействует на общество, и многие индивиды не поддаются иррациональному внушению и влиянию. Когда общество разделено на некоторые части (например, «старые органические объединения» во Франции или Англии), процент взрыва иррациональных сил очень мал, поскольку «коллективные влечения и желания направлены в этих малых групповых единицах на их особые цели» [2, с. 300].

Осознанная организация массовых инстинктов проводится в целях:

- 1) уничтожения прежней системы и создания новой религии посредством новых символов;
- 2) достижения рациональных целей или как сублимация вытесненных влечений в повседневной жизни посредством массовых праздников, спорта и т.д.

Опасность социального иррационализма состоит в проникновении его в политику, т.к. сама структура индустриального общества не рационализирована полностью.

Таким образом, в связи с новым этапом развития общества, который характеризуется открытием феномена бессознательного, уничтожением абсолютности ценностей и т.д., философ правомерно ставит вопрос о необходимости формирования новых социальных идеалов в новых социально-исторических условиях.

В индустриальном обществе социальный иррационализм проявляется следующим образом:

1) массовый иррационализм выплёскивается в более широких сферах, что является оборотной стороной фундаментальной демократизации;

2) функциональная рационализация современного общества ведёт к автоматизму в действиях и мышлении, к подавлению и вытеснению инстинктов; учитывая процесс всеобщей взаимозависимости, любой «сбой» в системе может нарушить функционирование всей системы общества.

Современное массовое общество достигло той точки своего развития, когда расчет на естественный ход событий ведет к гибели. Чтобы избежать рокового хода событий, необходимо регулирование, даже планирование социокультурных изменений. Система социального управления, рассчитанная на индивидуализированный элитарный тип в демократии меньшинства, не может в прежнем своем виде ус-

пешно применяться по отношению к процессам, идущим в сфере массового сознания.

Опасность этой ситуации связана с тем, что к власти придут субъекты, которые под планированием понимают одностороннее, функционирующее в их интересах господство силы. Планирование же связано с исследованием и пониманием тенденций развития общества, а также согласование этих тенденций – с действиями управляющих органов и поддержкой любых позитивных сдвигов в этом процессе. Поэтому при переходе к массовой демократии необходим постоянный контроль над тем, чтобы в ходе развития не произошло ее перерождения. Но для того чтобы, контролируя, воздействовать на происходящее, надо знать законы созидательных и деструктивных сил культуры, рациональных и иррациональных начал в социальном бытии.

Рассмотренные концепции Г. Маркузе и К. Манхейма вскрывают важнейший фактор появления и функционирования «социального иррационализма» - тесную взаимосвязь с идеологией и теми процессами, которые протекают в сфере политики и экономики.

Жёсткая необходимость социального управления требует постоянного рационального моделирования диалектики социально-рациональных и социально-иррациональных действий социальных субъектов. Следовательно, нужны такие социальные организации и институты, где будет осуществляться это рациональное моделирование (система образования, система НИИ, система переподготовки политических лидеров разных уровней, система постоянного изучения общественных настроений и т.п.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сциентистская абсолютизация рационалистических моделей социального бытия, безусловно, недостаточна: с данной позиции невозможно объяснить все реальные феномены социальной жизни (особенно учитывая нынешние условия им-

манентной нестабильности общества). С одной стороны, социальное бытие определяется ориентацией на рациональность – одну из фундаментальных ценностных установок современности; но с другой стороны, – появлением «новых» необъяснимых, вселяющих «мистический страх» феноменов (например, инфляция, безработица и т.д.), а также распространением большого разнообразия различных сект, нетрадиционных религиозных движений и т.п. Поэтому необходимо разрабатывать и уделять особое внимание тем концептуальным направлениям этико-философской мысли, которые по-иному расставляют приоритеты ценностей. Возможно, переориентация смысловых мировоззренческих «узлов» неотделима на данный момент от таких идеалов культуры, как естественность, духовность, витальность, отношение к природе (и к человеку как части природы) в контексте восточных этических систем и т.д.

Библиографический список

Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения / пер. с нем. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 423 с.

Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. 700 с.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: АСТ, 2002. 526 с.

Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. М.: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.

Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 784 с.

Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой, Е. Руднева и др.; Предисл. П. Гуревича. М.: АСТ, 2001. 560 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ДУХОВНОСТИ

Андренко О.В., Колмаков В.Ю

В качестве исходных положений возьмём следующие тезисы. Духовность онтологически выводима из фундаментальных параметров бытия. Духовность имеет информационные механизмы своего существования и развития. Следовательно, необходимо рассмотреть макрозакономерности информационного порядка в процессах становления и развития духовности, когнитивности, рациональности.

Думается, далёко не случайно возникновение таких направлений теоретического осмысления биосоциальной сущности общества, как биософия, биосоциология, социобиология, философия биологии, философия медицины – все это говорит о попытке более точного определения нового объекта исследования. Очевидно, этот объект, представленный в соответствующей теоретической модели, должен отражать понимание биосоциальной целостности общества. Необходимы новая философская парадигма биософии и осмысление того, что произошло возрастание количества фактов в современной науке, отражающих биосоциальные и биоантропологические процессы. В то же время, необходимо преодоление фрагментарности исследования сложного и многогранного целостного феномена биосоциальности, необходима современная логика методологии биосоциальной науки. Возможно, такой парадигмой является информационный материализм – инфобиософия, который понимает культуру как информационный механизм, информационную организацию.

Культура есть сложное функционирование информации, для существования которой возникают различные субстраты. Каждая культура порождает свой тип информации. И социокультурные формы определяются количеством и качеством информационного разнообразия. Здесь важно исходить не только из рассмотрения социальных процессов как продолжения биологических, но и понимать их неразрывное единство, например, когда появляется жизнь в форме различных клеток, жизнь, культура. Например, была культура неандертальцев и хомо сапиенс.

Это были две разные культуры? Или то и то есть всё же культура? Они были взаимосвязаны, вполне возможно, даже перетекали друг в друга. Существование культуры на земном шаре, которая в разных формах как бы нащупывает возможности роста, начинает разрастаться, тем самым она существует в определённом многообразии жизнеспособных культурных форм, форм жизни. Если субстрат подходящий, то культура развивается. Таким субстратом может быть зародышевая плазма, о которой говорил Вейсман в своей работе «Бессмертная ДНК». Важно понять, что в обществе и человек может быть такой зародышевой плазмой. Культура во многом зависит от эволюции этого субстрата. Там, где появляется субстрат, который может быть эффективным, там развивается культура. Что такое субстрат в данном смысле? Это и человек и социум.

Субстрат есть социум, и человек – их креативная способность и способность культуры. Например, есть ли у компьютера креативная способность? У компьютера есть продуктивные способности, которые реализуются при помощи человека. Или же можно вспомнить, что древнекитайская цивилизация первой на планете открыла, создала, стала использовать порох, бумагу, тушь, фарфор, шёлк, компас и другие изобретения. Она это открыла раньше всех. Также есть определённые способности к культуросозиданию.

тельной деятельности у неандертальцев или же кроманьонцев. Можно говорить о креативности различных цивилизаций древний майя, шумеров, древнеегипетской цивилизации. Культура это не данность в конкретном виде. Культура есть данность вообще. Культура есть определённый механизм, некая целость, организованная информация, которая может базироваться на разных носителях. Но как она базируется на этих носителях? Такими носителями являются человек и социум, но культура, по сути дела, сама создаёт эту реальность. Была ли, допустим, креативная способность советской культуры при переходе к постсоветской эпохе? Или же задавая вопрос таким образом, мы словно не можем вырваться из некой другой парадигмы рассмотрения и понимания информационной сущности культуры как некого организма. Эти разные уровни понимания культуры, возможно, необходимо обозначить различными терминами: макрокультура, микрокультура и т.д., может быть, система культуры.

Ещё один интересный момент: есть прямая взаимосвязь таких феноменов, как жизнь, культура, творчество. Представим, что первоначальная клетка в процессе своего развития порождает многоклеточные построения, способные жить далее, перескакивая, допустим, млекопитающие. Всё это организовано в определённые биоценозные системы. Если здесь взять подход Докинза, то на самом деле клетка развивается вслед за появлением молекулы белка, которая сама себя способна копировать, она и есть информационная структура, и клетка ей нужна только для того, чтобы она создала условия, в которой живёт её информационная структура, клетка всего лишь её инструмент существования. Далее, клетка – инструмент информационной структуры, допустим, белок, который себя копирует, затем РНК, которая тоже способна себя копировать, далее появляется ДНК. В этом процессе происходит информационное усложнение.

На самом деле, неважно где и что находится, важно то, что существуют информационные структуры, которые несут в себе информацию и которые всё усложняются, усложняются и усложняются. И затем появляются новые свойства, когда ДНК вступает во взаимосвязи с новыми структурами. ДНК надо научить, у него появляются новые свойства. В таком подходе появление головного мозга означает не просто копирование информации, но и возможность использовать другие информационные функции, действия. Один головной мозг – утрируем – передаёт информацию другому головному мозгу. Здесь вступают в действие механизмы иного копирования и передачи информации. В передаче такого уровня появляется информационный механизм, который можно назвать культурой. А что для этого надо? Для этого нужна была клетка, бактериальная клетка или другие виды клеток. Сообщество сложных организмов необходимо для существования культуры. То есть эволюция информационных структур, приведшая к появлению того, что мы сейчас интуитивно видим и, можно сказать, видим с каких-то краёв, с каких-то определённых позиций, не до конца понимая это явление. И называем это культурой. На самом деле этот феномен полувиртуален, потому что одно дело, когда мы имеем дело с атомами, а другое дело, когда мы рассматриваем, какая информация заключена в определённых реальных структурах.

Социальные системы необходимы для функционирования и развития определённой информации. Эти системы появляются как определённые носители. Головной мозг мог быть у разных существ, но у тех организмов, у которых данная информационная функция оказывалась более удачной, они и шли дальше по эволюционной линии развития. Первые социумы появляются у животных. И этот факт очень важен в системе биосоциологического мышления. У тех же шимпанзе есть элементы культуры, которые реали-

зуются только при воспитании, при передаче от воспитателя к воспитуемому, друг от друга, и они не появятся, если потерялись данные навыки. Таким образом, социум и культура, развиваясь в более сложную систему, приводит к развитию субстрата, который необходим для данного процесса, для существования, для дальнейшего появления более сложных организмов, с более развитым мозгом, с более развитой системой организации. И культура есть единая линия развития, где нет прямого биологического наследования. Культура неандертальцев и культура хомо сапиенс – это культуры как варианты одной и той же культуры. На этом этапе в одном субстрате она превратилась в это, она передаёт свой информационный код таким образом, при помощи таких навыков, традиций, способов обучения. А у других форм это будет происходить по-другому, и это может перетекать из одной формы в другую.

Культура может развиваться настолько быстро, что биологические темпы развития субстрата не будут успевать за данным процессом. Культура как бы сама себя порождает. Не человек, а культура создала компьютер, культура создала космические аппараты, киборгов, с одной стороны, и с другой, – она создала социальные институты, сеть Интернет, которые качественным образом меняют характер самой культуры. Что происходит в Интернете? Там происходит становление нового типа культуры. Что там осталось от человека?

Традиционно мы всегда рассматриваем, как эволюционируют организмы и они порождают что-то. А можно рассмотреть то, как эволюционирует информация, которая порождает, отбирает и осуществляет свои соответствующие функции. Эволюционирует некая структура, порождающая эту информацию. И здесь снова появляется вопрос: что здесь курица и что яйцо? Можно сказать, что культура есть информационный механизм, порождающий

информацию. При изменении этой структуры изменяется, соответственно, информация. При изменении организационной субстанции культуры изменяется тип информации, количество информации, системные качества данной информации. Что первично? Первичен субстрат или сама информация, которая способна воздействовать на этот субстрат? Что такое, вместе с этим, сама информация? Информация есть атрибутивное качество определённого материального носителя? Или информация есть функция некой объективно-материальной системы? Функциональные информационные свойства определённой материальной системы, действительно, важны. Как найти выход из такого противопоставления свойств и атрибутивной сущности информации? В первом случае мы рассматриваем информацию как фундаментальное свойство, а во втором – как функциональное свойство. И трудно изменить, преобразовать данный подход, когда мы видим не только процесс субстратной детерминации информации. Важно отметить, что тип информации может заставлять преобразовываться сам субстрат.

Здесь, если хотите, конечно, можно увидеть некий субъективизм, естественно-научный идеализм. Может быть, это научно-субъективный идеализм или что-то подобное? Информация объективно существует, и, если она первична или просто способна оказывать влияние на свой субстрат, то такой подход вполне правомерен. Если появляется новая информация, новый тип информации, то может ли данная информация изменить субстрат, на котором она возникла? В этом случае мы рассуждаем по схеме: есть система и в ней появляется информация. А можно пойти другим путём. Есть информация. Есть система информации. Можно, конечно, сказать, что в этом проявляется такой своеобразный информационный идеализм. Но можно гипотетически предположить данный вариант и попытаться понять его следст-

вия. Если существует информация сама по себе, то она должна найти способы воздействия на свой субстрат, если она без этого субстрата полностью не проявляется. Не получается ли в данном случае схема мышления Платона с той лишь разницей, что мы заменяем эйдос на информацию? Есть информация, которая без носителя не существует, но информация определяет этот носитель. Есть определённые уровни эволюции, для каждого такого уровня есть свой субстрат, который выполняет определённые функции, но сам показатель эволюции, что очень важно заметить, есть показатель уровня развития информации, что справедливо, и наоборот. Информация есть эволюционный модус. Информация может заставлять систему трансформироваться. Информация есть эволюционный модус системы её носителя.

Есть некая реальность, данность, бытие, неважно, как это называется, и у неё есть вещество, энергия и есть модус информации, которая отвечает за сохранение определённости этого бытия в его конкретной форме, при сохранении информационной абстрактной сущности данного феномена. По аналогии с ДНК, в котором есть большое количество ненужной информации, определённым образом приклеенной, они передаются. Для чего они? По-видимому, есть рациональный смысл того, чтобы система не была равна себе чисто информационно. Когда система информационно идентифицируется полностью, избыточно, абсолютно, она перестаёт развиваться. И сегодня, когда общество выходит на уровень возможности построения искусственного интеллекта, важно понять границы информационной ёмкости системы современной социальной реальности. Система не должна соответствовать сама себе, как только она достигает этого соответствия, развитие останавливается, в ней снимутся все противоречия и не будет движения. Гегель указывал, что вещь-в-себе не равна, по сути дела, вещи-для-другого. Вещь не равна самой себе, потому что в отношении к дру-

гому она обретает новые информационные показатели, и это справедливо для открытой системы информационных отношений.

Если система полностью закрыта, то исчерпаемость информационного разнообразия приводит к смерти данной системы. Такой подход позволяет дифференцировать свойства информации и выйти из дилеммы: либо атрибутивный, либо функциональный подходы однозначно являются правильным подходом. Если есть новый тип информационного детерминизма, то можно отметить, что типы этого детерминизма не исследованы в достаточной степени. Информационное развитие вносит постоянные изменения в понимание данного явления. И вместе с тем это вопрос о понимании сущности информации. Понимание информации как структурной организации элементов позволяет отметить очень важный аспект. Изменение структурной сложности есть показатель количества информации. В данном случае мы идём от материальной системы, а не от самой информации. Если пойти с другой точки зрения, то есть от информации, то правомерно рассмотреть все свойства информации и их влияние на носитель, на систему, на субстрат. Биологическая материя в данном понимании есть всего лишь носитель генов. Гены борются за существование, некоторые из них копируют себя в будущие поколения. И для того чтобы делать это более успешно, они вынуждены воздействовать на свой носитель информации.

Аналогично можно рассмотреть подход, предложенный фантастами, когда некий червячок воздействует на робота. Червячок передаётся в следующее поколение. И здесь можно произвести следующую операцию. В гегелевской философской системе заменяем абсолютный разум на этого условного информационного червячка, и система может быть интерпретирована достаточно непротиворечиво. Информационный разум, получившийся в результате данной пере-

становки терминов и сущностей, создаёт для себя новые оболочки существования.

Получается, что информация есть паразит материи. Материя самодостаточна и существует в своей непоколебимой данности и реальности, но как только в ней появляется информация, в ней начинает что-то происходить. Или же, по Аристотелю, есть материя как материал и форма как информационный определитель её характеристики. Неужели все схемы понимания сущности информации открыты великими до появления в их поле сознания проблемы информационности бытия. Аристотель мог бы сказать, что есть информационный модус шара, и вне зависимости от материала шар остаётся шаром. И этой информационной абстрактности шара всё равно, во что именно претвориться. Но может быть и иной подход, учитывая, что форма может быть активным началом, там есть ещё и определённая движущая сила.

Можно далее предположить, что информация есть вирус материи. Вирусы существуют на добиологическом и постбиологическом уровне. Вирус есть информационный модус, изменяющий свой субстрат. Может быть, возможен даже доатомный уровень существования этого информационного вируса. Атом есть организационная структура, которая несёт в себе информацию. Есть ли информация как доматериальное начало? Есть ли она начало материи? Материя вообще – как у Парменида, у Зенона, у элеатов – есть абсолютно неопределима, неподвижна. И, действительно, если так рассуждать, то бытие только таким и может быть. Но как только в это бытие мы вносим информацию, оно становится тем бытием, которое нас окружает. Есть разница между тем бытием, о котором мыслят элеаты, между бытием по разуму и бытием по мнению, по “доксе”. Возможно, это два вида бытия - информационное и материальное бытие. Возможно, то и то бытие материально. Материя есть

вечная, неподвижная, неопределимая. В эту же систему понимания вписываются неоплатоники с их понимание Единого. А как только появляется информация как некий паразит материи, всё меняется. Как только появляется информация, материя превращается во что-то другое, в другой мир, в мир движения и изменения. То есть информация - источник движения материи.

Инфобиософия

Информация есть свойство материального объекта. Но в то же время легко заметить, что болванка, флэшка, любой носитель информации остаётся этим носителем вне зависимости от того, какая именно информация на нём записана. Изменения на этом носителе могут быть одинаковыми для совершенно разных видов информации. Есть нейтральная зона, когда информация на этот носитель ни-как не воздействует. Если мы говорим о том, что информация способна воздействовать на носитель, то этот носитель перестаёт быть носителем, он становится целеполагающим объектом для информационного воздействия. Тогда возникает пан-информационный детерминизм, весь мир есть результат информационного воздействия. Мир – огромный квантовый компьютер, переставляющий элементы информационных модусов в результате информационных воздействий. Тогда и применительно к обществу можно говорить, что социальный мир сохраняет свою определённую в рамках только определённого информационного воздействия. Изменение этого информационного воздействия меняет социальный мир. Определённая неадекватность современного, в том числе глобального, управления связана с тем, что мы исходим в основном из экономических материальных ценностей, но не исходим в достаточной степени из понимания ценности информации.

Конечно, очень важно прояснить отношения между материальностью и информационностью. Можно определить

две позиции понимания. Первая позиция исходит из того, что есть материя. Материя каким-то образом производит информацию, но биоинформация отличается от социоинформации. И есть другой аспект. Есть информация, и она не столько зависит от материи, сколько определяет материю. В первом случае мы понимаем материально-информационный детерминизм. А во втором случае проявляется информационно-материальный детерминизм.

Но как материя может производить информацию? Может быть, только та информация, которая заключена в материи, и которая способна воспроизвести себя. Как видим, достаточно серьёзный вопрос: может ли материя производить информацию? Или только разум как высокоорганизованная материя производит информацию? А можно сказать, что в данном случае категория разума даже и не важна. Категория разум дублирует категорию материи. Разум всего лишь одно из состояний информационного механизма. Тогда удвоение сущностей можно и нужно устранить. Разум есть информационный механизм. Информация есть механизм материи, и этот механизм способен изменять материю.

Информация есть нарушение целостности материи, можно сказать, фундаментальной материи, исходной материи, что далее порождает всё. Всё далее возникающее как бы есть нарушенная материя, в том смысле нарушенная, что она не равномерна и противоречива. Если так, то возникает вопрос: почему не происходит затухания этой неравномерности? Этот вопрос пока является открытым. Процесс затухания, может быть, и идёт в некоторых областях реальности, но в целом информационная неоднородность сохраняется. Например, энергия концентрируется в одних местах и позволяет там увеличиваться этой неоднородности. Может быть, тогда это говорит о возможности существования нескольких вселенных, где затухание одной вызывает возмущение другой. Такие отдельные пузыри или области в чёр-

ных дырах могут обладать изолированной самостоятельностью, но при этом быть в некоторой степени взаимосвязанными с другими отдельными областями реальности. Могут быть изолированные вселенные. Если вселенная одна, то мы её должны рассмотреть как причину самой себя либо искать причину во вне. Причина во вне – либо Бог, либо Абсолютный разум, либо некий вечный двигатель и т.д. Несколько пузырных вселенных могут как раз и работать как этот вечный двигатель, когда одна затухает, вторая набирает информационное разнообразие. Набрав достаточное количество эволюционно развёрнутого многообразия, может воздействовать как источник вакуумного возмущения для затухшей материи, и наоборот. При этом каждая вселенная, находящаяся в стадии информационного роста, доходит до необходимости воздействия вовне.

Можно на этом основании говорить не только о законе сохранения энергии, но и о законе сохранения информации. Если в одном месте информации прибавилось, значит, в другом месте информации убавилось. Сохранение же информации означает, что и увеличиваться выше определённой величины она не может. В этом случае информационная вселенная имеет свой предел информационного роста. Эволюция как таковая в данном случае имеет предел, безграничная эволюция невозможна, сущность развития как возникновения того, что ранее не существовало, несколько меняется. Почти по Аристотелю можно сказать, что есть программа информационной прогрессии, развитие имеет заранее установленную цель. В таком случае возникает телеология информационного и материального развития. Форма есть возмущение материи. Информация в этом случае является движущей силой развития материального мира, двигателем. Прогрессия определена программой. Может быть, интуитивно Аристотель во многом прав с логико-структурной точки зрения и понимания соотношения ос-

новых сущностей реальности. Не факт, что на новом витке осмысления новых фактов не возникнет необходимости вернуться к более глубокому осмыслению идей Аристотеля и попытке их современной интерпретации. Может быть, мы и привносим что-то в систему понимания Аристотелем бытия, но в целом получается, что данный мыслитель создал некую общую, достаточно гибкую схему логического отражения взаимосвязей основных сущностей реальности. Отвергает ли современная наука понимание цели? Здесь можно заметить различие между системой и развитием. У всего есть предназначенность, предначертанность. Есть она или нет? Может, понятие канонизированная эволюция как раз и отражает такое явление? То, что получится в результате эволюции из организмов? Есть некие каналы, в границах которых это развитие будет происходить, но в стороны не будет уходить. Такие каналы, по сути дела, и есть эта предначертанность.

Возможен предел информационному разнообразию, увеличению количества информации, вызывающему уничтожение или сбой данной структуры соотношения информации и её материального субстрата. Как, например, это происходит в результате информационной атаки современных хакеров на определённый сервер, который оказывается неспособным переработать такое количество информации. Информационная онтология позволяет рассмотреть достаточно непротиворечиво картину материальной онтологии.

Есть ситуации, когда информация сохраняется, но смысл и назначение ее уже потерялись. Например, когда гены есть, но их существование бессмысленно, они уже не могут заработать. И в обществе можно выделить ту же самую ДНК, может быть информационное ДНК культуры. К данному понимаю во многом подходили различные исследователи культуры, например, Ю.Лотман. Много об этом говорили в рамках так называемого постмодернистского

понимания культуры, где появилось понятие «текст». Культура понималась как некий сложный и многомерный текст.

Культура есть текст, то есть записанность информации, есть некий генокод информации. И при этом одна и та же записанность, зафиксированность в разных прочтениях может давать разные интерпретации, по сути дела, разные культуры. И при прочтении данной информации теряется некая исходность, идентичность исходной информации. Необходима некая машина для прочтения получаемой информации, как, например, английская машина Энигма, созданная для дешифровки перехваченных сообщений противника. Должен быть кодер и декодер, шифровальщик и дешифровальщик, культура может даже сохранять информацию, переписывать, передавать ее в новые структуры, но не считывать, не понимать эту информацию. Эта передаваемая информация может быть как своя, так и не своя. Музей как накопитель информации не всегда имеет соответствующую структуру, которая бы позволила полностью понимать ту информацию, которая в ней хранится. Мы можем не понимать, как или зачем были сделаны определённые материальные ценности. Но вместе с тем, информация как организационная структура взаимосвязи элементов имеет некий предел разрушения, не происходит абсолютной стираемости информации. Мы можем что-то не понимать, но всё равно мы что-то понимаем, мы определённым образом воспринимаем эту информацию. Мы понимаем, что эта информация что-то значила.

То, что сделала генетика, можно переложить на понимание информационных структур культурологического порядка. И определить, что именно работает в социологии, а что не работает. Все системы, все организмы создают информацию, передают ее, можно сказать, едят, потребляют информацию. Всё живёт при помощи потребления информации. Потребление информации очень важный процесс, но

потребитель может потреблять только определённую информацию. Здесь можно отметить взаимнообратный процесс и зависимость, материя есть информация, информация есть материя, но при этом мы видим разные стороны, может быть, одного и того же. Общество хранит, передаёт, потребляет информацию. Есть механизмы подготовки к потреблению. Даже отбрасывание информации есть некая форма потребления. Мы либо потребляем, либо не потребляем информацию. Потреблять можно по-разному, можно употребить, чтобы отбросить и тем самым использовать. Не употребить можно только в том случае, если она вообще к нам не пришла. Непотребление информации есть некая форма отбора.

В данном отношении возникло понятие «семантические фильтры», которое активно использовал математик и философ В.В. Налимов. Информация есть перед нами в таком количестве, который мы не потребляем, мы видим только определённую, доступную или открытую для нас информацию. Мы что-то видим, например, видим, как солнце встанёт над горизонтом или то, как планета Земля вертится вокруг своей оси, совершая движение по своей орбите вокруг Солнца. Можно видеть либо одно, либо даже то и то вместе.

Культура есть способ использования, в том числе понимания, информации. Понимание, может быть, и есть единственный способ использования. А далее деятельность вносит изменения в эту информационную реальность. Есть, например, некоторые инструменты для обработки дерева или металла и т.д. Но если человек не понимает, как именно можно применить данные инструменты, то они бессмысленны и бесполезны, информация, заключённая в них, не прочитана, в данном случае уже говорится о технологической информации. Духовность возникает не только как функция определённой техногенной системы, но и, наоборот, неадекватная духовность порождает тот техногенный

мир, в котором эта духовность подвержена тенденциям разложения. Эти неоднозначные механизмы необходимо не только обозначить схематически, но и исследовать в их реальной современной конкретике. Что-то с информацией делает что-то. Мы можем только понимать информацию. Семантическая функция является доминирующей в отношении информации. Прямое использование информации есть акт её понимания. Сама информация используется только тогда, когда она понята.

Есть материально-информационный мир, и есть понимание этого мира. Мы не можем пользоваться объектом, если не понимаем, как он используется. В этом определяется наш предел, граница вхождения в данный мир. Если мы не понимаем что-то, то мы это вообще не видим. То, что мы не понимаем, то мы не видим. А не понимаем, потому что наша информационная и материальная структура не готова удерживать эту информацию. Вокруг существует огромное количество информации, законы мы не видим, мы видим явления, если мы не понимаем закона, то мы его не видим. При этом, естественно, информация есть как запись и информация как понимание этой записи. Является ли понимание уже не информацией, это использованием информации? Может быть это метаинформация? Есть жизнь и есть конкретные формы существования жизни, есть культура и есть конкретные формы существования культуры. А что если жизнь и есть процесс понимания информации? Может быть, есть жизненное начало, которое делает живое живым. Есть нечто имеющее свою сущность, не сводимое к материи, как это понимают сторонники философии жизни или волюнтаристы.

Жизнь информационно наполнена, жизнь существует везде, но не везде эта информация задерживается, не везде она понимается, используется. Жизнь есть ещё не разум, но некий способ разумного понимания, опредмечивания ин-

формации, это акт понимания информации. Там, где это происходит, там и возникает живое. Более сложные структуры разумности порождают новые уровни объективации информации. Можно предположить, если считать информацию универсальной сущностью, есть абсолютное информационное поле, которое где-то считывается, задерживается, понимается. Но чем считывается? Есть информационное поле и есть материальное поле, материя потребляет информацию, там происходит возникновение живого. Жизнь есть форма понимания информации. Жизнь есть сущность явления информации, осуществление информации. И разум есть то же самое.

Или, например, один информационный объект воспринимает другой информационный объект, сознание воспринимает другое сознание как чисто информационную структуру. Информационная матрица понимания порождает новую информационную матрицу, следующий уровень, который определяет акт понимания. И разум уже накладывается на эту новую информационную матрицу. Если я понимаю философию Декарта, обладая необходимым знанием, то я понимаю, что можно и не понимать эту философию или не знать о существовании Декарта. Но от этого Декарт не перестаёт существовать как информационный объект. Он перестаёт существовать, точнее, даже и не возникает для меня, как для человека не понимающего. Жизнь не прекращается, она возникает в точках пространства, где возникает понимание жизни. Есть информация, матрица, и там, где происходит акт понимания, соприкосновения, понимания, объединения, там возникает живое. Живое есть процесс работы информации. Тогда вся природа живая? Но везде ли есть акт потребления информации? Атом не может смоделировать всю систему человеческого знания, хотя можно предположить, что с точки зрения деления точки до бесконечности можно всю систему знания записать на любой точке про-

странства. Развитие ёмкости записывающих устройств и носителей информации, создаваемых человеком, показывает явную прогрессию того, как на всё более малом носителе можно записать всё большее количество информации.

Это действительно очень интересный и важный вопрос о новом понимании природы информации. То есть материя как некая первичная сущность, которая не обладает никакой структурой, и есть информация. Там, где возникает информационное возмущение материи, там и появляется объективация. Есть параллельная информационная и материальная матрица, там, где возникает акт проникновения, там и есть реальность. Элементарная частица – элементарная форма информации. Более сложная форма объективации информации есть жизнь. Либо, может быть, когда они объединяются, то и возникает новая сущность, то есть объективированный мир, и он уже выступает матрицей для следующего уровня. Возникает объективация объективации. Это, наверное, может смущать, здесь возникает бесконечность объективаций. Возникают зеркала, отражающие другие зеркала. Не является ли материя гигантской стволовой клеткой, которая принимает конкретные формы объектов и процессов под воздействием определённой информации? Тогда возникает вопрос: что определяет эту информацию? Информация находится в пространстве вне материи, начало мира – это информация. В нашем земном понимании информация как начало, то есть, перефразируя канонический источник, можно сказать, что вначале была информация, и информация была Богом и Бог был информацией.

Действительно, если рассматривать информацию не как пассивную сущность, не только как то, что записано, а информацию как активную сущность, как то, что пишет материю. Есть производители информации. И если они и есть информация, то это, естественно, другая информация, чем та, которая будет записана при помощи их деятельности.

Есть метаформация, есть интроформация. Мир есть соотношение мега-, мета-, интроформации. Мир есть информация, вписанная в этот мир. Максимальная информационная структура задана пределами потенциальной реальности, в которую помещено всё, что возможно.

Биософия как способ понимания записи информации в форме жизни. В клетке заложены механизмы записи информации, в стволовой клетке записана вся информация, но как она будет реализована, определяется, по сути дела, внешней средой. Культура есть некая универсальная информационная матрица, которая приобретает конкретные формы в процессе конкретных условий, акторов и обстоятельств. Не встаём ли мы в данном случае в позицию того, что всё уже есть, заложено и предопределено? А если это не заложено потенциально, не предопределено как возможность, то откуда и как возникают конкретные культуры, конкретные исторические события, самое главное, конкретные живые реальные личности? Понятно, что не может возникнуть то, что невозможно. А если оно возможно как факт реальности, значит оно было в изначальной возможности. Мир как потенциальность частично совпадает с миром, реально возникшим. В этом проявляются контуры потенциальной информационной возможности. Возможность и есть потенциальная возможность материи. А информация? Она и есть информационная возможность – некая потенциальная информация. Материя же есть кинетическая энергия информации.

Неужели всё уже существует? Не получается ли некий новый Экклезиаст? Ничего нового нет, и всё, что существует, есть повторение уже существовавшего? Есть всё же развитие или нет? Здесь возникают важные точки понимания развития. Либо развитие есть то, чего раньше принципиально не существовало, не было. Либо развитие есть реализация некой программы развития. Заложен ли человек в амё-

бе? Дистанция между этими двумя существами настолько разительна, что увидеть единую закономерность достаточно сложно. Но откуда взялся человек, если он потенциально не был заложен в амёбе? Необходимо полагать, что амёба есть некая потенциальная информационная запись человека как реальной конструкции.

Если же мы полагаем, что в данном случае человек не был прописан, заложен, предопределён в амёбе или в чём-то аналогичном, то его появление необходимо объяснять действием неких внешних факторов. Если это абсолютно непредсказуемо, то может быть любой абсурд, любое появление или любая гибель. Здесь мы касаемся проблемы информационной детерминированности. Если что-то не детерминировано, то оно не существовало. Например, у Бердяева мир свободы и есть мир творчества, по сути дела, мир Бога, где нет этой детерминации. В человеке частично дано и то и то. Мир развивается в соответствии с законами детерминированности. В амёбе был человек и не только он как существо. Тогда и в первом атоме, в первой элементарной информационной структуре должно быть записано всё. Но в этом случае непонятно: как в самой примитивной структуре может быть записана потенциальность самого сложного предела? В точке Большого взрыва была вся информация о возможных комбинациях возникающих конкретных структур, всех дальнейших комбинаций реальности. Свобода случайного определена реальными границами. Получается, что чем примитивнее частица как носитель информации, тем она информационно более ёмкая. Получается как у Омара Хайяма: первая заря творенья написала последний лист. По законам абсолютного детерминизма, в первой частице было записано всё, что возможно, что в той или иной форме будет реализовано в действительности или станет реальным в действительности. Но гегелевское: всё действительное реально и всё реальное действительно здесь преоб-

разуется. Возникает формула: всё информационно потенциальное может быть реальным и действительным. Всё выводит из абсолютно первого, из первоначала, из первовещества, из первоинформации. Всякое развитие ресурсно, бесконечного развития быть не может, потому что для бесконечного развития необходимы бесконечные ресурсы. Идея первоначала подтверждает идею информационного предела.

Если мир не бесконечен, значит, мир детерминирован исходной информационной матрицей. И здесь, конечно, можно вспомнить идею Николая Кузанского, который говорил, что как только мы вводим идею бесконечности, так сразу теряется смысл всего. Если есть точка бифуркации, где дальнейшее поведение системы ничем не определяется, то информация не может быть здесь изначально заложена. Но если есть такая точка бифуркации, где ничего далее не определяется, то это мёртвая точка, и такая бифуркация является последним состоянием неструктурированного хаоса, точкой пространства антиинформационности мира. Антиинформационный мир – мёртвый мир, мир, не способный далее быть ничем. Реальность есть реальность, потому что она стремится стать новой реальностью, которую она определяется как реальность. Реальность современного состояния парадоксально определена реальностью будущего.

Если есть то, что ничего не определяет, то это точка порождает нереальность, невозможность, небытие. Если же мир, наоборот, абсолютно индетерминантен, то вся реальность есть хаотичный калейдоскоп случайных состояний. Человек в этой структуре абсолютно случайный элемент. Либо есть пропорция детерминантности и индетерминантности. Но тогда можно увидеть, что здесь могут быть устойчивые пропорции. Наверное, индетерминизма в социальной системе должно быть больше, чем в более примитивных системах организации материи. Можем ли мы обнаружить случайность? Можно вспомнить, как Эпикур пытал-

ся улучшить модель Демокрита, потому что не мог допустить мысль, что всё жёстко детерминировано, нет свободы воли. Если всё предопределено движениями атомов, а наша душа образована наиболее лёгкими атомами, то всё, что нам кажется нашими порывами желаний и чувств, является предопределённым. И он вводит случайное поведение атомов, ничем не предопределённых. И в самом деле, глядя в мир, мы понимаем, что должна быть случайность, свобода, но видим законы. Лишь создание нового, творчество и есть та лазейка, которая ведёт к реализации нового, того нового, которое не предопределено старым.

Если система абсолютно детерминантна, то она жёстко следует законам данной детерминации, программе. Если система абсолютно индетерминантна, то она порождает абсолютную хаотичность, исчезая в результате вообще. Остаётся три варианта. Либо пропорция детерминизма и индетерминизма одинакова. Либо больше детерминизма, либо больше индетерминизма в данной системе структурной организации. Тогда какой из этих вариантов наиболее удачен для развития? Очевидно, система должна обладать устойчивостью, но при этом быть готовой изменяться.

Гены – форма детерминации, носитель некой информации. В одних случаях информация является программой, в других – может не являться программой. При этом часть информации для гена может быть даже достаточно случайной. Гену дана информация, и в этом случае она для него есть необходимость, потому что он не может быть никем, кроме как геном. Например, в каждой клетке нашего организма есть информация о всём организме, но клетка печени развивается в клетку печени, а клетка мозга развивается в клетку мозга, потому что ДНК определяет данное действие. На ген идут внешние воздействия, и для него это является случайностью, хотя в системе более крупного размера данное действие детерминировано. Исходя из чего, можно

предположить, что случайность и необходимость есть уровни различных иерархий.

Для подсистемы событие, детерминированное более крупной системой, может быть случайностью. Понятно: то, что закономерно в одной системе, может быть случайным в другой системе. Здесь важно отметить, что речь идёт о соотношении закономерности в системе и её подсистемах. Организм есть сочетание информационных уровней, информационных систем. Каждая клетка организма есть клетка этого образования, иначе это тело можно построить и из других молекул, и в то же время это отдельный организм. Идея Н.Ф.Фёдорова о собрании человека из атомов на определённом уровне генной инженерии окажется вполне реализуемой. Но человек не просто сочетание молекул, каждая часть его несёт и целостную информацию. Можно сказать, что человек есть определенное количество клеток, сочетание которых индивидуально, эту данность можно записать и воспроизводить при помощи биогенетического принтера. Каждой клетке можно при помощи биоинформационного принтера найти место в системе определённого организма.

Необходимо построить классификацию социумов и уловить некий общий тренд развития. Для этого необходимо взять показатели информационных процессов в социуме и построить некие общие модели информационных формаций. Идею экономического базиса общества в данном отношении можно трансформировать в идею информационного базиса. Получится своеобразное переворачивание схемы Маркса и возвращение на новом витке понимания к схеме Гегеля. Что, если в системе Гегеля заменить термины разум, дух, сознание на информационно активные факторы материи? Такой эксперимент, может быть, достаточно примитивен, но он показывает, что проявятся достаточно корректные типы логических отношений, имеющих вполне здравый смысл.

В целом везде в человеческой истории действует биологический закон информационного разнообразия, информационное многообразие есть способность общества сохранять тех или иных субъектов, которые мыслят в разных информационных парадигмах, кто-то из них окажется способным найти правильное решение в новой неординарной ситуации, когда стандартные решения являются неэффективными и даже губительными для общества. Остальные субъекты, на данном этапе оказавшись ненужными, тем не менее, нужны в системном плане как уровни возможной дополнителности. Более того, правильный субъект не должен оказываться единственно доминирующим, так как есть опасность идеализировать его, придавая ему статус единственно правильного. Информационно однотипные системы погибают.

Кроме производства информации, есть функции хранения, обработки, отбора, передачи информации. Причём есть почти прямая аналогия между такими процессами в клетках, организмах, социуме и человеке. Если информация только производится и нет её отбора, то также возникает информационный хаос. Если мы будем хранить всю информацию, то рано или поздно мы столкнёмся с тем, что цена хранения старой информации превышает способность общества затрачивать некое количество сил, энергии, усилий, ресурсов. Либо отбор необходимой информации из слишком большого количества информации становится долгим и трудоёмким. Необходимы эффективные методы и процессы отбрасывания ненужной информации, очищения от информационного спама. Хранение, отбор информации должны быть сбалансированы. Человек может становиться даже неадекватным, если есть перебор с новой информацией. Он в этом случае, не успевая эту информацию перерабатывать, теряет ценностные точные ориентиры своей деятельности.

Есть корреляция между информационной и биологической активностью общества. Чрезмерная информационная активность общества не является однозначно положительным явлением. Человек, резко помещённый в новую информационную среду, оказывается неспособным в ней ориентироваться. Если количество информации превышает возможности информационных операций системы, то система разрушается. Здесь можно, проводя аналогию, говорить об обществе-аутисте, обществе-шизофренике и т.д. И такое общество изнутри, из самого себя почти не может осознать, что оно больно и неадекватно. В том числе неадекватной может быть даже чрезмерная активность общества или руководителя. Руководитель, который показывает очень высокую активность, но не решает реальные проблемы, очень опасен. Неадекватные общества и культуры отсеиваются историей.

Исходя из того, что в обществе на единицу времени является определённое количество новой информации, можно установить некий порог информационного восприятия. Если современное количество потребляемой информации направить на человека античного общества, то выдержал бы этот человек и не рухнуло бы соответствующее ему общество. Если же общество успевает переработать всю создаваемую информацию, потребить и переварить, то такое общество будет адекватным.

Нужна система внешнего объективного оценивания информационной потенции общества. Общество остаётся сбалансированным и живучим в результате реализации его информационных способностей. Можно предложить общую схему такого оценивания, создания, хранения. Проведённый анализ показывает выявленные информационные структуры и механизмы биосоциального и общеонтологического порядка. Можно определённо сказать, что общество, не способное производить новую информацию, необходимую на

данном уровне развития, может быть, даже информацию, необходимую для будущего, неизбежно погибает. Нельзя мыслить в старой информационной системе в новых информационных обстоятельствах. Необходимо осознать новую информационную реальность. Для этого необходима новая матрица оценивания, которая может состоять из механизмов создания, хранения, передачи, отбора. Либо это можно разделить на два блока. Первый блок включает в себя такие параметры: количество, качество, скорость передачи информации. Второй блок связан с определённым типом использования, в него входят: отбор, аксиологические и этические параметры, хранение, переработка, передача. В целом должен быть интегративный параметр оценивания всей информационной базисной структурной определённости общества и человека.

ПОТЕНЦИАЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОГНИТИВНОЙ ВИРТУАЛЬНОСТИ

Аюрзанайн Б.А., Балакишин В.С., Колмаков В.Ю.

Социум и человек всегда потенциальны, именно эта потенциальность, это пространство нераскрытого является ресурсом дальнейшего развития. Потенциальность и виртуальность, например, в философии Николая Кузанского рассматривались как Божественные атрибуты. Потенциальность является чрезвычайно важным аспектом познания сущности человека. Рассмотрим потенциальность личности с точки зрения структурно-феноменологической модели человека, учитывая, что образование и духовность внутренне взаимосвязаны и эта взаимосвязь носит весьма неоднозначный характер. В этом отношении важно, что мышление – когнитивность, специфика психологии общественного сознания – ментальность общества и образование образуют в целом очень сложный механизм, порождающий определённый тип личности и систему ее потенциальности. С точки зрения социологии и культурологии очевидно и понятно, что доминирующий тип личности определяет эпоху. Но и эпоха определяет личность с позиций того, каким образом устанавливаются границы потенциальных точек реализации. Ещё Р. Декарт с его идеей когнитивной определённости личности заметил закономерность мыслительного определения экзистенции личности как когнитивной точки самосознания. Личность есть то, что она может мыслить и когнитивно-креативно создавать.

Попытки понимания строения когнитивно-ментальной сферы предпринимались различным образом, учитывая, что проблема человеческой личности - это серьезная и широко-

масштабная проблема, требующая синтезированного подхода к её исследованию, не исключая и физического подхода как одного из альтернативных. В данной работе предлагается качественная (физическая) модель человеческой личности.

Целями инновационного образования являются: обеспечение высокого уровня интеллектуально-личностного и духовного развития преподавателей и студентов; создание условий для овладения ими навыками научного стиля мышления.

Инновация - это теоретически обоснованное, целенаправленное и практико-ориентированное новшество, которое осуществляется на 3-х уровнях: макроуровне, мезоуровне и микроуровне. На макроуровне инновации затрагивают изменения во всей системе образования и приводят к изменению ее парадигмы. Как правило, они являются следствием изменений, происходящих в обществе (стране, мире, социуме), и меняют тем самым тип культуры. На мезоуровне инновации направлены на изменения в образовательной среде региона, в конкретных учебных заведениях. В основном речь идет о создании новых учебных заведений на базе новых концептуальных подходов. На микроуровне инновации направлены на создание нового содержания, либо отдельного курса, либо блока курсов; либо на отработку новых способов структурирования образовательного процесса; либо на разработку новых технологий, новых форм и методов обучения. По мнению авторов, в контексте предлагаемой нами модели к микроуровню можно отнести процесс становления субъекта-студента как личности.

Одним из элементов инновационных педагогических технологий является формирование личности студента. К факторам современного социального заказа в системе высшего образования относятся целостное восприятие окружающего мира и ощущение единства с ним, формирование

в современном специалисте гуманистической позиции и экологической культуры, овладение культурой системного подхода в социальной деятельности, овладение мировоззренческим принципом дополнительности вместо борьбы противоположностей, овладение моделью устойчивых систем; овладение позицией <человек свободный> в условиях выбора; преодоление линейного догматического мышления, овладение культурой планетарного мышления.

Проблема личности продолжает привлекать специалистов гуманитарных профессий: психологов, педагогов, историков и философов, но, к сожалению, мало кто интересуется феноменом личности специалистов естественных наук. Проблема человеческой личности - это серьезная, интересная и широкомасштабная проблема, требующая синтезированного подхода к её исследованию, не исключая и физического подхода как одного из развитых форм теоретического мышления. В нашей работе [1] впервые была предложена феноменологическая модель человеческой личности, основанная на нетрадиционной методологии - физическом способе мышления. Ключевым словом предложенной схемы являлось понятие потенциала. Согласно этой модели любой человек обладает энергетической характеристикой – личностным потенциалом - $\varphi_{\text{л}}$, представляющим его потенциальную энергию. Структурно он состоит из 3 или 4 компонентов: природного $\varphi_{\text{о}}$, научного $\varphi_{\text{н}}$, технологического $\varphi_{\text{т}}$ и гуманитарного $\varphi_{\text{г}}$ составляющих. Функциональность модели выражается через градиент, связывающий энергетическую характеристику с силовой:

$$\frac{\Delta \varphi_{\text{л}}}{\Delta x} = \text{grad } \varphi_{\text{л}} = \vec{E} = \frac{\vec{F}}{q_0}.$$

Физический смысл этого соотношения означает: любое изменение личностного потенциала связано с приложением волевых усилий индивида. Кроме того, оно представляет

причинно-следственную связь процесса становления личности, указывая направленность (вектор) человеческой деятельности. Всё это изложено в компактной форме в виде математических формул.

Определение

$$(1) \quad \varphi_L = \frac{A_{1\infty}}{q_0} = \frac{W_P}{q_0}$$

Структурность

$$(2) \quad \varphi_L = \pm \varphi_0 + \varphi_H + \varphi_T \pm \varphi_G \quad \text{или} \quad \varphi_L = \kappa_1 \varphi_H + \kappa_2 \varphi_T \pm \kappa_3 \varphi_G$$

Функциональность

$$(3) \quad \frac{\Delta \varphi_L}{\Delta x} = \text{grad} \varphi_L = \vec{E} = \frac{\vec{F}}{q_0}$$

Ввиду своей альтернативности предлагаемая модель позволяет делать вполне адекватные суждения о гуманитарных проблемах [3,4]. Так, например, согласно нашим представлениям [3] профессионально-культурное становление студента технического вуза означает: а) непрерывное накопление прочных и глубоких знаний и навыков $(\varphi_H + \varphi_T)$, а также богатого жизненного опыта φ_G ; б) активную реализацию их целенаправленным, творческим и полезным трудом. Такое понимание вполне соответствует гуманитарным представлениям [5,6] как переход «потенциального в реальное».

Тезис К. Маркса о том, что сущность человека есть совокупность всех общественных отношений, означает, что если необходимо познать человека, то нужно обратиться к обществу, которое его сформировало, продуктом которого он является. Развитие человека в онтогенезе включает три взаимосвязанные составляющие единого процесса: социализацию, индивидуализацию, персонализацию.

Социализация - накопление научных знаний и навыков, освоение социального опыта. Согласно нашей модели это

означает накопление личностного потенциала и его компонентов: научного φ_n , технологического φ_t и гуманитарного φ_g – и бережное отношение к своей предыстории φ_0 природного потенциала. Смысл формулы (1)

$$\varphi_{\text{л}} = \frac{A_{1\infty}}{q_0} = \frac{W_p}{q_0}$$

сводится к следующим представлениям: а) каждый индивид, как субъект, имеющий личностный потенциал - $\varphi_{\text{л}}$, обязан трудиться, трудиться и ещё раз трудиться, т. е. труд становится тем необходимым атрибутом или инвариантом, без которого становление человека в личность невозможны. Кроме того, он осознаёт, что архитектором или делателем самого себя является он сам (концепция «Я»). Одновременно индивид понимает, что предстоит ему огромная работа, с которой он навряд ли справится в одиночестве; потребуется содружество и помощь других «Я», а также креативность - творчество и содружество с ними. Трудиться, во-первых, индивиду придётся по накоплению личностного потенциала и его компонентов (смотри формулу [2]). Во-вторых, трудиться по реализации их по формуле [3]. В-третьих, труд должен быть не всяким, а целенаправленным, не только физическим, но и опосредованным, полезным, нужным и актуальным.

Говоря об опосредованном труде, имеется в виду умственный труд, деятельность мозга и в особенности работа нейронов как одного из элементарных нанообъектов, широко рекламируемой современной конвергирующей технологии под названием «NBIC-тетраэдр» - конверсия [8]. Этот американский проект позволит не только расширить человеческие способности, но и буквально стереть разницу между «обычной» и виртуальной реальностями. В качестве одного из элементарных нанообъектов взят нейрон, который наравне с другими (атом, гены и биты) символично рас-

положены в узлах основания тетраэдра. К сожалению, ничего не сказано о вершине этой фигуры. В работе профессора Игнатовой В.В. [9] она является точкой оптимума развития духовно-творческого потенциала. В нашей работе [3] она названа точкой бифуркации - перехода потенциальной энергии личности ($\varphi_{\text{л}} = \varphi_{\text{н}} + \varphi_{\text{т}} + \varphi_{\text{г}}$) в кинетическую (мысли, идеи и речь). Поэтому в выше упомянутой «NBIC»-концепции вершину этого тетраэдра можно представить как точку бифуркации биопсихологических нанотехнологий. Таким образом, освоение социального опыта, приобретение знаний и навыков делают человека способным жить и действовать в данном обществе.

Индивидуализация - накопление и формирование разных качеств, зависящих от способностей, талантов и наклонностей каждого индивида. Эти человеческие качества развиваются и реализуются во всём многообразии, и навряд ли можно найти двух личностей с одинаковыми личностными потенциалами, ибо составляющие компоненты φ_0 , $\varphi_{\text{н}}$, $\varphi_{\text{т}}$ и $\varphi_{\text{г}}$ представляют собою бесконечное множество разных черт и особенностей, что приводит к огромному многообразию личностных потенциалов. Тем не менее на практике процесс становления или формирования личности происходит в трёх основных направлениях: гуманитарном, естественнонаучном и техническом.

Персонализация - это формирование или становление личности, человека с особыми качествами, обусловленными в социальном аспекте тем общественным строем, в котором он живёт, выраженными в личностном аспекте интеллектом и силой воли индивида. Как известно, понятия личности и человека являются родственными, но не тождественными. Можно отметить некоторые различия, выражающиеся в том, что человеком рождаются, а личностью становятся; человек может быть разного качества (хорошим или плохим,

добрым или злым и так далее), а личность только одного качества - развивающейся личностью. О человеке существует множество разнообразных исследований (антропологические, медико-биологические, психолого-педагогические и т.д.), т.е. понятие о человеке более широкое и охватывает больший круг человеческой сущности, а личность - более узкое понятие, ибо оно характеризует человека со стороны её социальной сущности.

Гуманитарная психология К. Роджерса [9, с. 44] утверждает об огромной важности всех видов личностного развития человека - психологического, социального, профессионального, духовного и т.д. Показателями его являются новообразования, новые способы действия и формы поведения, приводящие к новым уровням активности и самостоятельности. По А.Н. Леонтьеву [9, с. 46], процесс становления личности понимается как обретение ею разных смыслов: смыслов целей, смыслов интересов, смыслов мотивов и отношений. Ученый утверждает: «Личностное развитие, становление полноценно функционирующей личности значительно более важно, чем помочь людям стать математиком или знатоком французского языка» [11]. Становление личности является не только внешним, но и внутренним процессом, не всегда доступным наблюдению и анализу. Поэтому оно носит характер, зависящий от разнообразных внешних и внутренних факторов.

К последним относятся личностный потенциал $\varphi_{л}$ и его особенности, рассмотренные в работе [1].

Рассмотрим процесс становления личности в контексте нашей феноменологической модели, и для раскрытия механизма этого процесса воспользуемся известной 3-х-кольцевой моделью американского психолога Дж. Рензулли, широко применяемой в психологии и педагогике, суть которой заключается в том, что одарённость ребёнка есть сочетание трёх характеристик или взаимодействующих факторов: ин-

теллекта, увлечённости и таланта по И.С. Лейтесу [7] или сочетание трёх характеристик: интеллектуальной способности, креативности и настойчивости по А.И. Савенкову [6].

Впоследствии Дж. Рензулли их заменил понятием потенциал, но, к сожалению, это понятие нигде не использовано. Мы считаем своевременным восполнить это, используя модель личности энергетической, потенциальной. В контексте 3-кольцевой модели Дж. Рензулли любая личность структурно представляется в виде 3-х колец, каждое из которых символизирует отдельные компоненты личностного потенциала $\varphi_{\text{л}} = \varphi_{\text{н}} + \varphi_{\text{т}} + \varphi_{\text{г}}$. Реализация накопленного личностного потенциала $\varphi_{\text{л}}$ происходит путём разумного сложения и сочетания их компонентов.

Исходное состояние процесса становления личности, когда результирующая сила равна 0 и составляющие компоненты $\varphi_1, \varphi_2, \varphi_3$ разобщены и не накладываются друг на друга, соответствует ситуации временной нетрудоспособности или бездействия, а также дебильности ребёнка. На следующем этапе, когда личность, проявляя определённую силу воли и концентрируя все силы в точку А, совпадающей с центром наложения составляющих компонентов $\varphi_1, \varphi_2, \varphi_3$, субъект достигает желаемых результатов и успехов. Вероятнее всего, в этой же точке расположена и концепция «Я», которая осуществляет контроль над происходящим процессом.

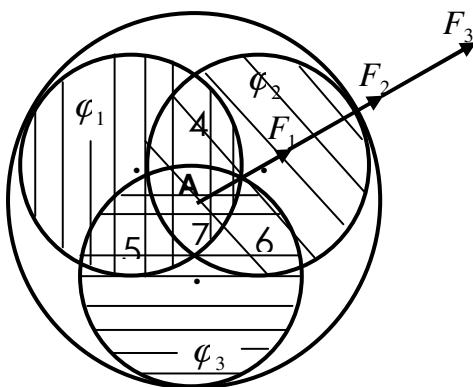

Рис. 1. Состояние реализации

На рисунке 1 представлен механизм накопления и реализации составляющих компонентов личностного потенциала. Цифрами 1, 2, и 3 обозначены соответственно φ_H , φ_T , и φ_G ; цифрами 4, 5 и 6 области наложения парного (бинарного): $(\varphi_H + \varphi_T)$, $(\varphi_H + \varphi_G)$ и $(\varphi_T + \varphi_G)$, а цифрой 7 - область наложения всех трёх компонентов (триадно или тернарно), вследствие чего $\varphi_{\text{л}}$ достигает максимума, а точка приложения результирующей силы совпадает с центром концентрации концепции «Я». Таким образом, в идеальном варианте: а) когда личность развивается гармонично, составляющие $\varphi_{\text{л}}$ растут равномерно, симметрично и однородно; б) индивид максимально развивает свою силу воли, концентрируя её в центре наложения этих составляющих; тогда в) суммарный $\varphi_{\text{л}}$ достигает максимума. И при наличии других сопутствующих факторов временного и пространственного характера достигают высшую степень одарённости - состояние супергениальности, что является элементом мифотворчества в науке и в реальной жизни весьма маловероятное явление. Это состояние, скорее всего,

является пределом или мечтою становления каждой личности.

В реальности ситуация складывается совершенно иная: во-первых, личности развиваются неравномерно и асимметрично в профессиональном отношении. Статистика показывает, что более 80% населения Земного шара - это специалисты гуманитарного направления, и менее 20% - технического и естественнонаучного профиля.

Эта тенденция косвенно подтверждается цифрами, приведенными на XI съезде российского союза ректоров, где сказано, что более 50% студенчества - это экономисты, юристы и другие, а всего лишь 1/20 - желает получить образование естественнонаучное и техническое.

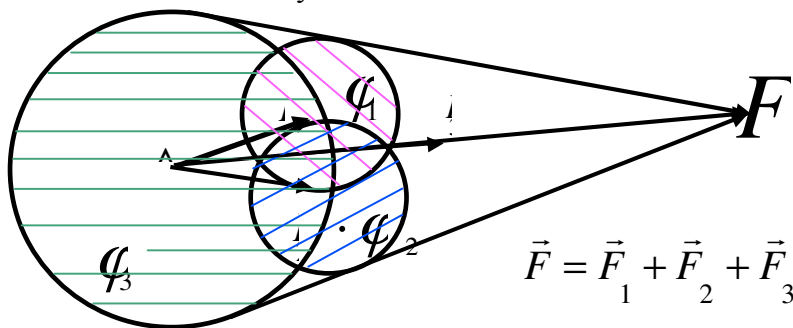

Рис 2 Гуманитарное развитие личности

Откуда следует, что процесс профессионально-культурного развития личности протекает весьма неравномерно, если выразиться физическим языком, анизотропно или поляризовано в направлении гуманитарных дисциплин. К такому же выводу приходим, рассматривая механизм профессионально-культурного становления личности согласно нашей модели и используя 3-кольцевую модель Дж. Рензулли. На рисунке 2 представлен механизм развития личности гуманитарного направления.

Таким образом, в контексте предлагаемых моделей механизм становления личности происходит по циклу, состоящему из следующих этапов: I - начальный, исходный этап - самосознание того, что а) архитектором самого себя является сам человек, б) труд становится атрибутом или инвариантом, без которого становление личности невозможно. II - процесс накопления - трудиться по накоплению личностного потенциала и его компонентов. III - процесс актуализации - трудиться по реализации накопленного личностного потенциала. IV - процесс самоконтроля или саморефлексия. В случае качественно и добротой выполненной работы положительная эмоция вызывает мощную мотивацию к дальнейшему развитию своего личностного потенциала на более высоком уровне. Процесс становится не только циклическим, но и постоянно развивающимся, если выразиться фигурально - по развивающейся спирали.

Потенциальная многозначность менталитета есть пространство возможного смыслового развития культуры. Реально-практическая актуальность интерпретации этой латентной семантичности и есть процесс развития культуры. Как познавательный процесс, интерпретация семантики менталитета образует новые многосмысловые ряды как потенциальные кластеры, в которых записывается конкретная информация о содержании определённой существующей культуры. Ментальность в такой ассоциации есть реальный способ смысловой формализации существующей культуры.

Ментальность является самым сложным социосемантическим феноменом культуры. Менталитет обладает особым смыслоопределяющим статусом и как реально существующий феномен, и как объект познания. Это особое положение определяется тем, что в менталитете максимально полно проявляется исходная, родовая разумная, «сapiесная» природа человечества. Ментальность в таком подходе чаще всего понимается именно как способ существования чело-

веческой рациональности, такое рационализированное понимание ментальности более всего соответствует его тотальной рациональной структурности. В таком подходе ментальность действительно можно понимать как форму рациональности человеческой деятельности.

Потенциальность личности в когнитивной виртуальности проявляется как ряд сфер, областей, зон личностно освоенной потенциальной реальности, личность потенциально многомерна и важно рассматривать феномен человека и общества с позиций не только объективного фактографирования, фактоописания, но и с позиций новых возможностей.

Библиографический список

1. Аюрзанайн Б.А., Балакшин В.С. Феномен личности в понимании физика / Мир человека: Научно-информационное издание, выпуск 1 (24). Красноярск: СибГТУ, 2007. С. 24–28.

2. Аюрзанайн Б.А., Балакшин В.С. Личностный потенциал студента в процессе его профессионально-культурного развития /Повышение качества высшего профессионального образования: материалы Всероссийской научно-методической конференции: в 2 частях. Ч. 2. / научный редактор В.И. Колмаков; ответственный за выпуск С.А. Подлесный. Красноярск: СФУ, 2008. С. 62–64

3. Аюрзанайн Б.А., Балакшин В.С. Развитие когнитивной сферы студента в процессе изучения физики. Мир человека: Научно-информационное издание. Выпуск 3 (26). Красноярск: СибГТУ, 2007. С. 31.

4. Профессионально-культурное становление студента в образовательном процессе / отв. ред. В.В. Игнатова, О.А. Шушерина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 33.

5. Шушерина О.А. Обоснование содержания понятия «профессионально-культурное становление личности сту-

дента вуза». Мир человека: Научно-информационное издание. Красноярск: СибГТУ, 2003. Выпуск 3. С. 118–128.

6. Савенков А.И. Одаренные дети. М.: Akadema, 2000. С. 32.

7. Психология одарённых детей и подростков: учеб. пособ. под ред. И.С. Лейтес. М.: Akadema, 2000. С. 68–69.

8. Аршинов В.И. Конвергирующие технологии и расширения возможностей человека. Философские проблемы биологии и медицины: Выпуск 3: Традиции и новации: сб. материалов 3-й ежегодной научно-практической конференции. М.: Изд-во «Принт-берри», 2009. С. 12.

9. Игнатова В.В. Педагогические факторы духовно-творческого становления личности в образовательном процессе: монография. Красноярск: СибГТУ, 2003. С.103.

10. Аюрзанайн Б.А. К вопросу о феномене личности и её становлении в контексте физического мышления. «Наука. Философия. Общество». Материалы V Российского философского конгресса. Том III. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 14–15.

11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 204.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДУХА

Александров В.Г.

Вопрос о духовном образовании в современной России предельно актуален. Именно слабая духовная просвещённость всех слоёв общества, начиная с элиты государства и заканчивая рабочим сословием, является главной причиной продолжающегося роста напряжения в государстве. Только усилением мер административного давления на чиновников невозможно добиться серьёзного снижения уровня коррупции. Также невозможно только силой принудить класс предпринимателей к социально ответственному поведению. И духовно невоспитанные родители с учителями могут ли сформировать полноценную личность, способную ставить перед собой истинные цели жизни, проявлять силу, обеспечивающую их достижение? Отцы Церкви указывают, что дух творит себе формы. И действительно, каков дух народа таковы и обстоятельства, его окружающие, таковы и руководители, им управляющие, учителя, его обучающие, полиция, его защищающая.... Если совесть в народе не воспитывается, тогда неизбежно в его недрах будут созреть революции и готовность к бунту. В данной статье предпринята попытка ответить на вопрос: что есть дух. Также рассмотрены методы образования духа через воспитание чувств, разума, воли и совести.

«И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины». (Ио.1:14).

Всё сущее на земле имеет внешние очертания, характеристики, качества, которые так или иначе отражают внутреннее содержание. В Слове, Которое стало плотью, внешнее и внутреннее составляли абсолютную гармонию. Плоть была одновременно и духовной и материальной. Внутрен-

нее содержание плоти, полной «благодати и истины» - это и есть дух. Всё творение, все его части, вплоть до того, что называют элементарными частицами, пронизано духом, с одной стороны, удерживающим ту или иную форму организации материи, а с другой, - дух обеспечивает взаимодействие одного объекта с другим, в результате которого создаются более сложные организмы. Не дух ли из, казалось бы, мёртвых, инертных минералов производит на свет растения, совокупная сила устремления которых участвует в сотворении животного царства? Каждое семя имеет свой дух, обеспечивающий рождение и произрастание из него вполне определённых видов живых организмов. Ведь семена растений сеются в одну и ту же землю, но дух каждого вида семени так использует окружающую его среду, что из одинакового набора минералов, воды и света творятся непохожие друг на друга типы организмов. Дух оформляет материю. Правда, очень многие люди об этом даже не догадываются, но только по причине нежелания воспользоваться величайшим даром – способности мыслить, рассуждать, анализировать. Потому и находятся в недостойном положении раба внешних обстоятельств, привычек, болезней, страстей. Происходит это по причине потребительского отношения к жизни, нежелания самостоятельно созидать блага. Это возможно лишь тогда, когда человек начинает служить другим людям своими дарами, т.е. тем духом, который имеет по факту рождения.

Сила духа не проявляется и угасает, если не пользоваться его творческими возможностями. Можно ли активность, проявляемую большинством людей, назвать творческой, если ее используют в виде вещи-материала, т.е. средства производства благ, владеть которыми они не могут? Но и в жизни обычных людей дух нередко показывает свои удивительные возможности, когда, например, смертельно больной выздоравливает, слабый становится сильным, казалось

бы, совершенно бесталанный становится изобретателем, художником, музыкантом, писателем. Происходить это может и на самом склоне лет. В любом виде деятельности, в каждой профессии имеется все возможности для одухотворённой активности. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким рождённым от Духа». (Ио.3:8)

Все, что на земле имеет устремление, - устремлено духом. Если в живой природе дух направляет, например, растение к небу естественным образом, то творение рук человеческих: автомобиль, самолёт, ракета – приводится в движение духом человеческого гения. Именно дух ведёт птиц и рыб за многие тысячи километров в то место, где они могут произвести потомство; именно дух делает домашних животных преданными своим хозяевам; именно дух позволяет человеку выходить из самых тяжёлых ситуаций с достоинством. Конечно, в каждом царстве творения дух проявляется по-разному. В нижних (не в низших!) царствах природы дух формирует основания для более высших. Но как дом не может быть устойчивым без надёжного фундамента, так и в природе все виды и роды творения имеют свои основания.

Дух человеческий властен над миром природным. Он способен изменять качественные характеристики материальных объектов. Магические практики, которые применяются людьми, как раз и основаны на использовании возможностей духа. Только необходимо со всей ответственностью воспринимать евангельские слова-предупреждения о том, что нельзя прибегать к услугам магов, чародеев, колдунов, гадалок, в наше время они часто скрываются под нейтральным названием экстрасенсов. Сила магическая, в отличие от естественной силы духа, достигается не посредством непрерывного очищения души от зла и греха до состояния восприятия Божией благодати, а в результате установления связи с миром невидимым. Христианство указы-

вает на то, что человек в результате повреждения своеволием своей природы находится среди падших, низких, тёмных духов. Кто не обеспечивает преображение своей души стремлением следовать голосу совести, тот в мире невидимом может взаимодействовать только с падшими духами. Личный дух человека страстного: корыстного, завистливого, самолюбивого, похотливого и пр., если не избавляется от своих пороков, не в состоянии самостоятельно освободить от недостатков, проблем, болезней другого человека. Мы способны победить вне себя лишь то, что преодолели самостоятельно, т.е. с Божией помощью, во внутреннем круге своей жизни. Во всех иных случаях чудеса, которые сотворяют обычные, грешные люди, сотворяются не силой собственного духа, рождающейся в результате преображения души, а силой, которая часто неведома тому, кто к ней прибегает, силой падших духов.

Если дух человека не очищается энергией совести, то его отношения с миром духовным являются смертельно опасными. Мы в состоянии взаимодействовать только с теми, кто нам понятен. Дух способен получать энергию с того уровня, на который настроена душа. Если не находимся в состоянии подъёма к небесным ценностям, не освобождаемся от своих грехов по причине неосознания их, это означает только одно: мы, в лучшем случае, «медленно, но верно» опускаемся на дно бытия, в адские сферы. Когда обращаемся за помощью не к божьим носителям духовной силы, мы, может быть, и получим облегчение. Но это будет непременно ловушка, выбираясь из которой отдадим и последние силы.

О том, как проявляются естественные возможности духа, нам показывают евангельские истории о сотворении чудес Христом, начиная с первого чуда в Кане Галилейской на свадьбе - обращения воды в вино. Сделал это Он без напряжения и совершения каких-либо специальных действий.

Просто Он сказал: «наполните сосуды водой... теперь почерпните и несите распорядителю пира». (Ио.2:7,8). Отвечая на вопрос фарисея Никодима, понявшего, откуда у Христа сила творить чудеса («Мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, которые Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог». (Ио.3:2) Христос ему говорил: «истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рождённое от плоти есть плоть, а рождённое от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше». (Ио.3:5-7). Что значат слова о рождении свыше. Конечно же, не то, что судьба каждого человека жёстко предначертана: одни от рождения являются избранными, другим предназначена судьба грешника.

Человек изначально был сотворён как храм Божий, в котором должен пребывать Дух Святой. Всё дело в устремлении собственного духа человека. В творении, на земле, помимо Духа Святого и Его светлого воинства – ангелов небесных, действует отступник: дьявол-сатана со своим тёмным воинством – духами поднебесными (бесами). Если наш дух устремлён к небесным целям, то он и на тело, в котором пребывает, и на своё непосредственное окружение воздействует соответствующим образом. Вопрос только в том, способны ли люди принять благодатную силу сами. Благодать ложится на благодать. Чтобы получить рождение свыше, необходимо к нему готовиться, своим духом приподниматься над землёй, следя за тем, чтобы стремление к тленным ценностям не уводило в нижние сферы бытия. Как достичь состояния подъёма духа в небесную область? Это доступно любому человеку, в каком бы он состоянии не пребывал, ибо у него всегда сохраняется право выбора, а, следовательно, и силы для его совершения. Обычная жизнь обычного человека изобилует ситуациями, проходя которые можно непрерывно укреплять силу личного духа. Для этого

следует обращать внимание на то, что происходит в сердце и уме. Разве они не исполнены злых чувств, недобрых намерений, похотливых желаний, ложных мыслей? Они-то и определяют характер наших дел. Даже если они на первый взгляд и добрые, но сотворяются злым сердцем, то и блага они не принесут. Только узнавание и преодоление в себе того, что оставляет нас во власти зла и греха, и рождает силу, поднимающую наш дух к небесам души. Вспомните: «Царствие Небесное внутри вас есть и силою берётся». Силой, уничтожающей в собственном сердце зло, а в уме ложные мысли, всеваемые врагом из внешнего мира.

Сказано: «Жертва Богу дух сокрушённый...», т.е. дух, преодолевающий гордыню; дух, отказывающийся искать оправдания своим незаконным действиям. Человек, чей дух не смирен и горделив, может достичь на земле невероятных успехов, только доволен ими он не будет. Ибо окажется лишённым самого главного богатства, которое и последнего бедняка делает счастливым. Конечно же, это способность любить, бескорыстно даровать людям свою силу. Дух, возносящийся к Небу, – это дух любви, рождаемый в нашем сердце из искры Божией, которая не угасает в людях до самой смерти. Потому и сохраняется надежда у всех на спасение. Насколько бы не был жалок или преступен человек, это его только внешняя оболочка, скрывающая истинную природу – образ Божий. До рождения свыше от Духа у нас, на самом деле, остаётся только один шаг. Кто вошёл в рай первым из людей? Распятый рядом с Христом преступник, который от всего сердца раскаялся в совершённых злодеяниях. Только, не приведи нас Господь, оказаться нам на месте этого преступника, откладывая на время покаяние в своих грехах. У нас может в самый главный момент жизни не оказаться ни сил, ни времени, ибо дух, погружённый во мрак, может испугаться света. Вспомните, что происходит с нашими глазами, когда выходим из тьмы. Дух наш должен

быть привычен к небесному сиянию уже на земле... «не мерою даёт Бог Духа. Отец любит Сына и всё дал в руку Его. Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нём». (Ио.3:34-36). Не следует считать, что Господь специально кого-то наказывает. Гнев Его уязвляет нас естественным образом. Когда прижигают рану для того, чтобы не распространялась болезнь, причиняют и острую боль. Также и совершаемые нами грехи и зло неизбежно порождают болезни тела и духа, от которых мы не можем не страдать. Но Господь нам непрерывно даёт подсказки о том, чего не следует делать, чтобы не столкнуться с тяжёлыми последствиями. Отвергая наказания Бога, мы, может быть, сами того не ведая, отдаём себя на растерзание сатане. Именно по этой причине многие из людей погибают в состоянии помрачения сознания от алкоголя, наркотиков, страстей и дурных болезней. Смерть попавших в лапы отступника похищает их внезапно, времени на то, чтобы сделать хотя бы один спасительный шаг к истине, хватает не у всех. Потому и необходимо сохранять бдительность, дабы не быть уловленным в ловушки греха. Зло в своей жизни мы не в состоянии победить окончательно, но сопротивляться тому, что наши достоинства обращает в недостатки, обязаны. Кто нам мешает не отвечать на зло злом, не предаваться излишествам, освобождаться из рабства привычек и болезней? Только неестественная слабость собственного духа, его леность, расслабленность. Но самостоятельно, т.е. по своему произволению, остановить своё падение в смерть невозможно. Спасает только вера, именно она придаёт силу духу каждого человека, доверяющему слову Господа. Второе чудо, совершённое Христом, об этом свидетельствует. Когда к Нему в Капернауме обратился «некоторый царедворец, у которого сын был болен» с просьбой об исцелении его, «Иисус говорит ему: пойди, сын твой здоров. Он поверил слову, которое

сказал ему Иисус, и пошёл. На дороге встретили его слуги его и сказали: сын твой здоров». (Ио.6:47-54). И здесь, как при сотворении первого чуда, всё происходило естественным образом. Только в первом вода обратилась в вино по вере матери Его, а во втором по вере Его отца, сын которого находился при смерти. И третье чудо исцеления человека, находящегося «в болезни тридцать восемь лет», связано с его верой. «Иисус, увидев его лежащим...говорит ему: хочешь ли быть здоров?...встань, возьми постель твою и ходи. И он тот час выздоровел, и взял постель свою и пошёл». «Потом Иисус встретил его в храме и сказал ему: вот ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже». (Ио. 5:5-14).

Исцеление как чудо возможно, но далее исцелённый должен укреплять свой дух, с тем, чтобы сохранять себя от совершения проступков, обеспечивая связь своего духа с духом Божиим, с силами мира невидимого. Именно наличие этой связи и обеспечивает вера. Но, как мы знаем, силы мира духовного могут быть и прямо враждебными для людей. С областью духов, сил, энергий человек связывается посредством слова. Поэтому те слова, которые слушаем и которым верим, скрывают в себе вполне определённый дух. Необходимо знать это и очень осторожно принимать на веру то, что слышим, то, что принимаем от других. Христос прямо указывает на силу, которая скрыта за словами: «Дух животворит...Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь. Но есть из вас неверующие...» (Ио.6:63,64). Из этого выходит: в нас пребывает дух того, в кого (или во что) веруем.

Что является самым трудным, когда встаём на путь исполнения заповедей жизни? Это не борьба со своими страстями и недостатками. Ибо и сумевший побороть их может при этом не приблизиться к истине и свободе. Тяжелее всего исполнение заповеди о любви к Богу, ближнему и себе.

До тех пор, пока на первое место ставим любовь к себе, последствия её в нашей жизни будут проявляться самым тяжёлым образом. В этом случае происходит утрата чувства личной ответственности за свою наполненную самыми разными проблемами жизнь. Человек, чей дух поражён самолюбием, неизбежно начинает превозноситься над другими, обвинять всех в своих неудачах, выискивать всюду врагов. Все вокруг такому человеку мешают, дух его становится подобным злому голодному псу, готовому в любой момент накинуться на каждого, в ком увидит чужака. Находясь в таком состоянии, начинаем обвинять не только ближних своих, но и Самого Бога укорять за то, что Он, по меньшей мере, нас не слышит. Хотя мы и окружены энергиями Его любви, но воспринимать их не можем. Благодать накладывается на благодать. До тех пор, пока наше сердце не исполнится духом искренней любви хотя бы к одному человеку, оно будет оставаться в «окамененном» состоянии «нечувствия».

Мы не должны оставлять попыток восстанавливать свою исконную потребность любить. Для начала следует ответить себе на вопрос: могут ли любить нас окружающие? многим ли мы даруем радость; сочувствуем ли кому, помогаем ли без корысти? Если честно посмотрим на себя со стороны, то увидим непременно, что все обвинения, которые предъявляем другим, не в меньшей степени могут быть предъявлены нам. Именно трезвый взгляд на себя помогает осознать необходимость «сокрушения духа», усмирения гордыни. Сделав это, увидим то, что и те, кого считали за своих врагов, порождены, чаще всего, нашим к ним отношением. Но и от явных врагов, нападающих на нас, имея злое сердце, защититься невозможно, ибо ненависть источает силы, делает разум глупым.

Если всем недовольны, постоянно ропщем на тяжёлую жизнь, она действительно будет наполняться трудно пре-

одолимыми обстоятельствами. Но всё дело не во внешнем окружении, а нашем духе. То, на что он настроен, то и привлекает к себе извне. С нами случается то, во что веруем. Если не доверяем словам заповедей жизни, тогда дух наш будет непрерывно уклонять на путь смерти. Христос говорил: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него...» (Ио. 7:38,39). Дух каждого по-настоящему верующего человека соединён с Духом святым. Такой человек не только способен с достоинством переживать любые возникающие проблемы, одухотворять свою плоть, но, подобно источнику света и тепла в ночи, может дать силу любому, кто к нему обратится с верой и надеждой.

«...если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ио.8:31,32). О тех же, чей дух не был способен вместить Его слово (дух) Он говорил: «Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне... Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога». (Ио.8:43-47). Дух наш не вмещает дух истины по причине того, что устремлён прочь от неё, по причине приземлённости преследуемых целей. Он привык находиться в сумеречном состоянии, в которое его погрузила плоть, непрерывно требующая удовольствия. Правда о привычном образе жизни нестерпима, как свет для глаз, привыкших ко тьме, ведь признав её, обнаружим, что время своей жизни растрчиваем напрасно; что кроме лишнего груза имущества, положения и пустых забот об их сохранении, мы за своими плечами ничего не имеем. Если не

поймем, что испачканы грязью, то как можно очиститься от неё?

Пока человек не следует путём познания истины, т.е. соединения с духом слова Божьего, его дух является весьма лёгкой добычей темных, бесовских сил. Их непрерывные попытки воздействовать на нас объясняются просто. Человеческий дух, в отличие от бесов, имеет тело как инструмент и как материал, с помощью которого взаимодействует со всеми уровнями творения. Человек – законный житель обоих миров: видимого и невидимого. Он имеет непосредственную связь как с землёй, так и с небом. Он, как носитель образа Божия, никогда не прерывает связь с Силою сил – основным источником энергии, без которой ни одна тварь существовать не может, в том числе и духовные сущности.

Отступник и его бесовское воинство с естественным источником пополнения сил не имеют связи, а потому вынуждены её отчуждать у других. Главным объектом для них является человек. Когда наш дух увлекается прочь от Бога, он неизбежно погружается в область действия Его противника. Любая активность предполагает расход энергии. Если наши цели лежат в области вечных ценностей, таких как свобода, любовь, совесть, вера, и мы стремимся, чтобы наши «слово и дело», соответствуя друг другу, приподнимали нас к ним, тогда силы не только не будут иссякать, но и будут умножаться. Но для начала нам следует знать, что представляет истинная свобода и любовь. Ибо, по причине нахождения в зоне действия духов поднебесных, у многих из нас представления о вечных ценностях оказались извращёнными. Опошленное стремление к свободе убивает любовь, ибо может опираться только на похоть. Многие из людей свободу воспринимают как возможность без препятствий удовлетворять свои потребности. И дело касается не внешних барьеров, а внутренних, которые устанавливает совесть, нравственный закон, гласящий о том, что не следует делать

другому того, чего не желаешь себе. Когда начинаем освобождаться от совести, тогда и делаем свой дух открытым для прямого взаимодействия с бесами. В результате этого человек, сохраняя право выбора направления своей активности, вместо осуществления выбора между добром и злом, отвернувшись от света, начинает искать место приложения сил в тёмной области бытия, в которой действуют свои правила. Сказано, что мудрость этого мира - безумие перед Богом.

Особенность духа в том, что он не признаёт границ, он постоянно активен. Когда действует естественным образом: преображает, одухотворяет тело, в котором находится и плоть земли, тогда его неуёмность становится подобной ветру, несущему парусный корабль к цели. В этом случае дух является силой, обеспечивающей исполнение слов молитвы: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Как только дух наш перестаёт восходить к обретению ценностей небесного мира, он неизбежно начнёт исполнять волю отступника. Ибо, когда не осуществляется Божия воля, осуществляется воля сатаны – третьего не дано. Дьявол не нуждается, чтобы ему открыто поклонялись, ему не нужно даже то, чтобы о нём знали. Для него вполне достаточно, когда человек начинает своевольничать, не признавать истинность требований совести, законов жизни. Когда выключается свет, естественно наступает тьма. Происходящее во тьме, конечно же, воспринимается по-другому, нежели при свете. Так и дух, погрузившийся во тьму, уже не видит того, что происходит в мире на самом деле. Этим и пользуются обитатели бесовских кругов. Именно там начинают формироваться цели, к которым должен стремиться ничем не насыщаемый дух человека. Его начинают увлекать через множество соблазнов. Желания, потребности переходят естественные границы удовлетворения и быстро обращаются в страсти, каждая из которых является ловушкой, ограничи-

вающей свободу духа. Чем больше сил уходит на расширение возможностей получить удовольствие от чего-либо сугубо земного, плотского, тем меньше получает человек от этого удовлетворения. До тех пор, пока дух наш обмирщён, т.е. устремлён к поиску пищи, питающей страсти, истина будет скрыта от нас.

Говорит Свт. Феофан Затворник о человеческом духе следующее: «Что же это за дух? Это сила, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая сотворение его. Все роды существ наземных изводила по повелению Божию земля. Из земли изошла и всякая душа живых тварей. Душа человеческая, хотя и сходна с душою животных в низшей своей части, но в высшей она несравненно превосходнее её. Что она является таковою в человеке, это зависит от сочетания её с духом. Дух, вдохнутый Богом, сочетавшись с ней, столько возвысил её над всякою нечеловеческою душою. Вот почему внутри себя мы замечаем, кроме того, что видится у животных, и то, что свойственно душе человека одуховлённой, а выше ещё – то, что свойственно собственно духу.

Дух, как сила, от Бога исшедшая, ведаёт Бога, ищет Бога и в Нём одном находит покой. Неким духовным сокровенным чутьём удостоверяясь в своём исхождении от Бога, он чувствует свою полную зависимость и сознаёт себя обязанным всячески угождать Ему и жить только для Него и Им».

Исходя из вышеприведённых слов, можно утверждать то, что именно дух приводит человеческую душу в состояние бессмертия. Без духа душа, как произведённая от земли, по слову Писания, в неё и возвратится. Всё дело в том, что бессмертие это не только благо, ибо возможно «воскресение в осуждение». Душа человека никогда не станет душой животного, даже если обладающий ею человек при жизни уподобился самому подлому из представителей животного царства. Если дух наш не стремиться, будучи на земле, к небу, то он непременно вполне положительные животные качест-

ва своей души обезобразит похотью, злострастностью. Кто куда идёт, туда и приходит. Человек, чей дух в течение жизни не стремился к совершению добра, т.е. к исполнению заповедей жизни, не сможет по истечении срока пребывания на земле оказаться в области действия светлых сил. Душа, поражённая тьмой, сама будет искать способы скрыться от света.

Далее продолжает Феофан Затворник, что жизнь духа проявляется через 1) Страх Божий. Невозможно с ним не согласиться, что «Все люди, на каких бы степенях развития не стояли, знают, что есть верховное существо, Бог, Который всё сотворил, всё содержит и всем управляет...». Здесь может возникнуть вопрос: а как быть с теми, кто причисляет себя к неверующим атеистам? Не вдаваясь в длинные рассуждения по этому поводу, попытаемся дать ответ на этот вопрос – вопросом: есть ли среди людей те, что совсем лишены совести и чувства бескорыстной любви? Часто к атеистам причисляют себя те, кто не желает принимать на себя ответственности за свою жизнь. Атеизм, безбожие – это только проявление страха перед вечностью.

Отрицают существование Бога чаще всего по причине превратного суждения о Нём. Мы говорили, что среди нас не найдётся тех, в ком полностью подавлено чувство любви. Насколько бы не был человек безраличен и зол, непременно в его сердце остаётся место для любви, очищенной от похоти и эгоизма. Многие просто не знают того, что Бог и есть Любовь. Поэтому все так или иначе связь с Ним имеют. А заповеди Его есть лишь предупреждения по поводу того, чего следует остерегаться, чтобы не угасить силу любви к жизни, в том числе и искру своей собственной жизни.

Вторым качеством человеческого духа Феофан называет Совесть. «Сообщив духу частичку своего всеведения в указанном естественном символе веры, Бог начертал в нём и требования Своей святости, правды и благодати, поручив

ему же самому наблюдать за исполнением их и судить себя в исправности или неисправности. Сия сторона духа и есть совесть, которая указывает, что право, и что не право, что угодно Богу и что не угодно, что должно и что не должно делать; указав, властно понуждает исполнить то, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызением. Совесть есть законодатель, блюститель закона, судия и воздаятель. Она есть естественные скрижали завета Божия, простирающегося на всех людей. И видим у всех людей вместе со страхом Божиим и действия совести.

Третье качество духа – жажда Бога. «Она выражается во всеобщем стремлении ко всесовершенному благу и яснее видна во всеобщем недовольстве ничем тварным. Что означает это недовольство? То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не может. От Бога исшедши, Бога он ищет... Сколько бы не имел кто тварных вещей и благ, всё ему мало. И все...ищут и ищут. Ищут и находят, но, нашедши, бросают и снова начинают искать, что и то, нашедши, также бросить. Так без конца. Это значит, что не того и не там ищут, что и где искать следует. Не осязательно ли это показывает, что в нас есть сила, от земли и земного влекущая нас горе – к небесному».

О воспитании и образовании духа

Воспитание – это система мер, обеспечивающих установление гармонии во внутренней сфере жизни человека, ведущих к осознанию им необходимости следовать требованиям нравственного закона, совести. Посредством него обеспечивается перевод внешних требований соблюдения закона в потребность сердца и души следовать ему. Воспитание даёт пищу духу, осваивая которую, он становится сознательным, осознанно устремлённым к высшим целям жизни, связанным с сохранением её единства. Воспитание обеспечивает возможность человеку, как части творения,

становиться целым, т.е. непрерывно расширять границы своих сил, причём, не ущемляя права на жизнь окружающую жизнь.

В результате воспитания, разум и воля, как естественные, природные силы чувств (разум знает, воля желает), начинают взаимодействовать на пути следования к поставленной цели, поэтому воля становится разумной, а разум деятельным. Когда это происходит, то в человеке всё меньше остаётся того, что относят к «бессознательному», к «подсознанию». Если цели, преследуемые нами «не разумны», т.е. не отвечают коренным интересам, а разум не способен отчётливо распознать опасность, тогда начинают сопротивляться им душа и сердце, обладающие изначальным знанием о том, что во благо Жизни. Но если наше сознание направлено преимущественно во внешний мир и «работает» в нем, не обращая внимания на сигналы, идущие из внутренних сфер жизни, то возникнет несогласованность в действиях души, тела и духа, «земное» начало будет отделено от «небесного». В результате произойдет утрата смысла жизни, ибо, когда цель не истинна, то никакие попытки придать ей смысл успеха не принесут.

Как установить истинность преследуемой цели? Что такое цель? Ответ в самом понятии. Двигаться к цели обозначает обретение целостности, цельности. Когда решаемые нами задачи предполагают нарушение принципа единства жизни, т.е. не исключают использование средств, ведущих к нанесению кому-либо ущерба, совершению по отношению к другим людям злых деяний, мы сами становимся открытыми для уязвления злом. Поэтому наше сердце часто сопротивляется тому, куда нас устремляет дух, поражённый страстями или обманом увлечённый к ложным целям.

Внешние цели тогда соответствуют цели нашей жизни, когда не нарушают внутренней гармонии, а она возникает и сохраняется при условии наличия развитого религиозного

чувства. Основная задача воспитания и заключается в том, чтобы и разум и воля в своих выводах и устремлениях опирались на Слово и волю Бога.

Воспитание духа начинается с мер по укреплению веры. Для этого необходимо нашему разуму дать пищу для размышления. Когда разум начинает понимать, что все имеет свою причину и что любое действие приводит к последствиям, тогда желания и чувства, лежащие в основании намерений, можно приводить в соответствие с требованиями совести. В этом случае и действия наши будут ответственными, т.е. осознанными, с точки зрения полезности для жизни. Пока этого не происходит, имеется опасность принять то, что несёт нам зло, за добро. Потому и наши благие намерения на деле нередко оказываются злодеяниями. Если не способны определить то, что является несомненным благом для нас, то сами становимся источником опасностей и неприятностей для ближних. Воспитание связано с осуществлением мер, обеспечивающих, с одной стороны, достижение понимания человеком того, что представляет его природа, во-вторых, со стремлением в своей повседневной жизни соответствовать ей. В человеке должна быть воспитана воля к преображению.

Согласно христианскому учению человек создан по образу и подобию Божьему из праха земного, которому было предано дыхание жизни. Обычный человек представляет собой только некий материал для работы над ним. Процесс образования можно сравнить с работой скульптора. Прежде всего у него вызревает о б р а з. Затем уже, в процессе работы с куском камня, его мастер проявляет. Приступая к работе, художник видит не просто материал, но желаемый результат, и начинает отсекаать всё лишнее. В каждом человеке от рождения заложен образ, отражающий Творца; образ, несущий в себе потенции Бога. Но обычного человека можно сравнить с чудотворной иконой, на поверхности которой

нанесены несколько разных картин, некоторые могут иметь и прямо кощунственный характер. Поэтому, взглянув на иного из нас, можно просто ужаснуться тому, что предстаёт перед взором. Мало того, и сами люди, погрузившись в обыденную суету, в мир страстей, не просто забывают о том, что они представляют собой на самом деле, но даже и не подозревают о том, какой силой и красотой они обладают.

Образование чаще всего затруднено тем, что, во-первых, в человеке не видят Человека, т.е. тот идеал, с которым он должен сообразоваться. Во-вторых, мы сами не ставим перед собой цели собственного преображения, проявления в себе образа Божьего. Происходит это потому, что, устремляясь во внешний мир в попытках достигнуть земных благ, определяем для себя и соответствующий идеал, которому начинаем служить, подражать. В результате в людях видим не главное, а только то, что позволяет нам достичь поставленных целей. Цель и средства меняются своими местами. Ибо земные ценности и возможности должны служить делу проявления человеком совершенных качеств, а когда высшим смыслом жизни становится достижение материального благополучия, и мы начинаем вытравливать в себе то, что может помешать успехам на внешнем поприще бытия. Таким препятствием служат совесть, религиозное чувство. Конечно, тот из нас, кто не видит в себе то, ради чего должен жить, то, что дарует надежду на Жизнь, не увидит и в другом человеке Человека. Потому будет обращать внимание на него либо как на средство, либо как на препятствие при решении собственных задач.

Образование связано с установлением гармонии между духом, душой и телом, между земным и небесным началом. Эта гармония называется Красотой, и она особого отношения к красоте внешней не имеет. Последняя часто скрывает безобразное состояние внутреннего мира человека. Разве

редко в жизни сталкиваемся с тем, что внешняя жизнь людей не складывается должным образом, несмотря на обладание ими тем, что принято связывать с успешностью? Если в душе нашей космос превращается в хаос, то и отношение наше с ближними людьми будет, как говорится в народе, некрасивым. По-настоящему образованного человека отличает вовсе не объём почерпнутых из наук знаний, а его отношение к другому человеку. Когда способны видеть в ближнем его сокровенную суть, способны приоткрыть ему тайну смысла личной жизни, пробудить стремление к ней, тогда нас можно самих называть людьми образованными и способными заниматься образованием других людей.

Говорится в Писании о том, что вокруг спасающегося спасаются тысячи. Происходит это потому, что каждый человек, стремящийся утвердить в себе добродетели, подобен опытному мастеру, восстанавливающему порушенную систему жизнеобеспечения города. Нетрудно представить, что происходит зимой с людьми, жильё которых не отапливается. Именно в таком состоянии находится душа человека, если в ней искра Божья едва теплится. Пока эта искра не вспыхнет ярким пламенем религиозного чувства, пока огонь веры не согреет сердце, человеку будет трудно оставаться наедине с собой. Но разве можно найти дорогу к дому, убегая от него прочь? Образование есть то, посредством чего человек узнаёт дорогу к истинной цели своей жизни, встаёт на неё и, несмотря, на все препятствия, находит силы для их преодоления. И чем ближе мы оказываемся к цели, тем сильнее становится наш дух, тем больше душ достигает энергия находящихся рядом людей.

Мешают нашему образованию, т.е. образованию в нас надёжного фундамента жизни, те страсти, корни которых находятся в самых глубинах сердца. Поэтому помимо образования себя, а через себя и ближних, мы должны ещё заниматься и воспитанием в себе подобия Божьего. Для этого

необходимо укрепление сил, обеспечивающих питание добродетелей, как того, что приводит к смирению страстей. Образование - это путь к духу, путь во внутренние области жизни человека. Воспитание - путь в ближний круг внешней жизни, но с тем богатством-благодатью, которое обретается в результате преображения духа.

О воспитании чувств

Можно говорить о чувствах ответственности, любви, истины, родины, вины и т.д. Можно говорить о чувствах добрых и недобрых, но начнём с религиозного чувства, как того, что отличает человека от всех иных живых существ. Можно утверждать, что оно присуще всем людям от рождения. Мы несём в себе энергии земного и небесного, материального и духовного начала творения. «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». (Быт. 2:7). После смерти земное в нас уходит в земное «ибо ты прах и в прах возвратишься» (Быт. 3:19), а духовное начало «возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл. 12:7). Но почему некоторые из людей отрицают наличие в себе веры в Бога? Только по причине своей погружённости в «житейское море» забот, в мир внешний, преследование целей в котором требует вступления в непрерывную борьбу с другими людьми. В этом случае совесть, религиозное чувство мешают.

Устремление наше к сугубо земным ценностям неизбежно приводит к отрицанию Бога. Ведь то, чего мы не желаем замечать, того как бы для нас и нет. И действительно, разве можно сказать, что мир, в котором живём, полон любви, справедливости, красоты. Но это не означает то, что Создателя нет, или то, что Он зол и несправедлив. Внешний мир для конкретного человека есть проекция его души. Если мы отказываемся следовать Божьим заповедям, заповедям любви, то на какое отношение к нам других людей мо-

жем рассчитывать? Из окружающей действительности можем принимать только те энергии, на которые настроены.

Воспитание религиозного чувства связано с укреплением внутреннего единства человека, с гармонизацией отношений между земным и небесным началом. Оно не может осуществляться без пробуждения в людях стремления соответствовать идеалу, т.е. образу Божьему, скрытому в них. Характеризует то, в каком положении находится это чувство, состояние нашей совести. Когда нам безразлично, какими средствами можем добиться желаемых целей, тогда это свидетельствует об угасании в душе не только веры, но и об искажении, обезображивании всех иных чувств. Именно в этом случае любовь обращается в похоть; ответственность в ощущение того, что все перед нами виноваты; т.е. всё, что могло бы проявиться в нас в виде добродетелей, начинают проявляться как страсти.

Что значит воспитание чувств? Ища ответ на этот вопрос, подумайте о том, что может произойти со строениями на берегу реки в половодье, если предварительно не провести соответствующие защитные работы. Разве редко в жизни сталкиваемся с тем, когда нас тяжело ранят энергии злых сердец близких. Разве не были свидетелями того, что недоброе отношение к иным из людей, рушит их жизнь? А неумение умирять свои эмоции разве не делает и нас невыносимыми для окружающих? Религиозное чувство, облагораживающее своими светлыми энергиями все остальные ощущения, даже если оно в нас присутствует, не может развиваться должным образом вне религиозной практики, вне Церкви, вне таинств, совершаемых в Её стенах священниками. Любые дары и таланты, которыми человек наделён, чтобы принесли благо, должны быть ещё соответствующим образом проявлены.

Сильный от природы дух часто для тех, кто им обладает, является настоящей бедой. Если он своевременно не будет

направлен на созидание блага, то непременно начнёт бунтовать, нанося тот или иной ущерб своей и окружающей жизни. Дух должен иметь возможность питаться духовной пищей. Вне Церкви он может найти такие плоды, которые не сумеет переварить. Каждый человек в обычной земной жизни является членом нескольких сообществ, частью какой-либо системы, вне которой существовать полноценной жизнью не может. Так или иначе, но мы служим другим теми дарами, которые имеем. Иначе не смогли бы ни создать, ни поддерживать, ни развивать систему жизнеобеспечения, культуру, науку, искусство. Полноценной духовной жизни, как и материальной, не может быть вне сообщества людей. Церковь – это не просто место совершения таинств и молитв, это живой организм, непосредственно связывающий мир видимый и невидимый, земной и небесный. И если кто-либо от этого организма пытается отделиться, то тем самым затрудняет связь своего духа с Источником сил.

Как трудовые навыки и знания человек не способен получить вне соответствующей практики в коллективе, так и мироощущение останется тёмным, если не будет сформировано на основе проверенного временем опыта духовной организации жизни общества, народа. До тех пор человек будет индивидуумом, а не личностью, пока не станет ощущать полной ответственности за свою жизнь как неотделяемой части жизни сообщества, к которому принадлежит. Пока мы не руководствуемся чувством меры в осуществлении какой-либо деятельности, до тех пор в результате её будут нарушаться интересы окружающих. Это касается любых форм проявления активности. Например, люди, желающие отдохнуть «на природе», нередко делают это так, что отдых других превращают в ад. Или обратим внимание на чувство голода – если мы всегда отвечаем на него положительным образом, то достаточно быстро он станет одним из хозяев нашей жизни. Так и со всеми ощущениями, посредством ко-

торых осуществляется связь между внутренней и внешней сферами бытия.

Облагораживание внутренней жизни человека невозможно до тех пор, пока в нём не возникнет чёткое представление об образце, которому он должен соответствовать. Для христианина, безусловно, примером для подражания является Христос. Не должна пугать недостижимость той вершины, на которой Он находился при жизни на земле уже потому, что Он – Бог. Евангельские законы даны не праведникам, но грешникам. В каком бы ужасающем состоянии человек ни находился, пока у него не отнято время, для него сохраняется надежда на спасение и преображение. Чтобы почувствовать любовь Господа к себе, нужно полюбить Его образ в себе, в тех, кто находится рядом. Жизнь такова, что если внимательно оглядеться вокруг себя, то обязательно обнаружим пример того, как люди, чьё положение было нашего не лучше, тем не менее находили силы для выздоровления от зла и греха, для очищения от грязи. Многих из нас можно сравнить с драгоценным камнем, брошенным в грязь, с одной только разницей, что мы в состоянии, увидев своё истинное основание, очистить его. В первую очередь должны обратить внимание на свои чувства. Подъём по лестнице успеха в обыденной жизни не менее опасен спуска на дно, если в результате утрачиваем чувство единства с творением, Творцом и людьми. Серьёзную опасность для нас представляет сердце, способное любить только то, что может принести удовольствие. Когда в людях начинаем видеть либо то, что позволяет нам достичь своих целей, либо то, что мешает этому, тогда мы теряем своё человеческое достоинство. Его ядром является способность любить ближних или хотя бы им сочувствовать. Если у нас эта способность угасает, тогда и наши чувства «окаменевают». Мы должны наблюдать за своими чувствами, если они искажены злом и грехом, то нам ничего на самом деле не может

помешать приступить к очищению своего внутреннего мира от них. Ни одно впечатление, приходящее в душу, не пропадает. Мы способны свои чувства контролировать, и должны это делать, чтобы не допустить проникновения в нашу жизнь нечестивых впечатлений. В противном случае они, накопившись, породят энергию такой силы, с которой не будем в состоянии совладать.

Когда в нашей душе чувство ответственности не развито, тогда будем не в состоянии верно оценить события, происходящие с нами. Но в них скрываются все необходимые указания на то, что и как следует изменить в своей жизни, чтобы она не обращалась в смерть. Если сердце не ощущает грозящей опасности, тогда беда и настигает нас. Бог никого специально не наказывает. Но нам указывает посредством заповедей на то, что мы должны остерегаться делать, дабы не причинить себе вред. Разве алкоголика, страдающего от цирроза печени, наказывает Бог? Наши чувства начинают ошибаться, когда острота их восприятия не оттачивается посредством укрепления ощущения необходимости следовать требованиям нравственного закона.

Не даёт «воли своим рукам», т.е. имеет силу не совершать злых деяний, тот, кто не даёт «воли своим чувствам». Известная мудрость гласит: «Когда наше сердце стучит слишком громко, мы не слышим голос разума», понятное дело, какие поступки может совершить человек, не способный обуздать свои эмоции. Поэтому сохранение чистоты чувств является нашей главной задачей, ибо посредством их и взаимодействуем с окружающим миром. Не позволяя своей душе отзываться на непрерывно атакующее зло, мы уже тем самым сохраняем себя от бессмысленной, изматывающей все силы и средства войны с окружающими. Эмоционально неуравновешенный человек непрерывно попадает в ловушки судьбы, ибо ситуации не представляющие опасности, воспринимает как реальную угрозу, а то, что может

привести к несчастью, оценивает как благо. Очищая чувства от грязного налёта страсти, мы вполне способны придать такую силу своему духу, что с его помощью смогли бы с достоинством выйти из любых недобрых обстоятельств.

О воспитании ума

Что свидетельствует о воспитанности наших чувств? Разумная умеренность при их проявлении. Мало ощущать необходимость изменения своего образа жизни, отказа от пагубных привычек, нужно чувствовать в себе и соответствующую силу. Бывает, что уже первые попытки осуществить задуманные преобразования оказываются не просто неудачными, но и наносят прямой ущерб здоровью. Разве может оказаться не благим намерение, например, поститься? Ещё как может. Если мы приступаем к его осуществлению, не исследовав разумом того, для чего пост необходим и как к нему подготовиться, многие, не обладая опытом ограничения в пище, имея нездоровый желудок, вступая в длительный пост, наносят себе многократный вред. Во-первых, могут обостриться болезни в связи с резким изменением питания. Во-вторых, может наблюдаться усиление напряжения, которое недобрым образом скажется на взаимоотношениях с близкими. Желание осуществить хорошие дела приносит не меньше горя, чем открытые злодеяния, если действуем, не используя возможностей разума проявлять последствия деяний. «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт», - говорит народ или: «Простота хуже воровства». Намерения воплотить в жизнь добрые планы, если они созрели в тёмном уме, нередко приносят в жизнь такое разорение, что не сумел бы сделать нам и злейший враг.

«Если свет, который в тебе тьма, то какова же тьма?», спрашивается в Евангелии. Когда в обществе отсутствует реальная практика воспитания разума у людей, связанная с пробуждением у них потребности проявлять выводы и умо-

заключения в свете совести, религиозного чувства, тогда формируется такой тип человека, который в любой момент способен потерять над собой полностью контроль. Если разум находится в сумеречном состоянии и только скользит по поверхности бытия в поисках оправдания того образа жизни, которую ведёт хозяин, то и дух его будет лишён притока естественной энергии небесных сфер жизни. Разум тогда сохраняет нас от совершения ошибок и промахов, когда он приучен опираться в своих выводах не только на факты, открывающиеся ему во внешнем круге творения. Если все цели, преследуемые нами, находятся в нем, то мы попадаем во власть времени и страсти. Это неизбежно потому, что чем бы мы ни обладали на земле, все разрушается, всё может быть отнято, всё добывается путём прямого или косвенного изъятия чужой энергии. Когда человек добивается своих целей, не укрепляя при этом сил своего духа, не раскрывая внутренних возможностей, от достигнутого он не получит удовлетворения. В поисках его начнёт стремиться к расширению границ своих владений и неизбежно перейдёт разумную меру, а потому погрузится в состояние непрерывной войны с людьми, миром и Богом.

Говорится: «мудрость мира сего есть безумие перед Богом». И действительно, нередко можно увидеть, что последствия самых замечательных наших планов оказываются столь тяжелыми, что их преодолению приходится посвятить всю оставшуюся жизнь. Можно ли, например, назвать разумными родителей, считающих, что настоящим благом для их детей будет ограждение от трудностей житейских? Результатом такого воспитания будет как раз то, что многие годы иным из них придётся учиться уму-разуму. Просчитать последствия предпринимаемых усилий невозможно до тех пор, пока наши действия связаны с достижением целей в той области, где господствуют «смерть и время». Ибо в этом случае активность наша, связанная с возможностью

получения благ во внешнем круге бытия, неизбежно будет приводить к не контролируемым нами изменениям. Ведь мы, действуя во внешней действительности, вынуждены опираться на то, что нам не принадлежит, на то, что от нас не зависит.

Всё созданное в материальной сфере бытия немедленно начинает рушиться, тот, кто надеется на свою красоту и силу, неизбежно её потеряет. Власть и богатство не могут принести настоящего удовлетворения от жизни, потому что продлить её не могут, а потому и не стоят того, чтобы на них тратить время и силы. И, тем не менее, ум наш обязан не уводить нас за пределы текущего времени, за границы происходящих событий. Просто он должен научиться за формой видеть содержание, за «буквой закона» его дух. Его не должна вводить в заблуждение видимость мощи зла. Ум наш только тогда перестаёт служить причиной заблуждений, когда обретает способность во всем, что ему открывается, видеть настоящие основания. Он перестанет путать жизнь со смертью тогда, когда научится исследовать и сердечные намерения, и внешние цели в свете религиозного опыта, позволяющего определять в жизни то, что ограничивает свободу, т.е. делает нас рабами обстоятельств.

Острота ума оттачивается в результате направления его сил на исследование двойственной природы вещей, явлений, законов, с которыми он имеет дело. Действительность такова, что в ней ничему нельзя придавать значение абсолютной истины. Как только видим обман, он перестает быть таковым и не несёт той угрозы, на которую рассчитывал обманщик. Тьма есть отсутствие света. То, что кажется несомненной правдой, как только ей начинаешь полностью доверять, вдруг оказывается ловушкой. Пока уму не привита способность в сугубо земных задачах видеть то, что может укрепить нас на пути к Небесному Царству, то и все его попытки утверждения истины приведут к её искажению. В

обычной практике жизни добро и зло могут переходить друг в друга. Несомненным добром для человека является то, что укрепляет его волю к жизни, освобождает от необходимости совершать промахи, грехи. То, что на первый взгляд является прямым злом, тем не менее, некоторым может послужить поводом для наращивания мощи духа, раскрытия внутренних возможностей. Для других же добрые обстоятельства жизни служат причиной утраты ими сил.

По-настоящему воспитанный ум всё, с чем он имеет дело, «примеряет» к конкретному времени и конкретному человеку. Даже если речь идёт о понимании евангельских заповедей. Следует всегда помнить, что границы познания любой из них могут расширяться до самого последнего вздоха в земном бытии. Но как только ум наш начнёт истолковывать относительность законов, явлений, феноменов бытия с целью оправдания нежелания личного преображения, т.е. проявления в себе образа Божьего, он станет утрачивать способность распознавать истину, а потому человек с таким умом быстро начнёт терять и свободу. Мы несовершенны, но только вставая на путь оправдания совершаемых ошибок, на самом деле становимся слабыми, т.е. порабоощаемыми страстями. Воспитанный ум указывает нам на недостатки, но таким образом, чтобы пробудить силу, обращающую их в достоинства.

О воспитании воли

Воля - естественная сила души, и как любая другая энергия может быть применена не только для добрых дел. Мало того, чем больший потенциал в себе скрывает человек, тем серьёзнее опасности его подстерегают. В жизни можно наблюдать, как «половодье чувств» вдребезги разбивает человеческую жизнь. Необходимость воспитания воли вызвана тем, чтобы внутренняя энергия людей могла быть использована ими во благо. Раскрытие талантов, даров невозможно

без упорного, целенаправленного труда. Этого многим людям достичь невозможно без осознания ими необходимости принуждения себя к исполнению евангельских принципов, т.е. ограничения стремления противопоставить свои интересы интересам окружающих.

Для воспитания воли нам достаточно встать на путь исполнения только одной заповеди: «Да любите друг друга!». Все трудности, возникающие на жизненном пути человека, ничто по сравнению с теми усилиями, которые следует проявить для того, чтобы хотя бы с уважением относиться к близким людям, не говоря уже о соблюдении пожелания любить своих врагов. Наша обыденная жизнь состоит из множества событий, не обращая внимания на которые мы медленно, но верно двигаемся на самое дно бытия. Когда позволяем себе находиться в состоянии непрерывного недовольства возникающими ситуациями и окружающими людьми, нашу душу можно сравнить с дырявой посудой, из которой непрерывно вытекает вода. Воля становится слабой только потому, что её силы не используются для предупреждения захвата нас во власть пошлым чувствам, мелким страстям и злым мыслям.

Воспитание воли не предполагает каких-то особенных мер, ибо поводы для этого имеет каждый в непосредственно текущее время. Стоит любому из нас обратить внимание на происходящее в сердце, душе, разуме, мы обнаружим там многое из того, от чего следует немедленно избавиться. Воспитание связано с внутренней бдительностью, способностью трезво оценивать последствия намерений, к осуществлению которых готовимся. В этой практике мелочей не бывает. Если, например, не позволяем своему сердцу непрерывно вспыхивать гневом, если не даём укорениться в нашем уме недобрым мыслям, если угашаем аппетит насытившегося чрева, то это и укрепляет волю. Чем отличается злая воля от воли доброй? Злая воля несовместима с жиз-

нюю. Она подталкивает человека либо к совершению поступков, в результате которых укрепляется над ним власть страсти, либо отвращает от совершения благих дел, например, пробуждая желание перенести их «на завтра».

Настоящей школой воспитания воли является принуждение себя к своевременному исполнению необходимых повседневных дел. Всегда следует помнить: великие деяния совершаются посредством множества незаметных шагов. Каждому понятно, что мастерство в любой из сфер человеческой деятельности достигается непрерывным обучением и трудом. Но даже если наш опыт позволит обрести на земле блага, к которым стремились, это не будет обозначать того, что мы непременно станем счастливы. Для этого необходимо соблюдение одного условия: воля наша должна оставаться доброй, т.е. непрерывно побуждать нас к совершению добрых дел. Когда наша душа настроена на созидание блага, тогда она будет получать и энергию в виде благодати.

Окружающие обстоятельства нередко носят неблагоприятный для нас характер. Мы большую часть своей жизни затрачиваем на то, чтобы защититься либо от природных, либо от социальных условий. Человечество в прямом смысле отвоёвывает у природы необходимые ресурсы. Но далее война перекидывается вовнутрь самого человечества. В его недрах ведётся самая беспощадная борьба за то, что позволяет расширять границы потребления благ. Каждый участвующий в процессе производства-потребления неизбежно оказывается в центре боевых действий, и сам на своём уровне либо атакует кого-то, либо от кого-то защищается. Единственным способом сохранения себя от нечеловеческой жестокости, которую прививает нам действительность, является умиротворение своего духа, установление мира и гармонии во внутренней сфере жизни. Потому проявление доброй воли требует особого напряжения, приходится при-

нимать меры, не допускающие вторжения в личную жизнь злых энергий, которыми наполнена внешняя сфера бытия.

Воспитание воли связано с осознанием необходимости сохранения себя от зла. Это возможно, если мы, во-первых, способны распознавать то, что сердце делает злым, а ум лживым; во-вторых, проявлять волю к искоренению склонности к греху, совершению поступков, ослабляющих жизнь. Не стоит обращать особого внимания на то, что не зависит от нас. Но сколько бы ни велики были злодеяния, происходящие в мире, они не должны служить причиной оправдания того, что наш собственный космос превращается в хаос. Единственной силой, способной нас сохранить от смерти, является сила, рождающаяся в душе в результате приведения нашей воли в соответствие с Божьей волей, т.е. при соблюдении нами заповедей, защищающих нас от уязвления смертью. Для воспитания своей воли нет необходимости в достижении каких-то особых знаний, совершении значимых подвигов. Любой из нас, честно взглянув на происходящее в душе, обязательно обнаружит то, от чего следует избавиться, что следует изменить. Совершение соответствующих действий невозможно без проявления воли, они же являются и актами её воспитания.

О воспитании совести

Св. Отцы сравнивают совесть с голосом Бога, и этот голос никогда ни в одном человеке, ни в одном народе не замолкает. Что бы ни задумывали или ни делали, это может принести нам благо только в одном случае, когда при этом у нас не возникает желание «затыкать уши», чтобы не слышать предупреждений или обличения нас в непорядочности, преступности. Но, поступая против совести, полагая, что таким образом легче достигнем поставленных целей, обязательно промахнёмся мимо настоящей цели. Ибо совесть указывает только то, что может нанести вред нашей

личной жизни и не более того! Когда, решая поставленные перед собой задачи, настраиваемся, в том числе и на нанесение прямого ущерба другим людям, то в нашем сердце уже начинают действовать энергии зла. Совесть нас предупреждает, что прежде чем совершить недоброе дело, мы неизбежно наносим удар по своей душе. Для осуществления злых намерений она должна соответствующим образом настроиться. Но на что она настраивается, то и получает из окружающего мира.

Главным для человека является вовсе не то, чем он владеет, а то, приносит ли его деятельность удовлетворение, т.е. то, что происходит в душе в результате осуществления намерений. Даже если никто в мире не знает, каким образом мы достигли своих «вершин», всегда остаётся свидетель всех наших мыслей и деяний – это совесть. Можно, конечно, на какое-то время забыть о её существовании, но для этого необходимо сделать невозможное – полностью выйти из внутреннего круга своей жизни во внешний, что многие из нас и делают, погружаясь в «суету сует», не оставляя себя ни на мгновение времени наедине с собой. Удовольствия, которые мы можем купить, получить, используя своё положение, не могут принести того, чего мы желаем на самом деле – удовлетворения своей жизнью. Оно не может быть достигнуто, когда наше существование частично, т.е. происходит только в одной из сфер творения, например, во внешней. Может ли быть счастливой душа, истерзанная страстями? А под их власть она попадает неизбежно, когда утрачивает чувство меры.

Определить границы активности, при переходе которых возникает несоответствие между внутренней и внешней сферами личной жизни, позволяет нам совесть. В ней же происходит соединение энергий души, тела и духа, «малой троицы» жизни, сохраняющей в себе искру Св. Троицы. Когда отказываемся слышать и слушаться голоса совести, то-

гда происходит расстройство всей нашей жизни, т.е. единства души, тела и духа. В этом случае невозможно нам установить гармоничные отношения ни с миром небесным, ни земным, ибо что бы человек, находящийся в состоянии внутренней войны, ни делал, от него будут исходить только энергии разрушения.

Совость соединяет в себе возможности религиозного чувства и ума. Само по себе чувство, пока отчётливо не оформится в слово, не сможет оказать должного влияния на волю, а, следовательно, и на поведение человека. С другой стороны, ум, не взаимодействуя с религиозным чувством, не в состоянии определить те границы, переходя которые наши чувства извращаются в страсти, а потому не способен «образумить» и волю. Но когда религиозное чувство соединяется с умом, оно обретает способность «говорить», т.е. сообщать нам о том, что в наших намерениях и действиях приведёт к промахам, ошибкам.

Голос совести – это не аллегория, не результат художественного приёма и, конечно же, не выдумка. Трудно объяснить состояние души и ума человека, который отрицает существование совести. Чтобы убедиться в том, что её голос звучит, стоит только обратить внимание на любой из совершённых поступков, и мы услышим его оценку. Можно какое-то время и не прислушиваться к идущим из глубины сердца предупреждениям и призывам. Но в результате этого груз ошибок, проступков неизбежно станет нарастать, и обязательно проявится в виде роста напряжения и во внутреннем круге жизни, и во внешнем. Отсюда разнообразные физические и душевные болезни и никуда не годные отношения с самыми близкими людьми.

Нравственное воспитание начинается с воспитания ответственности. Но разные люди по-разному понимают и её, в том числе. Разница в понимании возникает по причине преследования разных целей. Поэтому один вполне поря-

дочным поступком считает и прямой обман ближнего, ибо это помогает решению поставленной задачи. Другой полагает, что необходимо придерживаться норм поведения, принятых в группе, в которую он входит, несмотря на то, что это наносит вред здоровью. Очень многие из нас линию своего поведения определяют, отвечая на внешние вызовы, попадая под влияние сложившихся стереотипов, желая подражать кумирам. Такое поведение не просто безответственно, оно лишает человека главного дара, которым он обладает, – свободы. Самыми безнравственными являются добровольно сдавшиеся в рабство. Когда происходит наша капитуляция перед врагом рода человеческого? При осуществлении попыток переложить ответственность за то, что происходит с нами, на других, на тяжёлые обстоятельства жизни. Мы создаём кумиров, ищем опору в авторитетах только для того, чтобы оправдаться перед своей совестью, чтобы снять с себя ответственность. Проще всего вводим себя в обман, когда начинаем себя успокаивать тем, что делаем всё, как все. Но это вовсе не означает того, что можем избежать ответственности за свои деяния или бездействия. Когда наступают последствия, за спины других скрыться невозможно, ибо, если приходит горе-беда, то она касается именно нас, и нельзя оправдаться тем, что когда-то послушались кого-то. Настоящей причиной наших проблем является всегда то, что мы не желали в своё время внимать предупреждениям совести.

Каждый человек выступает в роли и воспитуемого и воспитателя. Особая роль в деле облагораживания нашего характера, если мы являемся родителями, принадлежит детям. Именно в них как в зеркале отражаются все наши преступления против своей совести. Если мы не сопротивляемся страстям, не пытаемся избавиться от недостатков, не возвращаем в своей душе добродетели, то наше несовершенство будет проявлено умноженным в детях и воспитан-

никах, нам подражающих. Поэтому, если что-то в их поведении нас начинает тревожить, самое время обратить внимание на свой внутренний мир, совесть. Если у нас будет достаточно мужества и мудрости, обязательно обнаружим в себе то, что искажает её сигналы до неузнаваемости. Тот, кто преступает закон, оказывается вне закона, в том числе и вне его защиты. Например, когда нарушаем правила техники безопасности в любой из сфер жизнедеятельности, мы выходим за пределы их действия, а потому наша жизнь перестаёт быть неприкосновенной.

Но если в быту нарушения установленных правил и законов не всегда приводят к тяжёлым наказаниям, бывает, что преступники и мошенники скрываются от правосудия до смерти, то в жизни души ни один случай нарушения нравственного закона не остаётся без последствий. Когда мы не проявляем свои намерения и деяния в свете требований совести, это означает, что мы на самом деле не понимаем и то, что с нами произойдёт в результате. Именно потому, стремясь к благу, нередко наносим удары по своей жизни, уродуем судьбы близких людей.

В качестве средства воспитания нашей совести может служить определение и изменение в себе того, что мешает установлению добрых, мирных отношений с окружающими. Следует понимать, что за любым фактом недружеского к нам отношения скрывается конкретная причина. Одно дело, если нас ненавидят, не любят, не терпят за то, что утверждаем Истину, но кто из нас может, находясь в здравом уме, причислить себя к святым? Другое – за то, что находимся в состоянии непрерывного роптания на жизнь и осуждения окружающих либо одержимы бесом гордыни. В любом случае к нам относятся так, как этого мы заслуживаем. Потому не следует обижаться на других за их отношение к нам, а необходимо честно исследовать в себе то, что влияет на характер нашего взаимодействия с окружающими. Все

ответы на волнующие вопросы всегда расположены в самом ближнем круге нашей жизни. Проблемы, с которыми сталкиваемся, есть не что иное, как указание на барьеры, не преодолев которые, мы не сможем изменяться должным образом. Потому и тяжесть решаемых задач будет только возрастать.

Если внимательно посмотреть на причины жизненных неурядиц, то увидим, что значительная их часть носит моральный характер. Нам всё время приходится выбирать между добром и злом. Но ещё большую часть своего времени и сил затрачиваем на «лечение ран», которые наносим своей душе, поступая бессовестным образом. Когда наши поступки связаны с нарушением нравственного закона, последствия наступают немедленно. Но, не желая слышать предупреждающего голоса совести, поступая произвольно, будем не в состоянии связать возникновение в нашей жизни недобрых обстоятельств с тем, что происходит внутри нашего сердца. Промахи и ошибки только тогда становятся по-настоящему опасными, когда не видим настоящих причин их совершения. А видеть их мы не будем, если наше внимание рассредоточено на объектах и явлениях внешнего мира. Пока не возникнет понимание, что характер их воздействия на нас отражает состояние нашего духа, до тех пор внешние обстоятельства будут складываться стихийным образом, а усилия, связанные с достижением поставленных целей, будут приводить к неожиданным последствиям.

Созидать истинные блага может тот из нас, кто непрерывно трудится на поле своей души, прислушиваясь к совести. А она предупреждает нас только об опасностях, которые возникнут при осуществлении намерений на практике. И если мы не стремимся искоренить в самом зародыше то, что проявится в виде злых поступков, то уже до их совершения тёмные энергии будут притягиваться в сердце и поражать внутренние сферы нашей жизни. Воспитание со-

вести предполагает развитие понимания того, что не только поступки должны проявляться в свете нравственного закона, но весь характер внутренней жизни определяться необходимостью сохранения себя от зла уже на стадии зарождения намерений. В противном случае душа наша может быть настроена таким образом, что начнёт, как магнитом, притягивать к себе злые силы. Если наш дух настроен на достижение целей таким образом, что готов использовать любые, в том числе безнравственные средства, то наш ближний круг жизни будет представлять подобие театра военных действий. Когда ради утверждения своих интересов начинаем пренебрегать интересами других, а тем более их попираем, то это неизбежно приведёт к тому, что и в нас будут видеть если не врага и помеху, то «пустое место».

Говоря о воспитании совести, необходимо иметь в виду, что совесть сама является воспитателем нашим. А для того чтобы воспитатель хорошо выполнял свою работу, он должен иметь соответствующую квалификацию и опыт. В отличие от обыденной жизни, где получаем какую-либо профессию, в которой можем всю жизнь совершенствоваться, во внутренней сфере каждый из нас обязательно выступает и в роли воспитателя своих чувств, ума. Эту задачу не можем не решать, но можем делать это хорошо или плохо. В зависимости от этого и складывается характер отношений с окружающими людьми. Мы всегда имеем дело с теми, чей дух нам близок. Известная пословица гласит: «Рыбак рыбака видит издалека». Для понимания того, в каком состоянии находится совесть, необходимо внимательно посмотреть на то, к каким средствам прибегают ради достижения своих целей люди, которых мы уважаем, с которыми мы дружим. Себя многим из нас оценить правильно весьма трудно. За то все мы – большие любители давать оценку окружающим. Если честно исследовать причины того, за что «любим» или «ненавидим» других, то будем способны определить и со-

стояние, в котором находится наша совесть. Мы часто готовы прощать людям их недостатки только потому, что на их фоне мы выглядим лучше. С другой стороны, мы просто не выносим рядом с собой людей высокоморальных, и происходит это только потому, что они являются свидетелем нашего безнравственного поведения.

Благая весть для любого человека и в том, что совесть присутствует в каждом, и голос её до конца заглушить не удастся. А потому для любого человека, насколько бы глубоко его падение не было, сохраняется надежда на то, что он услышит Истину и обратится к Ней. Каждый из нас, внимательно посмотрев на судьбы рядом находящихся людей, может обнаружить примеры как преображения, так и морального их одичания. Нередко в совершенно одинаковых условиях развиваются люди, обладающие прямо противоположными качествами души. Многие придерживаются формулы: «Бытие определяет сознание». Отчасти это так, но жизнь показывает иное: дух человека оформляет обстоятельства, т.е. его бытие. Всё дело в том, чем направляется наш дух. В любом случае он опирается на совесть. Но у одних она позволяет совершать такое, что у других ни при каких обстоятельствах будет невозможно.

Совесть, хотя она и является естественным, присущим от рождения чувством, позволяющим распознавать добро и зло, у разных людей проявляется по-разному. У одних её голос звучит отчётливо всю жизнь, у иных она пробивается до ума с большим трудом и не имеет особого влияния на волю. Задача воспитания – в очищении души, сердца от того, что не позволяет нам воспринимать в ближних их суть, которая не отличается ничем от нашей. Мы начинаем обретать человеческий облик только тогда, когда способны чувствовать боль другого человека, сопереживать ему. Безнравственность возникает как следствие представления о

внешнем мире и людях как условии и средствах удовлетворения своих потребностей и желаний, самоутверждения.

Основной причиной низкой моральности является либо недостаток любви, либо слепая любовь. Часто в семьях, внешне очень благополучных, вырастают дети бессердечные, самолюбивые, ставящие ни во что интересы людей, их окружающих, а всё потому, что таковы были их родители-воспитатели. Любимый человек, в особенности ребёнок, жаждет в первую очередь понимания, внимания, сочувствия, а это связано с необходимостью уделять им время, т.е. с реальными затратами собственных сил. И когда тот, кто призван быть воспитателем, а это относится к каждому родителю, начинает экономить свои силы, пытаясь откупиться от своего чада подарками-подачками, или применяет наказание, то нередко становится совершенно чужим человеком. Если воспитуемый не имеет примера истинной любви к себе, то мало вероятно, что его совесть обретёт силу. Наша любовь искренна тогда, когда позволяет тому, на кого направлена, выявлять и уничтожать в их сердце то, что приводит к возникновению очагов зла, и обеспечивать развитие способности созидать добрые дела. Совесть воспитывается любовью, но только той, которая рождает потребность освобождения сердца от зла и греха, т.е. совершения недостойных поступков.

СОВЕСТЬ И СТЫД. Стыд, в отличие от совести, может быть ложным. Бывает, что мы себя чувствуем неловко и перед людьми безнравственными, входящими в сообщества, преследующие не добрые цели. Именно ложное чувства стыда способно заставить нас поступать против совести. Например, некоторые из людей, считающих себя верующими, проходя мимо Церкви, не могут перекреститься и отдать поклон. Другим стыдно отказаться от участия в пустых или вредных мероприятиях. Третьи не способны по причине ненужной скромности встать на защиту своих интересов или,

что ещё хуже, интересов близких. Это происходит потому, что у нас во внутренней сфере жизни не выработаны принципы утверждения истины, и мы продолжаем искать только то, на что можем опереться во внешнем мире.

Священник Константин Островский указывает: «Совість нас обличает, когда мы делаем, что не должно. А стыдно нам, когда открывается то, что должно быть скрыто. Путаница возникает из-за того, что мы по гордости всячески стараемся прятать от всех свои плохие поступки и выставлять напоказ хорошие». Другими словами, совесть открывает нам в нашей душе то доброе, на что не следует обращать внимание, ибо оно относится не к заслугам, а к естественным качествам. И если их проявляем, то нас нельзя хвалить, как и солнце, которое светит для всех, потому что оно солнце. С другой стороны, совесть указывает нам, на что всегда необходимо обращать внимание: на наши недостатки, ошибки, слабости. Она не должна нам давать покоя до тех пор, пока не встанем на путь их преодоления. При этом следует помнить: как только совесть перестанет нас укорять, значит, мы перестали её слышать и слушать.

Стыд, в отличие от совести, нередко заставляет нас закрывать глаза на своё недостойное поведение только для того, чтобы утвердиться в глазах людей или просто не выделяться из сообщества, даже если оно является пошлым или преступным. Бывает, нам стыдно признаться в своих дурных поступках, а так как при их совершении совесть будет нас укорять, то станем искать себе оправдание и найдём его. Но каждый акт самооправдания связан с утратой силы, ибо отказ от признания своих ошибок и исправления их последствий неизбежно приводит к прохождению тех испытаний, которые необязательны, т.е. неестественны. И мы вместо того, чтобы подниматься вверх по лестнице своей жизни, вынуждены тратить время на то, чтобы вернуться на ступени, с которых скатились, сошли.

Чувство стыда, конечно же, может быть добрым (оно чаще всего таковым и является), если вызывается к жизни силами совести. Именно в этом случае мы начинаем стыдиться того, когда начинаем в угоду чувству гордыни утверждаться среди окружающих своими достижениями, талантами, достоинствами. Эта слабость многих из нас не покинет до окончания земного пути, вот её и необходимо непрерывно опалать огнём стыда. Совесть, если она сильна, не допускает возникновения в нашем внутреннем мире очагов зла и греха, именно она сохраняет в чистоте чувства, намерения, мысли. Но жизнь такова, что редко кто из нас способен на деле удержаться в рамках требований нравственного закона и не совершает недобрых поступков, тогда должно действовать чувство стыда. Оно должно пробуждать волю, направляющую дух на недопущение совершения недолжных деяний. Поэтому как только у нас возникает чувство неловкости перед кем-либо из людей, необходимо немедленно прислушаться к тому, что по этому поводу может сообщить нам совесть. Только в этом случае наша стыдливость не окажется ловким прикрытием порочности.

Стыд есть орудие совести, но, как и любое иное средство, оно может быть использовано против того, кто им обладает. Как путь обретения святости неосторожных людей приводит к падению в состояние прелести, так и дух, пораженный гордыней, начинает использовать возможности чувства стыда с тем, чтобы заглушить голос совести. Когда это происходит и воля переходит границы, устанавливаемые моральным законом.

СОВЕСТЬ И ВОЛЯ. Разум мне говорит: «Ты не похож ни на кого», а совесть его поправляет: «Ты такой же, как все». Нередко в жизни случаются ситуации, когда разум кричит от отчаяния и ужаса: «Ничего невозможно исправить!». Это, например, бывает, когда совершено и раскрыто преступление или смерть похищает у нас близкого челове-

ка. Но совесть в любых ситуациях нам скажет: «Можно всё начать сначала. То, что происходит с нами, – это только урок». Дело в различии характера происходящего во внутреннем и внешнем круге жизни, между жизнью духовной и земной. Когда мы обращаем внимание на мир видимых, материальных явлений, то в нём неизбежно сталкиваемся с разрушением, обращением прекрасного в безобразное, одно только старение организма чего стоит? В мире внешнем царит несправедливость, ибо в нём человек, заглушающий голос совести, пытается утвердиться силой и хитростью над окружающими. Люди, вышедшие из себя, удаляющиеся прочь из внутренних сфер бытия, неизбежно вступают в состояние войны, причём такой, в которой непременно терпят поражение и попадают в рабство более «сильных». Когда преследуем свои цели, утверждаем свою волю и правду, перестаём видеть в окружающих людях то, что связывает, сближает с ними, у нас угасает чувство любви, сострадания, потому что других воспринимаем как чужих. В этом случае и окружающие воспринимают нас как чужаков и стараются отторгнуть либо использовать как материал, средство для достижения цели своих целей.

До тех пор пока будем утверждать на земле свою волю, т.е. преследовать цели, допускающие пренебрежение окружающей жизнью, будем подобны разоряющим фундамент своего дома. В один момент он рухнет и придавит нас своими обломками. Пока наша воля не направляется совестью, указывающей на необходимость утверждения в нашей земной жизни воли Отца Небесного, до тех пор и победы будут поражениями. Но как только наша воля начнёт становиться продолжением Его воли, т.е. соотноситься с требованиями нашей же совести, тогда всё, что бы не происходило вне нас, может служить делу укрепления личной жизни. В этом случае ни смертельная болезнь, ни лишение свободы или имущества, власти, славы не смогут причинить

вреда, но, напротив, только послужат причиной укрепления духа, утверждающего наше пребывание в вечности.

Совость находится вне контроля разума и воли, поражённых страстями, погружающими нас в мир земных соблазнов. Если мы совершаем недолжные, т.е. не совместимые с жизнью поступки, то сердце непременно будет нам об этом сообщать. И каким бы уловкам ни прибегал наш ум для оправдания преступной воли, скрыться полностью от обличений совести никому никогда не удастся. Ибо, когда действуем произвольно, преступаем законы Жизни. Это обозначает только то, что начинаем утрачивать силы, обеспечивающие нахождение в состоянии здоровья тела, души и духа; с другой стороны, обеспечивающие возможность управления складывающимися обстоятельствами. Совость сообщает нам о том, что воля перестаёт участвовать в деле нашего преобразования. Сердце знает, когда воля извращается в волю к смерти, и всегда стремится указать на это нашему уму.

Жизнь такова, что на каком бы уровне её ни находились, мы всегда либо рискуем споткнуться и упасть, либо подняться с колен и устремиться к небесам Вечности. Силы наши неизбежно истощаются, когда, не обращая внимания на предупреждения совести, начинаем своевольничать. В этом случае уподобляемся тому, кто решил плыть против течения. Но тот из нас, кто направляет свою волю в русло исполнения воли Создателя, неизбежно открывает в глубинах своей души неиссякаемые источники благодати. Она позволит с честью разрешить любые из проблем, возникающих в земной жизни, достойно пройти испытания Смертью. Совость свидетельствует нам о том, что не позволяет воле к Жизни обращаться в волю к Смерти. И не более того!

СОВЕСТЬ И РАЗУМ. Невероятной силы синергия жизни возникает, когда совость и разум действуют, дополняя друг друга. Ибо разум, исследующий преимущественно

земные сферы бытия, не ошибается только в случае, когда опирается на знание сердца, т.е. слышит то, что говорит ему совесть. Цели, преследуемые нами, истинны тогда, когда в результате этого сохраняется целостность нашей природы, соединяющей в себе небесное и земное начала. Совесть, если не находит опоры в разуме, утрачивает свою силу, и знание, которое несёт нам, оказывается тайным, недоступным, как бы не существующим. Практически все ошибки, совершаемые человеком и человечеством, есть результат удаления совести и разума друг от друга. Те, кто опирается на знание, добытое разумом в мире видимом, видят целью своей жизни освоение земного царства. Дух, увлекаемый к достижению материальных ценностей, неизбежно при этом поражается страстью, ибо он по своей природе не насыщаем, а точки приложения сил в небесных сферах ему неведомы.

Тот, кто отвергает необходимость материального творчества и стремится направить активность воли в сугубо духовную область, и там не сможет встать на путь, ведущий к Истине, ибо обретение её возможно, только утверждая волю «Сущего на Небесах» «и на земле как на небе». Проявление в творении его естественной природы, т.е. красоты, является главной задачей человека, ибо делать это он может не иначе, как освобождая свои таланты и возможности, сохраняя в гармонии душу, дух и тело. Совесть, оторванная от разума, теряет то, что должна устремлять, преображать, поэтому человек, не имеющий в ней опоры, даже если и проявляет свои силы, но только в борьбе за ресурсы с себе подобными. Разум, познавая мир, задавая воле цели, направления освоения мира, если не имеет связи с сердцем, не в состоянии сосредоточиться на истине, а потому делает её абстрактной, относительной. Он начинает считать истинным то, что помогает решать возникающие задачи. Совесть при этом разуму начинает мешать, ибо для достижения по-

ставленных целей он считает приемлемыми любые средства.

«Цель оправдывает средства» - именно этого принципа придерживаются люди, не желающие ограничивать свой разум нравственным законом. А потому неизбежно оказываются сами вне закона, ибо, не имея опыта духовной жизни, им некуда скрыться от сил, которые их начинают подавлять и использовать как средство. В отличие от людей, преследующих сугубо земные цели, те, кто соединяет в своей жизни земное и небесное начало, совесть и разум, даже если подвергаются произволу и насилию, могут укрыться в своём внутреннем жилище. Таких людей непросто уязвить злыми энергиями мира внешнего, ибо они не вступают в жесткую борьбу за его блага. По-настоящему разумному человеку не составляет труда в обычных условиях достичь необходимого уровня материальных благ, ибо он, если и поражён страстями, основной упор в жизни делает на усмирение их, на достижение меры, сокрушение духа гордыни.

Возможности разума, как и любого другого свойства человеческой природы, безграничны. Но если использовать дар разума произвольно, это может привести и к тяжёлым последствиям. Река, например, хороша, когда её воды не выходят из своих берегов, тогда её благодатная сила питает всё живое, с ней соприкасающееся. Так же и разум, когда не имеет берегов, способен уничтожить, изуродовать то, с чем имеет дело его сила. Он может объяснить, обосновать, оправдать всё что угодно. Когда наше внимание рассредоточено только среди земных целей, активность воли направлена на достижение материальных благ, то задача у разума будет лишь одна – найти оправдание данной линии поведения. Он это и делает, но оттого, что он способен расчитать последствия каких-либо действий, обосновать проекты и планы, открыть законы, человек не становится более счастливым, ибо все усилия разума, исследующего физиче-

ский, материальный мир, не в состоянии решить главную проблему – уничтожение смерти. Вопрос о Жизни и Смерти, Добре и Зле, Правде и Кривде разуму становится понятным только, когда он начинает слышать сердце. Законы вечности не могут постигаться теми, кто исследует только то, что подвластно времени. Разве может тот, кто все свои силы сосредоточил на изучении того, что покинула или покидает Жизнь, понять то, чем Она является?

Приземлённый разум ищет ответы на вопрос о смысле жизни в плоскости того, что может принести удовлетворение телу, создаёт всё новые возможности умножения материальных благ. Но человек не только тело-душа, связанное с земным основанием бытия, он ещё и дух-душа, несущий в себе небесные потенции. Именно о них свидетельствует нам совесть. Разум без опоры на знание сердца не способен даже размышлять о вечном, он может только отвергать то, чего не вмещает, то, чего не видит. Бессовестный разум (разум, поражённый бесами) отвергает Веру, потому что она не позволяет ему находить оправдание тому, что происходит на земле, когда люди не утверждают на ней волю небесного Отца. И на самом деле, оправдать деяния людей невозможно, не уравнив добро и зло, не придав истине относительный характер. Отсюда двойная мораль, когда за одни и те же деяния одних превозносят, других изничтожают. Отсюда желание объявить душу и совесть устаревшими понятиями и даже евангельские принципы переписать, объясняя это тем, что они были созданы человечеством в «дикий» период его существования. Но когда болезнь, извращения объявляют нормой, то тем самым разве не утверждается в нашей жизни сама смерть?

СОВЕСТЬ И ВЕРА. Религиозное чувство, т.е. ощущение связи с Творцом, совестью, оформляется в знание, которое посредством сердца доводится до разума. В результате одновременного познания Бога сердцем и разумом рож-

дается истинная Вера. По большому счёту вера – это то, на чём основывается жизнь любого человека, только один верует в собственную силу, другой во власть богатства, третий в возможности науки. Отвергающий Бога верует в то, что Его нет. Но если наша вера опирается на то, что не имеет оснований в вечности, находится во власти времени, т.е. подвержено разрушению, то можно утверждать, что такого рода вера не способна стать источником жизненной силы, ибо сама всё время будет нуждаться в силе, её утверждающей. Допустим, мы в своей жизни веруем в то, что только деньги помогут нам обрести счастье и удовлетворение. Но ответьте на вопрос: может ли быть счастлив человек, имеющий всё, кроме здоровья и молодости? Но их ни за какие богатства не купишь. Или верующий во всемогущество науки, способен ли он победить смерть? Только в мечтах и планах, но приходит время, когда силы иссякнут, и никакие знания, насколько бы велики не были, не смогут продлить жизнь и на мгновение. Любой символ приземлённой веры, когда приходит время отвечать на вопрос о смысле жизни, нам помочь не в состоянии. А смысл жизни только один – в самой жизни. Насколько бы не были глубоки знания о действительности, если это знания о мире видимом, земном, то они частичны. Получение их можно сравнить с разборкой сложного устройства. По отдельным его деталям судить о том, как оно работает, будет невозможно, даже если будут изучены все его части. Так и обычная научная практика до тех пор, пока не охватывает изучаемый предмет, явление как целое, т.е. как элемент системы, в которую входит, ничего, по сути, нам не скажет.

Вера, не облагороженная энергиями совести, есть только костыль разума, пытающегося оправдать то, что делает человек. В каких бы направлениях наш ум ни действовал, что бы ни изучал, чему бы ни пытался найти объяснение, он всё-таки по большей части опирается на веру. Некоторые

науки, например история, полностью основаны не на фактах, а на вере в то, что эти факты истинны, но это, впрочем, относится и к точным наукам: все они базируются на вере в истинность допущений. Но, казалось бы, абсолютная истина, утверждающая: «один плюс один равняется двум», если выйти из контекста формальной логики, т.е. логики, не имеющей положительного отношения к жизни, оказывается условной, относительной. Любые предметы, которые взаимодействуют, изменяют друг друга, в результате их совокупная энергия не равняется сумме сложения сил взаимодействующих, но бывает либо больше её, либо меньше. Сложение одной единицы с другой всегда порождает третье состояние. Потому и рушится всё созданное человеческой цивилизацией, что оно искусственно, т.е. основано на вере в то, что не отражает происходящее в жизни на самом деле.

Творение никогда не утрачивает своего единства. Всё в нем во всём. Выделить часть из мира можно только в своём уме, но от этого целое не становится частичным. Всё искусственным образом оформленное немедленно отторгает свою форму, т.е. разрушается. Так же и наша личная жизнь становится частичной, а не частной, т.е. неотделимой от целого, когда наша воля начинает утверждаться за счёт другой жизни. Целое разрушить невозможно, но тот, кто это пытается делать, неизбежно начинает противопоставлять себя общему потоку бытия, который никогда не выходит за рамки воли Творца. В противном случае Космос неизбежно превратился бы в Хаос. Именно этим знанием обладает сердце, об этом свидетельствует нам совесть.

Всякий раз, когда мы пытаемся нарушить принципы единства мира, она подаёт нам сигнал об опасности. На чём основано Золотое Правило Жизни, призывающее нас остерегаться делать другому то, чего не пожелал бы себе? Конечно же, оно указывает на единство всего сущего, на то, что если мы совершаем по отношению к кому-либо зло,

оно, в первую очередь, касается нас. Разве человек, находящийся в здравом уме, станет наносить своему организму раны, причинять боль? Совесть человека, совершающего недобрые поступки, потому и болит, что душа, когда в ней только созревают злые намерения, уже начинает страдать от уязвления её злом.

Вера является ущербной не только у людей, считающих, что если нет свидетеля их деяниям, то зло может остаться без последствий. Поэтому иные из нас и добрые дела не способны осуществлять без зрителей. Вера таких людей не обращает внимания на совесть, потому нередко прямо ей противоречит. Но если совесть начнёт таких людей обличать, они постараются от неё избавиться. Почему был распят Христос? Потому, что пробуждал совесть. Разве книжники и фарисеи не были людьми верующими? Были, но их вера основывалась на буквах Слова, а не на Слове, как воплощающейся воле Божьей. Слово оказывается мёртвым, если лишается духа, которым оно вызвано к жизни. Вера в незыблемость формы, закона до тех пор истинна, пока не ограничивает дух, породивший эти формы и законы. Как это происходит? Вспоминается пример, описывающий такой случай из жизни: молодой человек, поставивший целью изучить досконально Святое Писание, определил себе время, которое он этому делу посвящал. А него была больная мать. Получилось так, что в тот день, когда была поставлена задача изучить очередную главу Библии, нужно было помочь матери вскопать грядки на огороде. Но он категорически отказался это делать, найдя при этом соответствующие ссылки, оправдывающие его выбор в пользу чтения священных текстов. Хотя совесть этому человеку и говорила о необходимости выполнения просьбы матери, тем не менее, он предпочёл следовать вере в предписания. Вошла ли вера в этом случае в противоречие с совестью? Нет! Ибо такое поведение есть свидетельство отсутствия истинной веры.

Бог есть любовь. Изучение же того, что такое любовь, ничего не даст для того, кто этой любви не проявляет. Это все равно, что рассуждать о вкусе того плода, который хотя и видел, но не пробовал.

Вера, не слышащая голос совести, есть вера во что угодно, но не вера в Бога, ибо Его воля заключается в исполнении нами заповеди: «Да любите друг друга!». Совесть же нам указывает на то, что мешает нам эту заповедь исполнять. Сказано: «Вера без дел мертва». Но не всяких дел, а тех, что освобождают жизнь от того, что делает её смертью, т.е. от зла и греха. По-настоящему человек свободен тогда, когда не нуждается при достижении поставленных целей другого человека использовать как вещь, средство. Только одна форма зависимости не унижает наше человеческое достоинство, когда необходимость совершения нами добрых поступков осознаётся как ограничение, которое невозможно снять.

Какие дела можно отнести к добрым? От ответа на этот вопрос зависит характер веры и того, кто проявляет соответствующую активность, и того, на кого она направляется. Не всякая помощь несёт в себе настоящее благо. Благо творить, делать добро для человека означает укреплять его силы; научать его решать возникающие задачи; открывать ему источники благодати. Наши дела будут по-настоящему добры, если в результате их те, кому они были адресованы, сами станут способными утверждать добро.

Сам по себе факт веры в то, что наши дела несут благо, может ввести в глубокое заблуждение. Добро и зло нередко переходят друг в друга, когда в душе человека, осуществляющего свои намерения, они еще на стадии зарождения не были проявлены в свете требований совести, которые можно свести к необходимости осуществления действий, утверждающих Его волю «на земле как на небе». Результатом благодетельных деяний является проявление в несовершенном мире

совершенного основания. Не следует думать, что здесь необходимы какие-то особенные подвиги. Для утверждения Жизни предоставляет множество поводов обыденное бытие самого обычного человека. Что для этого необходимо? Следить за тем, что происходит в душе, сердце, разуме, распознавать злые чувства и лживые мысли и уничтожать их в самом зародыше. Без совести этого сделать невозможно, но и с совестью достаточно трудно, если она не будет проявлена в Вере, т.е. в реальной практике мирской жизни утверждения Божьей воли.

СОВЕСТЬ И МОЛИТВА. Иван Ильин писал: «Совесть есть живая и цельная воля к совершенному, потому там, где отмирает эта воля, качественность становится безразличной для человека и начинает уходить от жизни; всё начинает делаться «недобросовестно», всё снижается, обесценивается, становится никому не нужным...». «Совестный акт не есть акт интеллекта, и задача последнего состоит в том, чтобы удерживать своё дыхание и предоставить таинственно-разумному содержанию совести вступить в душу в неумственных формах. В этом отношении опыт совести подобен опыту молитвы и опыту художественному, а не опыту анализа, синтеза и доказательства».

Как только для объяснения, происходящего с нами, обращаемся к уму, не считающему нужным заострять внимание на нравственном законе, то вместо того чтобы своё поведение с ним соотносить, его начинаем подстраивать под себя. Поэтому многие из нас и говорят о том, что они прекрасно уживаются со своей совестью, совершая при этом откровенно бессовестные поступки. Ум человека, не имеющего положительного опыта обращения к Богу, познания Истины, соединяющей в себе не только знание физических законов, но и законов небесной сферы бытия, найдёт способ убедить себя в том, что безнравственные поступки не так уж и плохи. Ведь всегда можно найти рядом с собой

людей, поступающих гораздо хуже нас. Преступной или просто пошлой жизнь становится тогда, когда мы не считаем необходимым равняться на тех, чей образ жизни чище, достойнее нашего, а начинаем успокаивать себя тем, что другие не лучше нас.

Придерживаясь такой линии поведения, не только совесть свою загоняем на задворки души, но даже если и молимся, делаем это без получения благодати. Молитва, в первую очередь, есть сокрушение о своих недостатках, совершённых промахах. Она должна предваряться исследованием не только своих дел, но и чувств, мыслей, намерений в свете совести. Что может быть кощунственнее бессовестной молитвы, призвания на помощь Бога для осуществления преступных намерений? Речь здесь идёт не об открытых злодеяниях, это само собой подлежит несомненному осуждению. А о том, что в обыденной жизни считаем вполне обычной практикой давать себе послабление в деле исполнения нравственного закона, умиротворения, смирения своего духа. Необходимо понимать, что в своей жизни никогда не стоим на месте. Если, например, совершаем усилие, умеряющее аппетит или смиряющее гнев, делаем пусть маленький, но шаг вперёд. Когда же мы даём волю своим чувствам и начинаем, например, осуждать других ради своего утверждения, мы ослабляем силу жизни.

Святые Отцы Совесть называют голосом Бога, идущим к нам из глубин сердца. Молитву можно назвать голосом самой Совести, ведущей разговор с Богом посредством Ума. Совесть нам указывает на то, что затемняет в нас образ Божий. Молитва же есть испрашивание у Бога сил, обеспечивающих наше Ему уподобление. Совесть указывает на Истину, свидетельствующую об общем основании всего живого. Она уже на стадии созревания в душе злых намерений, т.е. неотрицания возможности достижения поставленных целей за чужой счёт, не отвергая уничижения, уничтожения

чужой жизни, вопиет к нам о том, что жизнь едина, и нанести вред кому-либо можно, нанеся его себе. Совесть только предупреждает нас о неминуемой ответственности за преступление границ законов жизни.

Жизнь такова, что большинство из живущих, доходя до понимания своего несовершенства, прямого осознания грехов, допущенных в жизни промахов, начинают ощущать бессилие перед злом как во внутреннем, так и во внешнем круге существования. Чем сильнее в человеке звучит голос совести, тем тяжелее ему свою грязь выносить. Поэтому самые чистые, самые лучшие люди часто не выносят бремени жизни... Совесть, если она остаётся непроявленной в воле к жизни, т.е. в осуществлении Божьей воли, обращается в волю к смерти. Пока душа не в состоянии воспринимать благодать Божью, до тех пор она не просто не будет иметь силы, очищающие и сохраняющие её от зла, но и будет терять их. Молитва обеспечивает возможность не только слышать и выносить голос совести, но и обретать энергию для исполнения её указаний.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ДУХОВНОСТЬ: ОБРАЗОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ

Бороноева Н.А., Колмаков В.Ю.

Сегодня, когда система образования претерпевает далеко не самые лучшие преобразования, хочется серьёзно обратиться к анализу этих процессов. Необходимо понять, что происходит в этом направлении. Сравнивая собственные позиции по данному вопросу, мы обратились к материалу, опубликованному в рамках научной конференции, проходившей в Волгоградском университете в 1995 году, когда казалось, что происходящие изменения обязательно приведут к лучшему. Время показывает обратное. Ряд наших положений нам кажется достаточно правильным. Попробуем вновь сделать анализ процессов, происходящих в современном российском образовании. (Колмаков В.Ю., Бороноева Н.А. Интеллектуальные алгоритмы образования в исторической перспективе России // Проблема девальвации духовных ценностей общества и системы образования. Тез. докл. науч. конф. 17-19 окт. 1995 г. Волгоград: Перемена, 1995. 168 с.; Бороноева Н.А., Колмаков В.Ю. Модернизация страны и девальвация ценностей // Проблема девальвации духовных ценностей общества и системы образования. Тез. докл. науч. конф. 17-19 окт. 1995 г. – Волгоград: Перемена, 1995. – 168 с.).

Кризис реформ образования предопределен в целом одними причинами, переходящими из ранга политических в исторические. Именно поэтому кризисную ситуацию обществу придется исправлять еще достаточно длительное время. Эйфорические надежды на «неокапиталистическое» чу-

до также переносятся во все более отдаленное будущее. Парадоксально, но закат русифицированной советской цивилизации привел и к деградации всех составляющих ее национальных культур, которые образовывали единое культурное пространство, столь мощно подтвержденное центробежными силами на последнем этапе своего существования. Сегодня же российская культура и образование стоят перед своей исторической неперспективностью. И лишь утопическое сознание может еще создавать иллюзорные картины будущей ведущей духовной роли ее и образования, на что тоже хотелось бы надеяться, но для этого мало оснований.

Сегодня в России доминирует система даже не общечеловеческих, а частногосударственных интересов и ценностей. Такие приоритеты ценностей нельзя даже назвать общегосударственными, потому что они не выражают общих, широких, перспективных интересов общества и государства, но показывают доминирование интересов временных, недалеких, а тем самым и исторически неадекватных. Среди существующих государственных приоритетов интеллектуально-духовные ценности образования занимают весьма скромное место, хотя экспорт отечественного интеллекта осуществляется за пределы страны весьма активно.

Современный этап можно определить, охарактеризовать как этап «проедания» интеллектуального капитала общества. Такая исторически неадекватная политика делает общество заложником будущих все нарастающих проблем, вовремя нерешенные проблемы превращаются в хронически усугубленный синдром болезненного отставания общества от передовых и престижных уровней развития большинства стран мира. Проедание национального богатства во всех его разновидностях определяет почти фатальное смирение перед культурным саморазрушением нации, что, конечно же, является диким историческим нонсенсом.

Коммерциализация образования сегодня влечет за собой снижение интеллектуального рейтинга студентов, студенческой среды, приводит не только к коммерческой либерализации высшего образования, но и к тому, что диплом о высшем образовании станет усредненно типичным, как и аттестат средней школы. Диплом о высшем образовании уже сегодня не является эквивалентным показателем социальной престижности личности. Если раньше он был своеобразным пропуском в приоритетные профессионально-управленческие группы общества, то сегодня необходим лишь как показатель способности иметь его, и тем самым как бы одной из форм собственности, неким интеллектуальным излишеством, ценной бумагой, сертификатом интеллектуальной дееспособности личности. Но, с другой стороны, именно на этом усредненно-сером фоне возможно проявление повышенной престижности старых, в хорошем смысле этого слова, традиционных учебных заведений России, и, следовательно, можно полагать, что в России еще впереди синдром элитно-престижных «Оксфордов» и «Сорбонн».

Кризис образования культуры в некоторой степени предопределен несостоятельными в полной мере надеждами на коммерческий меркантилизм. Эффективное желание разбогатеть сейчас доминирует над всеми другими реальными и возможными ценностями. Это можно назвать «идолом нуворишизма». Иллюзия состоит в том, что «новые богатые» якобы смогут достаточно эффективно поддержать развитие российской культуры.

Капитал начинает работать не только на самого себя лишь тогда, когда он достигает полного круга развития и сталкивается с проблемой своей опосредованной реальности и вынужден работать не только как компрадорский, но и как национальный. Если же он не успевает развиваться и оформиться как национальный, оказывается «задавленным»

международными финансовыми олигархиями, то его национальная функция на этом заканчивается почти полностью. Именно поэтому остаются минимальными надежды на то, что российский капитал будет серьезно озабочен проблемами развития культуры и образования, хотя он вынужден для своего собственного развития развивать и все свои опосредованные проявления, в том числе и в интеллектуальных формах собственности.

Нерациональная социально-политическая технология реформ влечет за собой становление антиинтеллектуального, антикультурного алгоритма деятельности новых социальных поколений, что закладывает на многие десятилетия вперед программу духовного самоуничтожения страны. Модернизация, захватывающая все сферы общественной жизни, – комплексный процесс. Изменения в этих сферах связаны между собой и коррелируют друг друга. Например, рыночные структуры (как наилучший механизм западноевропейской цивилизации) не работают без соответствующего культурного сдвига, появления определенного типа личности, а политическая демократия – без институтов гражданского общества. Простой здравый смысл подталкивает нас к выбору либерально-демократических ценностей. Десятки миллионов наших соотечественников в мгновение ока стали «западниками», высказывая желание жить, как в США или в Швеции.

Модернизация для стран, которые пытаются догнать вырвавшихся вперед, превращается в проблему внесения в содержание своей культуры важнейших элементов культуры иных стран и народов. Успех модернизации определяют традиции, ценностные установки, менталитет. Возникает вопрос: способна ли российская культура быть основой воспроизводства в условиях стремления к модернизации? Можно констатировать наличие своего рода маргинальности индивидуального сознания – определенного обесцени-

вания ряда основополагающих черт существующего жизненного уклада, девальвации ценностей и в то же время далеко не полного и не однозначного принятия того, что должно прийти ему на смену. Обращает на себя внимание то, что все реформы России делают объектом своей озабоченности прежде всего организационные формы, а не ценности людей. Поэтому для успеха реформ необходимо опережающее развитие культуры, ценностей, которое создавало бы предпосылки для успешного реформирования общества.

В системе общественного воспроизводства значительная роль отводится образованию, воспитанию, науке как составляющим фонд культуры, т.к. именно здесь закладываются основы логики мышления и нравственно-эстетических императивов развития человека, а значит, и всего общества. Критерием свободы личности должен стать уровень квалификации, образования, компетентности. Мы же имеем процесс разрушения интеллектуального потенциала, усиления мистических и антисциентистских настроений в обществе. Характерными проявлениями процесса деградации науки, культуры в целом является подмена астрономии астрологией, медицины – экстрасенсорикой, религии – суеверием, культуры – массовой поп-культурой и т.д. Образование утратило ценностную ориентацию. Оно превратилось в утилитарно-целенаправленное обучение, к тому же не очень высокого качества. Его неприоритетность связана с отсутствием социального заказа на образованность, с невостребованностью знаний, с незаинтересованностью в интеллектуальном и духовном потенциале личности, что выражается в относительно низком уровне доходов работников сферы образования, науки и культуры, сокращении финансирования фундаментальной науки в 1994 году по отношению к 1990 г. более чем в 4 раза. Изменение ситуации возможно только в пересмотре позиции тех инсти-

тугов общества, которые могут дать социальный заказ на образование, востребуют знание, интеллект, духовность.

Важнейшим элементом шкалы духовных ценностей является отношение к деятельности предшествующих поколений. Оно не может быть однозначным, поскольку в значительной степени зависит от «наследства» – материального и духовного. В переоценке социальных ценностей зачеркивается и все позитивное в деятельности наших предшественников. Некоторые прежние достижения, которые составили бы честь любой стране, в перестроечные годы не только не получили адекватного продолжения и развития, но и утрачены. Известно, что правительственная делегация США, посетившая СССР в середине 50-х гг. для изучения системы образования, отметила в своем отчете большое внимание правительства страны к этому вопросу. Так было. Но с некоторых пор ситуация стала меняться. Обозначился остаточный принцип финансирования образования, науки, культуры.

Мы имеем эрозию такой нравственной нормы, как добросовестный труд, нормы, принимавшейся большинством по меньшей мере трех предыдущих поколений и ставшей основой оценки значимости и смысла индивидуальной жизни. Хотя преобладание уравнилельных подходов значительно обесценивало эту норму, она была значимым элементом общественного сознания, предопределяя во многом стратегию индивидуального поведения. Девальвация императива добросовестного, профессионального труда, ориентация на успех, достижение которого допускает использование приемов, уязвимых и в моральном, и в правовом плане, – одна из причин ощущения хрупкости нашего бытия. Необходима выработка режима наибольшего благоприятствования для развития труда добросовестного, профессионального, производящего через развитую систему поощре-

ния совершенную систему налогообложения. Необходима переориентация государства на национальные интересы.

Итак, время, прошедшее с того момента, когда стали происходить некие достаточно серьёзные изменения в системе образования, показывает, что сам процесс этих изменений и целесообразность таковых изменений произвольна и субъективна, зависит от некоего произвольного мнения очередного руководства, которое считает, что только их позиция является наиболее правильной. В целом такое руководство фактически является непрофессиональным. И более того, является антинациональным, происходит процесс реального уничтожения созданной многими десятилетиями системы образования, которая в целом является достаточно неплохой.

Этап девяностых годов был этапом проедания национального интеллектуального капитала. Во многом этот важный вид национального капитала действительно оказался уменьшенным. Но тогда казалось, что если останавливаются заводы и предприятия, то при сохранении ведущих специалистов можно будет открыть заново или построить новые заводы. Именно тогда была уверенность, что даже если развалится всё, но система образования останется, и у страны сохранятся шансы на развитие. Сегодня путинский режим власти активно уничтожает образование, делая эту систему максимально ослабленной и неустойчивой, пытаясь приватизировать данную сферу, которая оказалась ещё не поделённой между олигархами.

Настал период олигархического протекто-государственного капитализма, который маниакально пытается получать свои сверхприбыли, оперируя по-живому, разрезая жизни многих людей, показывая максимальное пренебрежение к людям как таковым и общественным национально-государственным интересам в целом. Образование и духовность взаимосвязаны, образование есть проду-

цирование определённого типа духовности. Но и духовность предопределяет доминирование, становление, проявление конкретного типа духовности. В условиях реформы образования, которая становится идентичной разрушению российской системы образования, возникает всё большая обеспокоенность тем, какое образование и какая духовность ожидает Россию в ближайшие десятилетия.

Философия гуманитарного образования как направление исследования предполагает рассмотрение и исследование множества различных проблем. Важно понять целый ряд взаимосвязанных проблем. Как меняются представления о необходимости того или иного образования? Гуманитарное образование изменялось в ходе изменения культуры и истории, менялись разные нормы соответствия образованности и способности понимать гуманитарные проблемы своего времени. Наверное, во многом такие нормы были условными и неполными, но они всё же отражали некие реальные процессы, происходящие в культуре и сфере философского сознания. Человек понимал себя различным образом, и в каждом конкретном случае это представление было соответствием возможности понять главные проблемы эпохи, цели дальнейшего развития.

Каким должно быть в идеале современное образование? И каким должен быть этот идеал? Сегодня этот вопрос является не простым, он отражает то, как понимается всё дальнейшее развитие современного общества.

Идеологи гуманитарного образования эпохи советского социализма очень много говорили о формировании гармоничной личности. А что такое гармоничная личность? Это личность, которая таковой видится властимущим? Очевидно, что существует прямая связь между тем, как формируется модель гуманизма, и тем, кем, по своей сути, является человек в современном обществе, тем, как себя ощущает в этом пространстве реальный живой социальный

активно действующий атом. Очень много говорилось о новой парадигме гуманитарного образования в середине девяностых годов двадцатого столетия, когда после советского периода появилась слабая надежда на то, что высшее образование в России будет изменяться в лучшую сторону, что будет найдена новая более эффективная форма современного гуманитарного знания, адекватного современным социально-гуманитарным проблемам, стоящим перед обществом. По меньшей мере, сегодня становится понятным, что гуманитарное образование должно измениться не только в России, но и во всём мире.

КУЛЬТУРНЫЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЁЖИ

Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н.

Модернизация России реально становится одним из приоритетов внутренней политики страны. Заявленные в начале риторически новые цели развития (1) постепенно становятся важными частями конкретных планов и стратегий. Обозначились и первые серьёзные ограничения процессов модернизации: политические, финансовые и кадровые. Последнее становится предметом политических и научных дискуссий. Отсутствие или наличие в стране достаточного числа подготовленных инновационной деятельностью людей становится ключевым вопросом успешного инновационного развития (2). Очевидно, что данная проблема возникла из-за отсутствия широкого опережающего проинновационного образования. Точки зрения полярно разделились.

1. Широко распространена пессимистическая точка зрения о том, что население страны не готово к модернизации (3) и что существующие культурные и ментальные ограничения тормозят начавшиеся в стране модернизационные процессы (4). В связи с этим необходим продолжительный период накопления необходимого человеческого капитала путем изменения среды экономической деятельности и существующей системы образования и воспитания (5).

2. Существует также и реалистическая точка зрения. Дефицит необходимых для модернизации кадров объективно никому не известен. Кроме того, в стране уже много лет реально существует опережающее, неформальное и информальное образование, которое, по нашему мнению, заметно влияет на культурные и ценностные установки многих

групп населения. По этой причине вопрос о соответствии реальных ценностей российского населения культурным и ментальным запросам инновационного развития может быть разрешен лишь путем проведения конкретных исследований ценностных картин мира различных групп населения (6), а также их реальным отношением к инновационной деятельности в масштабах страны и в её точках инновационного развития.

Очевидно, что роль исследований ценностей ключевых для модернизации групп, в число которых входит и студенческая молодежь, значительно возрастает. В данной работе проводится исследование мнений студентов города Красноярска о необходимости модернизации страны, ценностных установках, необходимых для достижения желаемой цели – нового достойного будущего страны. Результаты исследования сопоставлялись с результатами опроса большой группы экспертов. Исследование стало продолжением серии исследований о реальной готовности различных групп города Красноярска к инновационному развитию (7).

ГРУППЫ ОПРОСА

Опрос проводился в ноябре – декабре 2010 года. В опросе принимали участие студенты старших курсов и аспиранты пяти университетов города Красноярска: Сибирского федерального университета, Сибирского государственного технологического университета, Сибирского государственного аэрокосмического университета, Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева и Красноярского медицинского университета. Всего было опрошено 546 человек, 499 студентов и 47 аспирантов этих университетов.

Учитывая особый «культурологический» характер исследования, в основном опрашивались студенты гуманитарных направлений обучения: менеджеры, философы, филологи, культурологи, студенты отделения изобрази-

тельного искусства, иностранных языков, педагоги различных профилей подготовки, медики и лишь небольшое число физиков и инженеров (не более 7%). Детальное исследование мнений студентов негуманитарных направлений обучения планируется провести в ближайшее время. Выбранное направление исследования определило гендерный состав студенческой группы опроса. 73,63% респондентов являются студентками или аспирантками, 25,46% - студентами или аспирантами. Средний возраст студентов равен 19 с половиной лет.

Результаты исследования сравниваются с результатами исследования группы экспертов из 63 человек. В их число вошли ведущие журналисты Красноярска (9,62%), руководители общественных организаций (15,87%), руководители (4,76%) и сотрудники (15,87%) государственных или муниципальных предприятий, предприниматели (11%), преподавателями университетов (12,7%), работники образовательных учреждений (9,52%), известные ученые в области общественных наук (7,94 %), политологи (4,75 %) и инженеры (4,75%). Число мужчин и женщин в группе экспертов практически равное (49 и 51%, соответственно). 19% экспертов имеют ученую степень кандидата или доктора наук, 76% - высшее профессиональное образование. Средний возраст экспертов составляет 42 с половиной года.

Проводимое в исследовании сравнение мнений двух групп представляется важным не только с точки зрения заметного различия возрастной психологии представителей этих групп (разница среднего возраста составляет одно поколение (около 23 лет), но и с точки зрения возможного различия их картин мира.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА И ИХ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Необходимость модернизации.

Ключевым вопросом дискуссий о перспективах модернизации в России является вопрос: «Нужна ли модернизация российскому обществу?» Из него естественным образом вытекают и другие важные вопросы:

Какие группы населения желают новых перемен?

Для чего модернизация им нужна?

Какие страны могут стать нашими новыми учителями?

В какой форме наиболее приемлема модернизация?

Очевидно, что важную роль в процессах модернизации могут сыграть новые поколения студенчества, родившиеся и выросшие в новой России.

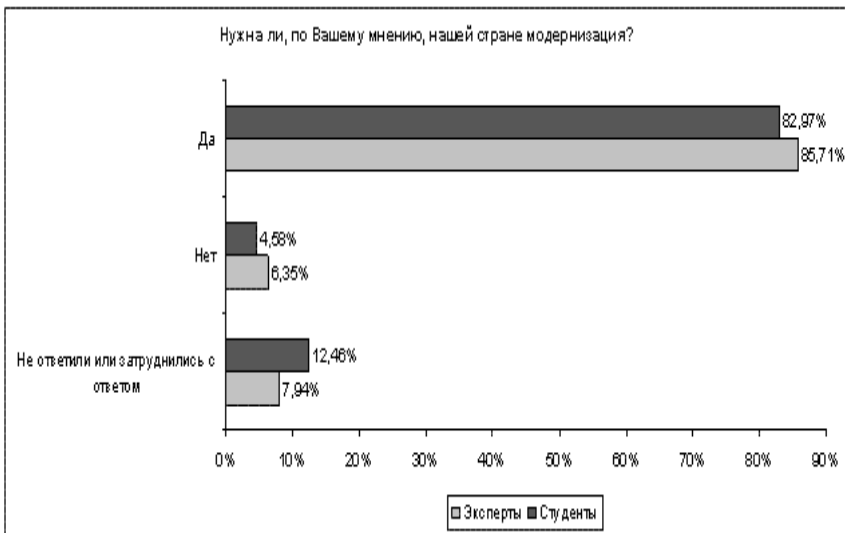

Рис. 1. Распределение мнений студентов и экспертов г. Красноярска о необходимости модернизации в нашей стране

Готовы ли они воспринимать позитивно новые изменения, желают ли они их? Анализ полученных результатов опроса (Рис.1-4.) позволяет получить ответы на эти актуальные вопросы.

В целом, полученная картина мира студентов и аспирантов гуманитарных направлений обучения Красноярских университетов во многом неожиданна и существенно отличается от многих представлений и стереотипов общественного мнения и СМИ.

Во-первых, подавляющее число опрошенных студентов (83%) полагают, так же как и эксперты (85,7%), что модернизация нашей стране нужна (рис. 1.). Лишь около 6% студентов полагают, что необходимости в модернизации страны нет.

Во-вторых, еще большее число студентов (86%) считает, что нашей стране нужен проект будущего. Их число заметно выше (на 12%) числа экспертов, поддерживающих данную позицию опроса. Лишь небольшое число студентов (6%), более чем в два раза меньшее, чем число экспертов, полагают, что для нашей страны более приемлем эволюционный путь развития (рис. 2). Налицо явно выраженная потребность студентов в активной самореализации в короткие сроки путем их участия в общенациональном проекте создания нового будущего страны. Высокий уровень поддержки экспертов этой позиции свидетельствует о наличии в Красноярске сложившегося общественного мнения в поддержку создания общенационального проекта будущего.

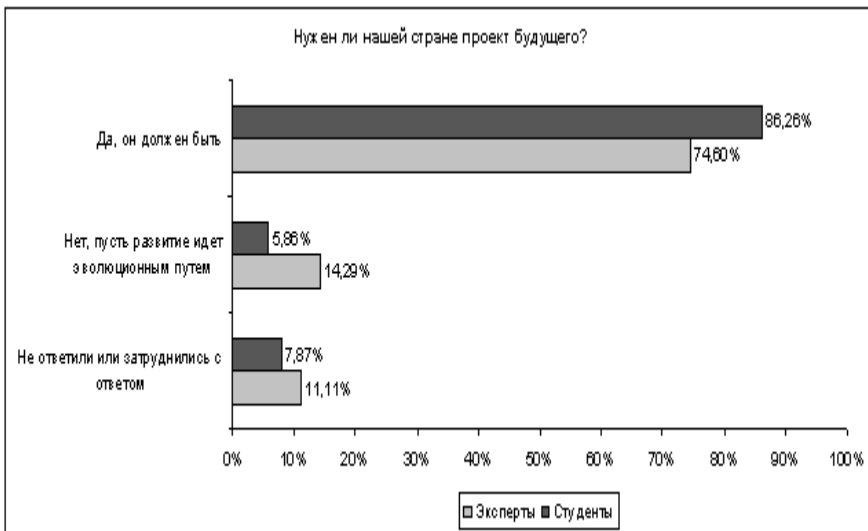

Рис. 2. Распределение мнений студентов и экспертов г. Красноярска о необходимости проекта будущего в нашей стране

2. Желаемые цели развития.

Результаты исследования показывают, что у студентов Красноярска имеется довольно отчетливое представление о предпочтительных целях данного проекта будущего (рис. 3.). По их мнению, Россия должна стать, прежде всего, «страной комфортной» (42% поддержки), страной «умной экономики» и высоких технологий во всех сферах деятельности (24,54 %), страной – мировым лидером инновационного развития (10,26%) и частью глобального мира (9,71%).

Чуть меньше половины студентов (40%) считают, что при этом Россия должна быть великой державой со своим особым путём развития. Следует отметить, что видение студентами облика будущей России совпадает практически по всем позициям с видением экспертов. Эксперты лишь в меньшей степени, чем студенты (30 и 42%, соответственно) считают предпочтительной моделью развития страны соз-

дание «комфортной России». Для многих из них более значимой является модель развития страны как «великой державы со своим особым путем развития» (36,51%).

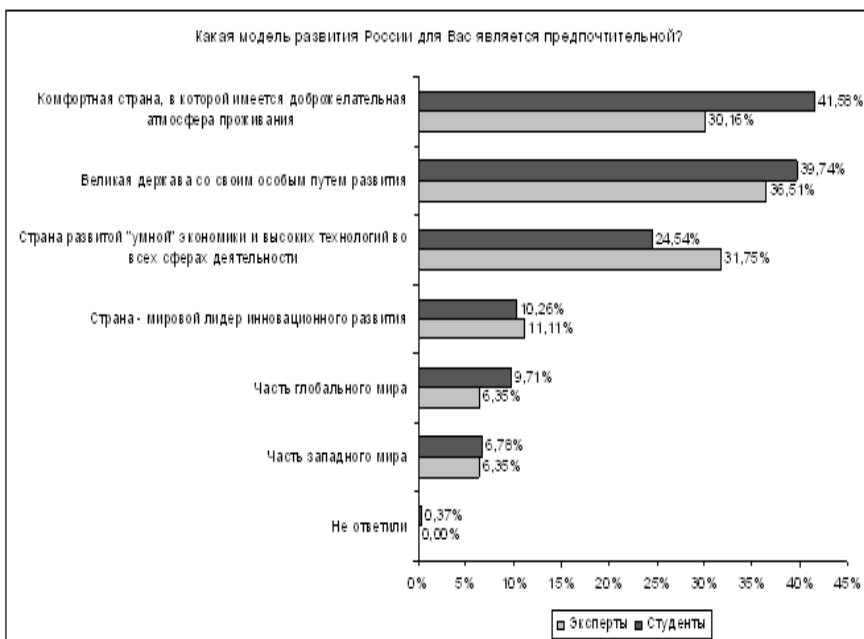

Рис. 3. Распределение мнений студентов и экспертов г. Красноярска о предпочтительных моделях развития России. В ответах на данный вопрос можно было выбрать несколько позиций

3. У кого полезнее учиться нашей стране?

Заявленный курс на модернизацию и инновационное развитие страны требует отказа от самодостаточного развития и овладения достаточно большой частью населения умением осваивать опыт других стран, идущих впереди (8).

Само понятие модернизация, т.е. «осовременивание», предполагает это, поскольку в основе модернизации лежит, прежде всего, использование позитивного опыта стран, ставших по разным причинам по уровню своего развития

более развитыми, «современными», чем другие страны. По этой причине модернизация, строго говоря, для страны «догоняющего» развития является своеобразным движением из прошлого в настоящее (освоение прежнего успешного опыта улучшения и освоенных другими странами новшеств (инноваций)).

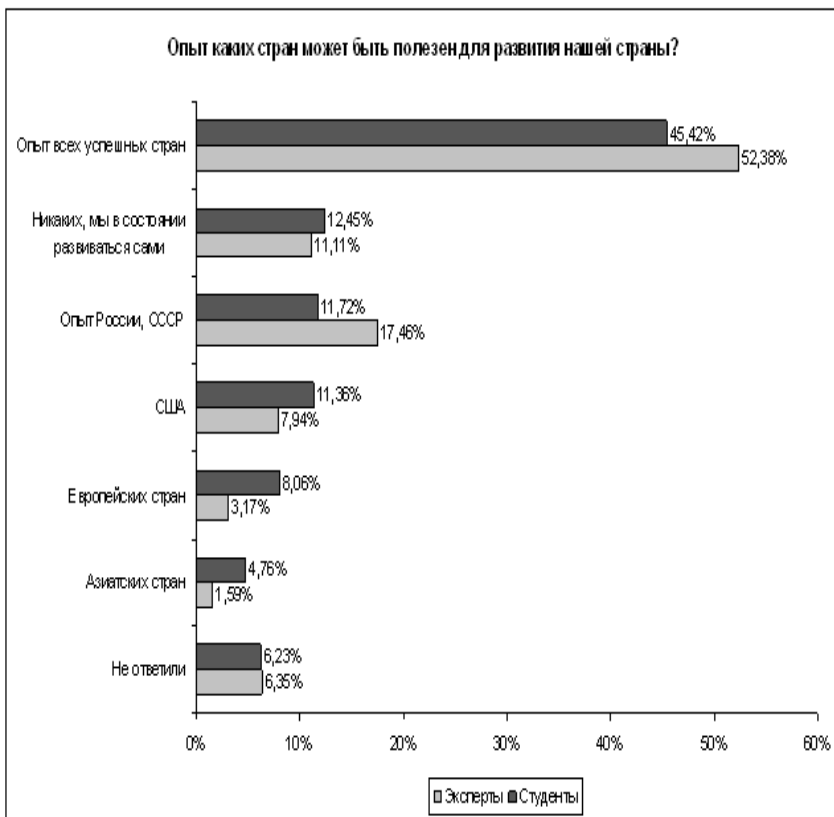

Рис. 4. Распределение мнений студентов и экспертов г. Красноярска о полезности опыта других стран для развития нашей страны

Инновация (создание принципиально нового) принципиально отличается от процедур модернизации и всегда является движением из настоящего в будущее. Наибольший выигрыш, как показывает история последних десятилетий, получают те страны, которым удалось создать необходимые условия для творчества активных инициативных групп населения для проявления мужества и умения рисковать ради создания принципиально нового. Именно страны с такой культурной средой смогли получить и получают максимальный инновационный выигрыш в своем развитии. Другие страны вынуждены постоянно учиться у них, заимствовать, перенимать, осваивать их успешный опыт создания национальных инновационных систем, подготовки инновационных кадров и т.д.

В том и другом случае страна «догоняющего развития» в той или иной мере должна учиться у других стран. Естественно, это возможно лишь при достаточно высоком уровне желаний различных групп населения учиться опыту других стран.

Проведенное исследование мнений студентов и экспертов Красноярска показывает, что более половины опрошенных студентов (52,38%) считают, что для развития страны может быть полезен опыт всех стран (Рис. 4.). Лишь 12% студентов полагает, что Россия может обойтись своими собственными силами. Использование опыта конкретных стран (США, европейских и азиатских стран) также имеет невысокий уровень поддержки (около 13%).

В целом, проведенное исследование показывает, что подавляющее число студентов Красноярска (70%) ориентировано на использование опыта зарубежных стран, а не опыта России и СССР (11,72%) и на свой накапливаемый в настоящее время опыт (12,45%).

ОТНОШЕНИЕ К ЦЕННОСТЯМ

«ПРОГРЕССИВНОЙ И СТАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Освоение опыта успешных стран в нашей стране традиционно ведется в политической, экономической и правовой областях деятельности. По умолчанию предполагается, что население страны в принципе готово достаточно быстро адаптироваться к новому опыту, стартовые уровни культуры и ментальность населения вторичны по отношению к профессиональным знаниям и умениям. Негативный опыт проведения различных реформ в нашей стране в последние двадцать лет показывает, что это не так и что для успеха в развитии страны крайне важны поведенческие коды различных групп населения страны, существующая культурная матрица общества, доминирующие ценности и общественные установки. Недавно Лоуренсом Харрисоном для определения шансов успешного развития той или иной страны были предложены особые матрицы (списки) ценностей «прогрессивной культуры» успешных стран и «статической культуры» «увядающих стран» (9).

Очевидно, что данный подход не может быть абсолютно прогностическим. Он имеет свои дискуссионные проблемные моменты, но в целом, на наш взгляд, он может быть достаточно полезным для поиска и установления российской культурной матрицы успешной модернизации, необходимость которой всё более осознаётся.

В проведенном нами исследовании каждый респондент должен был в жесткой форме определиться в своём отношении к двум контрастным ценностям той или иной культурной матрицы. Использовался список ценностей (10).

Таблица 1

Отношение студентов и экспертов Красноярск к ценностям «прогрессивной» и «статической» культуры

	Студенты	Эксперты		Студенты	Эксперты
Труд как главное условие жизненных достижений, материального положения и самоуважения	81,50%	87,30%	Труд - досадная необходимость, чтобы жить	11,72%	9,52%
Хорошее образование - обязательное условие жизненного успеха	76,37%	85,71%	Образование не обязательно должно быть хорошим	14,65%	11,11%
Личные заслуги как центральный фактор продвижения и успеха	74,36%	82,54%	Связи, блат, семейственность	15,93%	11,11%
Строгие этические нормы, исключая воровство и взяточничество	68,68%	84,13%	Этические нормы могут быть нестрогими	20,51%	9,52%
Незыблемое исполнение законов и правосудие	67,95%	87,30%	Закон и правосудие вторичны, первичны круг знакомств и предложенная сумма	15,02%	7,94%
Опора на будущее	65,75%	71,43%	Поиск проблем или светлых дней в прошлом, выживание в настоящем	19,23%	15,87%
Бережливость как путь к достатку	62,09%	63,49%	Расточительность как путь к равенству в бедности	12,27%	6,35%
Приоритет внутренней веры (светскость)	58,61%	71,43%	Наличие большого влияния религии на повседневную жизнь	18,13%	12,70%
Патриотизм как высокая степень идентификации людей с большими общностями, своей страной, нацией, профессией	51,28%	55,56%	Идентификация себя с семьей, знакомыми, земляками, ограниченная готовность к апатризму и благотворительности	24,73%	28,57%
Децентрализация власти и горизонтальность связей	19,78%	38,10%	Власть централизованная и вертикальная	49,08%	44,44%
Итоговая сумма	626,37%	726,99%	Итоговая сумма	201,27%	157,13%
Итоговая сумма по 9 первым ценностям таблицы	606,59%	688,89%	Итоговая сумма по 9 первым ценностям таблицы	152,19%	112,69%

Полученные результаты представлены в Табл. 1. Последовательность ценностей в приведенной выше таблице приводится не по приоритетной значимости определенной ценностной установки, а согласно уровню поддержки (в %) конкретной ценности студентами.

1. Приоритетные ценности студентов Красноярска

Из таблицы видно, что более двух третей студентов и экспертов Красноярска поддерживают семь из десяти позиций матрицы «прогрессивного развития». Наибольшей поддержкой пользуются позитивное отношение к труду, хорошему образованию, к строгим этическим нормам и к «социальному лифту» на основе личностных заслуг. Следует отметить, что именно эти ценности были декларированы и имели высокое общественное признание в СССР. Не исключено, что их общественная значимость в наше время является в определенной мере продолжением прежних культурных стереотипов, хотя, может быть, что на формирование высокого позитивного отношения к данным ценностям, заявленного и студентами, и экспертами в проведенном опросе, может оказывать влияние и реальный жизненный опыт респондентов последних лет.

Ценность незыблемого исполнения законов и правосудия более значимы для экспертов, чем для студентов, но тем не менее она значима и для более двух третей студентов. Ключевая для матрицы «прогрессивного развития» ценность – упор на будущее для студентов и экспертов Красноярска – оказалась не на первом, а на шестом месте с очень высоким уровнем поддержки в 65-67%.

Видение будущего особое значение имеет в настоящее время для инноваторов, людей особого склада, обладающих способностями формировать видение будущего, вдохновлять людей и повышать их энергию (11). В этой связи такой

высокий уровень позитивного отношения к данной ценностной установке студентов Красноярска является, безусловно, позитивным фактором для инновационного развития города Красноярска.

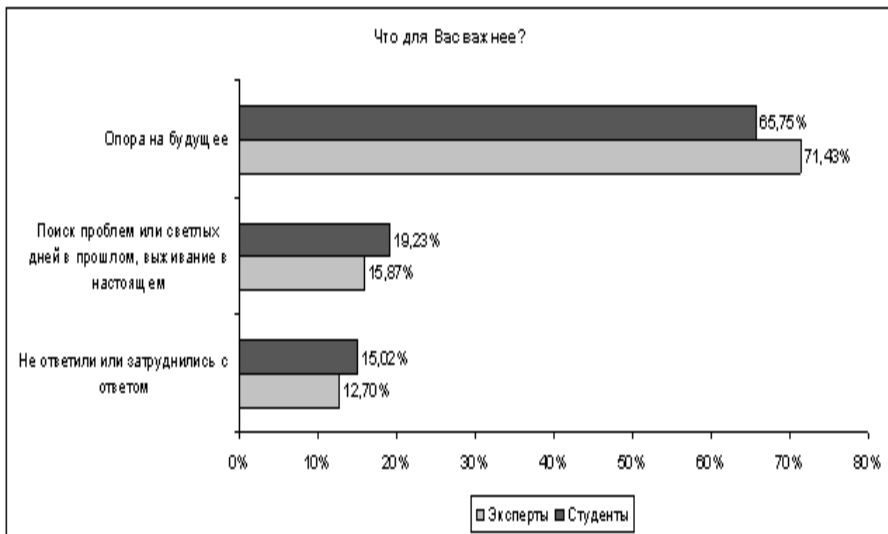

Рис. 5. Распределение мнений студентов и экспертов г. Красноярска о вариантах ориентации во времени

Из рис. 5 хорошо видно, что необходимость опоры на будущее для студентов довольно высока, хотя она чуть меньше, чем для экспертов (65,75% и 71,48, соответственно). Очевидно, что данные студенты ориентированы на будущее как возможное пространство своей успешной самореализации. Следует отметить, что имеется заметное число студентов с другой целевой установкой. Как видно из рис.5, значимость прошлого важна для каждого пятого студента. Заметное число студентов затрудняются в выборе ответа на этот вопрос (почти каждый шестой студент). На наш взгляд, это указывает на то, что у трети студентов есть проблемы с выбором адекватной времени ориентации во времени.

Аналогичный раскол позиций существует и среди экспертов, свидетельствующий о наличии такого раскола в общественном сознании жителей Красноярска. Очевидно, что влияние этого общественного мнения является доминирующим. Влияние среды образования на данную позицию студентов, как видно из полученных данных, минимально.

2. Патриотизм и приоритет внутренней веры

Две ценности поддерживаются половиной опрошенных: приоритет внутренней веры (светскость) (59 и 71% студентов и экспертов, соответственно) и патриотизм как основа мобилизации усилий различных групп населения для совместного изменения к лучшему судьбы страны и своей личной судьбы (51,28%).

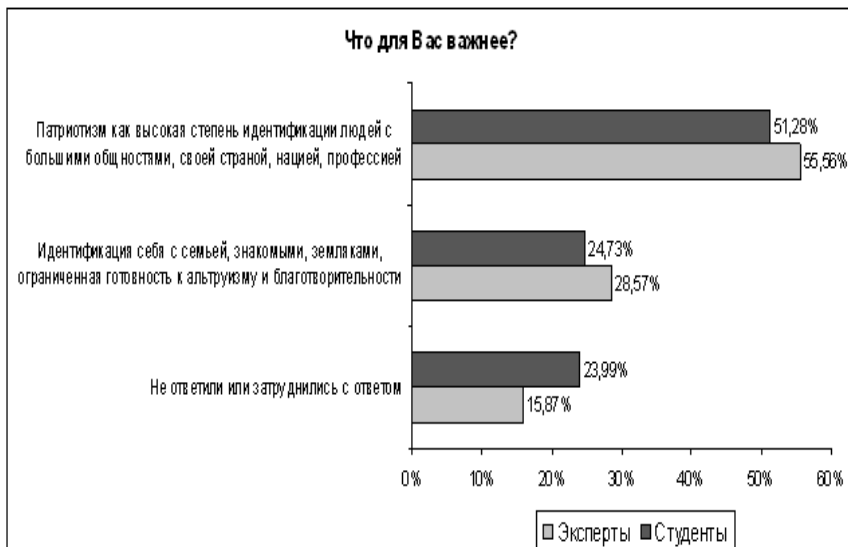

Рис. 6. Распределение мнений студентов и экспертов г. Красноярска о вариантах идентификации людей с разными видами общности

Проведенное исследование не выявило значительной установки студентов на реальное значение религии как значимой ценности в повседневной жизни. Такой позиции придерживается всего 18% студентов и довольно значимое их число (23,28%, почти каждый четвертый опрошенный студент) затруднились с ответом на этот вопрос.

Следует особо отметить достаточно высокую поддержку студентами и экспертами ценности «общего дела», солидарности со своей страной, народом, то, что по настоящему называется патриотизмом, выявленную данным исследованием. Из Рис. 6. видно, что студенты в меньшей степени ориентированы на идентификацию себя с ограниченными группами (семьей, знакомыми, земляками), которые, как правило, по данным Л. Харрисона, препятствуют модернизационным и инновационным процессам.

Кроме того, полученные результаты подтверждают, что многие студенты (практически каждый четвертый!) затрудняются с выбором ответа на этот принципиальный вопрос. С одной стороны, это показывает, что в общественном сознании Красноярска, как, по-видимому, и в целом по стране, успешность процессов обновления, модернизации не связывается с более широким, чем сейчас принято, толкованием понятия «патриотизм». С другой стороны, большое число студентов, затруднившихся с выбором ответа, может быть большим ресурсом для новых программ проинновационного обучения и воспитания студентов (12). Изменение информационной среды в стране также может повысить значимость данной приоритетно значимой для успешного развития страны ценности. В целом, полученные результаты свидетельствуют, что патриотические ценности разделяются более половиной студентов и экспертов Красноярска, что, на наш взгляд, является позитивной особенностью культурной среды сегодняшнего Красноярска.

3. Устройство власти

Из рис. 7 и табл. 1 видно, что ценностью матрицы «позитивной культуры развития», не поддерживаемой большинством студентов и экспертов Красноярска, является приоритетное для модернизации современных стран, с точки зрения Л. Харрисона, децентрализованное устройство власти модернизирующейся страны и наличие в ней большого разнообразия горизонтальной власти.

Данную ценность матрицы «позитивного развития» разделяет лишь пятая часть (19,78%) студентов и чуть более трети экспертов (34,78%). Около трети студентов и почти шестая часть экспертов затруднились однозначно ответить на этот вопрос. Почти половина студентов и экспертов (48-49%) полагают, что для модернизации страны необходима «централизованная и вертикальная власть», т.е. одна из важнейшей особенностей матрицы «статической культуры». Следует отметить, что данная установка является важной, но не доминирующей, несмотря на активную массовую её поддержку властными структурами и СМИ современной России. Данный факт, вероятнее всего, свидетельствует о реальных процессах адаптации общественного мнения студентов и экспертного сообщества Красноярска к новым вызовам времени и приобретении ими самостоятельных навыков самоопределения в меняющейся ценностной картине мира.

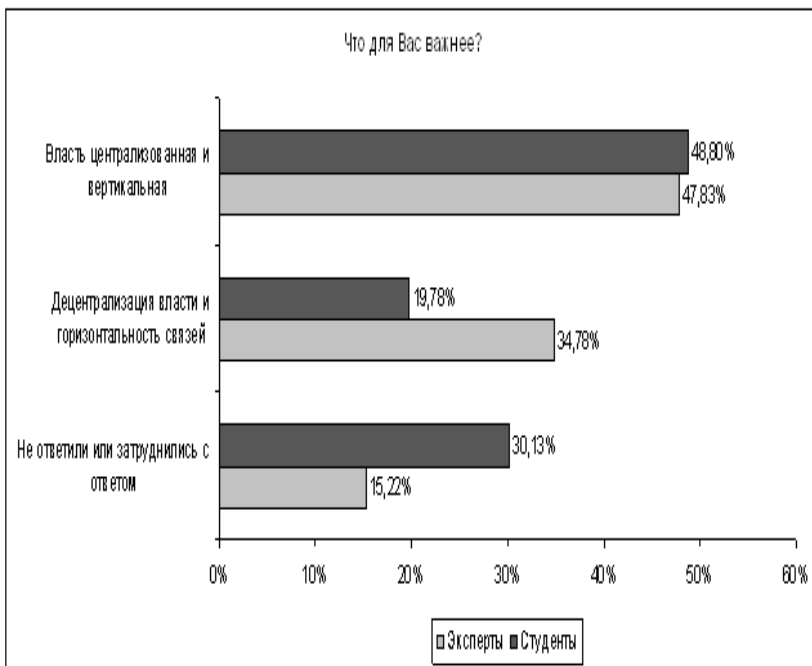

Рис. 7. Распределение мнений студентов и экспертов г. Красноярска об устройстве власти, благоприятной для успешной модернизации страны

Принципиальным здесь является вопрос о величине критической массы, необходимой для модернизации страны: 1-2%, 20%, 33-35%, или 51% населения, активных групп участников или её сторонников? Если эта критическая масса студентов, склонных к инновационной деятельности, в соответствии с известным законом Парето должна быть равной около 20%, то можно констатировать, что в Красноярске реально существует достаточная для инновационного развития среда среди студенческой молодежи.

ОЦЕНКА ШАНСОВ УСПЕШНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Результаты исследования, проведенные выше, в целом свидетельствуют о высоком оптимистическом ожидании успешности модернизации страны. Ответы на прямой вопрос анкеты опроса подтверждают этот вывод. Из рис. 8. видно, что только около 6% студентов считают, что никаких шансов на модернизацию в России нет и что мы «особые люди и можем жить очень скромно». Число пессимистически настроенных экспертов в два раза выше (13 %). Число крайне оптимистически настроенных студентов, считающих, что шансы успешной модернизации в нашей стране велики и, что особенно важно, необходимое число людей для модернизации у нас есть, достаточно велико (15%). Каждый четвёртый опрошенный студент и эксперт полагают, что это не так и нужного количества людей, способных реализовать модернизацию в нашей стране, нет. По этой причине процесс модернизации, по их мнению, как долгосрочный будет долгим.

При этом особо следует отметить, что более половины студентов и экспертов считают, что шансы совершить модернизацию страны есть, для этого лишь необходимо изменить сознание многих в стране. Такая позиция крайне необходима для проведения модернизации образования и личности в нашей стране. Можно даже сказать, что две данные группы опроса являются в какой-то мере группами опережающего развития, и именно поддержка этих групп позволит развить в нашей стране про-инновационное образование и совершить в короткие исторические сроки новую культурную (ментальную) революцию (13) .

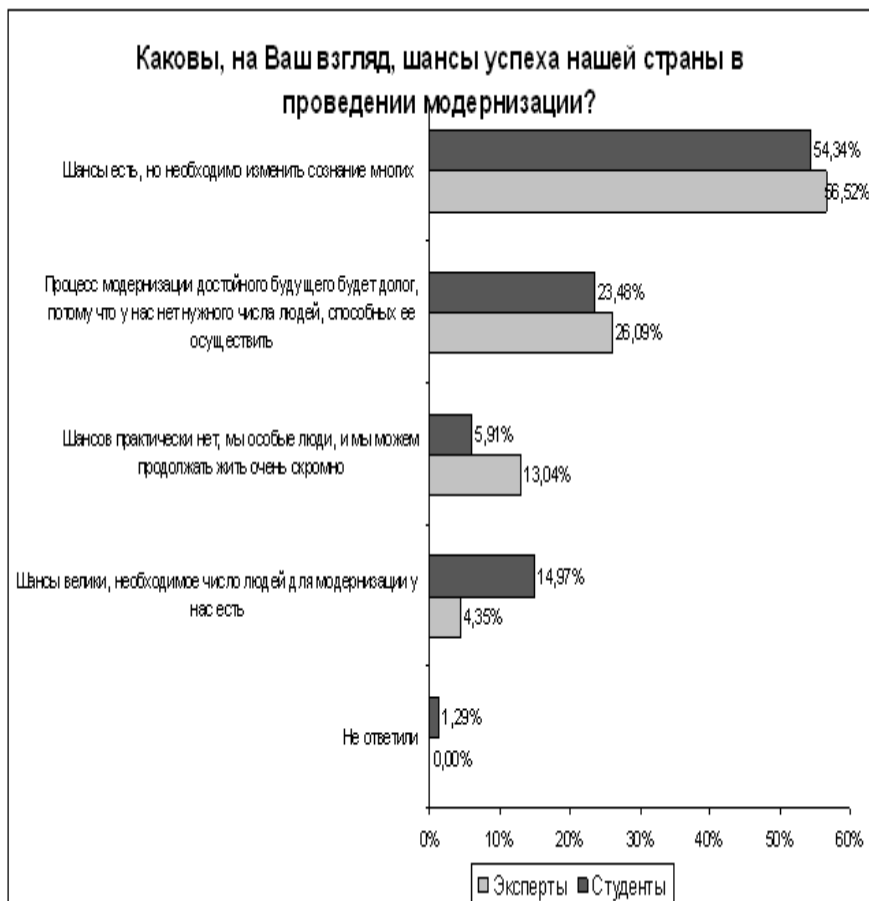

Рис. 8. Распределение мнений студентов и экспертов г. Красноярска о шансах проведения модернизации в России.

Проведенные исследования мнений студентов и экспертов Красноярска позволили получить несколько важных результатов:

1. В отличие от бытующих представлений о России как стране, психологически не готовой к модернизации и не желающей её реализации, полученные данные говорят об ином. Психологический настрой на необходимость, полез-

ность и реализуемость модернизации нашей страны среди студентов и экспертов очень высок. Красноярск по заявленным ценностным установкам не является «инновационной и модернизационной» пустыней, напротив, как студенческий город, он является городом «высоких модернизационных ожиданий». Представляется актуальным сравнение заявленных ожиданий с ожиданиями студентов других городов России.

2. Число студентов и экспертов Красноярска, позитивно относящихся к ценностям «прогрессивной культуры» стран, совершивших успешную модернизацию, также очень высок. Для большинства из них значимыми являются девять из десяти ценностей матрицы «прогрессивной культуры».

3. Исходя из максимально возможной суммы процентов поддержки этих позиций в 900%, итоговый процент поддержки этих девяти ценностей студентами Красноярска составляет 67,4%, а экспертов практически на 10 процентов выше – 76,54%. Данные значения очень высоки, даже если у студентов развитых стран они могут иметь еще большие значения. Более высокие показатели поддержки экспертами ценностей матрицы «прогрессивного развития» свидетельствуют о значительном сдвиге настроений общественного сознания от ценности «стабильность» к ценности «развитие» в последние годы.

4. Уровень поддержки этих девяти ценностей в матрице «статической культуры» невысок. Всего 17% студентов и 12,5% экспертов считают их значимыми для модернизации страны.

5. Имеется всего одна ценность матрицы «прогрессивной культуры» - децентрализованное устройство власти, которая не поддерживается большинством студентов и экспертов Красноярска. Эта позиция может являться своеобразным фактором исключения, препятствующая успеху модернизации. В таком случае модернизация политической

системы страны может стать ключевой наравне с модернизацией образования и личности в России.

В целом, проведенное исследование показывает значительное изменение ценностной картины мира студентов и демонстрирует актуальность исследований мнений ключевых групп населения, заинтересованных в успешной модернизации России.

Авторы выражают благодарность Копцевой Н.П., директору Института култорологии СФУ, за интересные дискуссии и поддержку данного исследования и Коломейцевой И.В. за помощь в обработке материалов исследования.

1. Медведев Д.А. Россия, вперед! [www. Kremlin.ru](http://www.Kremlin.ru)
2. Москвич Ю.Н. Образование на пути к новым целям: взгляд из ожидаемого завтра // Вестник алтайской науки. 2009. 3(6). С. 56–64.
3. Юргенс Игорь: «Мы не граждане, а какое-то племя». <http://kp.ru/daily/24559/733919/>
4. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. №1(93). С. 33-58.
5. Ложко В.В. Формирование человеческого капитала – главный ресурс инновационного социально-экономического развития России и ее регионов. Инновации. №10.(120). 2008. С. 30–35.
6. Москвич Ю.Н. Ключевые проблемы формирования устойчивого целеполагания для опережающего образования инновационной России. Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 4. Часть 1. Редколл.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2009. 696 с.

7. Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н. Виртуальные и реальные лики инновационных лидеров: Красноярские ожидания и пределы роста. Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. Ч.1. Сб. научных трудов, ИНИОН АН РАН, редколл.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. М., 2010. С. 276–284.
8. Современная модель образования, ориентированная на решение задач инновационного развития экономики. <http://www.mon.gov.ru/files/materials/4674avgust 08.doc/>
9. Харрисон Л. Кто процветает? Культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство, 2008. 300 с.
10. Новиков Вячеслав. Культурная матрица успешной модернизации. Известия. 30.06.2010.
11. Ландсберг М. Лидерство. Видение, вдохновение и энергия. пер. с англ. Парал. тит. англ. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 224 с.
12. Москвич Ю.Н. Смена парадигмы развития и проблемы наращивания человеческого капитала регионов. Психология обучения. № 10. 2010. С. 4–16.
13. Москвич Ю.Н. Творцы и созидатели нового мира: откуда пришли и куда держат путь. Осмысление глобального мира: коллективная монография, отв. ред. Ю.Н. Москвич [Серия: библиотека актуальной философии] Вып. 1. Красноярск: Изд-во «Литера-принт», 2007. 176 с. Размещена на сайте www.dialog21.ru

Заключение

Современный техногенный разум, создавая новые технологии, гаджеты, девайсы, создает новые смыслы, которые являются новыми иллюзиями. В результате этого техногенный разум обезличивает человека, делает его элементом процесса техногенного развития, где человек есть лишь единица, потребляющая определённое количество производимых продуктов питания, используя новые телефоны, смартфоны, коммуникаторы, айпады, другие модные техногенные устройства. Всё это вовлекает человека в бесконечное стремление к более модным, более современным, более престижным устройствам. Власть как реализация экономических интересов создаёт новые технологии управления экономикой и обществом как фактором этой сферы экономического бизнеса, тем самым продолжая логику развития техногенной псевдодуховности.

Необходима новая синергетика духовности. Общество как мегасоциум, как новое человечество должно выработать новые духовные скрижали, позволяющие создавать новые, более гармонизированные социально-глобальные структуры. И здесь вера в возможность позитивного духовного творчества и преобразования человечества является основанием для увеличения вероятности возникновения позитивного будущего.

Духовность как вера и духовность как разум, духовность как форма бытия человека в объективном мире есть высшая позитивная субъективность всего человечества как действующего фактора объективной реальности.

Сведения об авторах

Колмаков Владимир Юрьевич –
руководитель Исследовательского центра современных гуманитарных технологий при СибГТУ, учёный секретарь Красноярского отделения Российского Философского общества;

Лазуткин Андрей Петрович –
доцент СибГТУ, кандидат философских наук;

Рассказов Леонид Дементьевич –
доцент кафедры социальной работы и социологии СибГТУ, кандидат философских наук;

Ляшенко Юрий Алексеевич –
доцент кафедры политологии и права СибГТУ;

Андренко Олег Валерьевич –
кандидат биологических наук, доцент кафедры философии Красноярского государственного медицинского университета;

Бороноева Нина Алексеевна –
кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского Федерального университета;

Кудашов Вячеслав Иванович –
доктор философских наук, профессор, председатель Красноярского отделения Российского Философского общества;

Буртасова Наталья Николаевна –
кандидат философских наук, доцент кафедры философии СибГТУ;

Аюрзанайн Баярто Анандаевич –
кандидат физ.-мат. наук, доцент кафедры физики СибГТУ;

Балакшин Виталий Семенович –
инженер кафедры физики СибГТУ;

Викторук Елена Николаевна –
доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии СибГТУ;

Москвич Юрий Николаевич –
профессор, директор Центра стратегического прогнозирования и развития Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

Часть первая

Идеология духовности

Колмаков В.Ю.

ДУХОВНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА 21 ВЕКА.....	6
--------------------------------------	---

Рассказов Л.Д.

ПРИРОДА ЗНАНИЯ О ДУХОВНОМ КРИЗИСЕ.....	37
--	----

Колмаков В.Ю., Ляшенко Ю.А.

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: МАНИФЕСТ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ .	55
---	----

Кудашов В.И.

КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ КРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	77
---	----

Лазуткин А.П.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ДУХОВНОСТИ ОБЩЕСТВА.....	108
---	-----

Колмаков В.Ю., Ляшенко Ю.А.

ИДЕОКРЕАТИВНОСТЬ	141
------------------------	-----

Часть вторая

Рациональность и образование духовности

Н.С. Буртасова

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И КРИЗИС ДУХОВНОСТИ.....	156
---	-----

Андренко О.В., Колмаков В.Ю.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ДУХОВНОСТИ.....	174
---	-----

Аюрзанайн Б.А., Балакишин В.С., Колмаков В.Ю.

ПОТЕНЦИАЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОГНИТИВНОЙ ВИРТУАЛЬНОСТИ	200
---	-----

<i>Александров В.Г.</i>	
ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДУХА	213
<i>Бороноева Н.А., Колмаков В.Ю.</i>	
ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	
И ДУХОВНОСТЬ: ОБРАЗОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ.....	266
<i>Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н.</i>	
КУЛЬТУРНЫЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ	
МОЛОДЁЖИ	273
Заклучение	297
Сведения об авторах	298

ИДЕОЛОГИЯ: ДУХ, СМЫСЛ, РАЗУМ

МОНОГРАФИЯ

Редактор Н.А. Агафонова
Корректор С.А. Бовкун

Подписано в печать 23.11.11. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 11,06. Бумага офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ 1148. Цена свободная

Отпечатано в типографии «ЛИТЕРА-принт»,

т. 2950-248